

**МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
ИНСТИТУТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ЦЕНТР БИОЭТИКИ**

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ ПО БИОЭТИКЕ

Выпуск 12

Биоэтическое обеспечение инновационного развития
биомедицинских технологий

Под редакцией
доктора философских наук
П. Д. Тищенко

Редактор-составитель Р. Р. Бежлялетдинов

МОСКВА

Издательство Московского гуманитарного университета

УДК 174
ББК 87.75 Т48

*Издано при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-03-00846а/Б)*

Редакционный совет серии

Б. Г. Юдин (председатель), Р. Р. Бемялетдинов (ученый секретарь),
П. Д. Тищенко (ответственный редактор), Ф. Г. Майленова,
Д. Л. Агранат, Н. В. Захаров, Вал. А. Луков, М. А. Пронин,
О. В. Попова, Г. Б. Степанова

Рецензенты

Я. И. Свирский, доктор философских наук,
О. К. Румянцев, доктор философских наук

Р13 Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 12: Биоэтическое обеспечение инновационного развития биомедицинских технологий: сб. науч. статей / под ред. П. Д. Тищенко. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. — 106 с.

ISBN

© Авторы статей, 2011
© Московский гуманитарный университет, 2011

Предисловие

В настоящем издании публикуются статьи, объединенные такой темой, как этическое осмысление новых биомедицинских технологий. Часть работ, вошедших в сборник, выполнена в рамках российско-белорусского исследовательского проекта «Биоэтическое обеспечение инновационного развития биомедицинских технологий». С российской стороны этот проект поддерживается РГНФ.

Говоря о биоэтическом обеспечении такой бурно развивающейся сферы инноваций, как биомедицинские технологии, авторы обращают внимание на следующее обстоятельство. Вопреки распространенному представлению, этические, правовые, социальные проблемы возникают не только тогда, когда появляется новый класс технологий, как это было, скажем, при возникновении вспомогательных репродуктивных технологий. Биоэтическая рефлексия бывает востребованной и тогда, когда эти технологии получают широкое распространение, становятся чем-то вполне обыденным.

Дело здесь в том, что их освоение — это, как правило, не одномоментная акция, но достаточно длительный процесс, в ходе которого выявляются все новые ценностные напряжения, конфликты и противоречия. Ведь многие из этих технологий оказывают чрезвычайно глубокое воздействие на жизнь человека и общества, порождают такие ситуации, когда приходится ставить под вопрос, переосмысливать действующие нормы культуры. Таким образом, биоэтическое сопровождение таких технологий выступает в качестве необходимого средства для того, чтобы человек и общество могли осваиваться в той новой реальности, которая конструируется в ходе бурного прогресса биомедицины. Этот прогресс не только неуклонно расширяет спектр возможностей, который открывается перед человеком, но и порождает немало новых рисков, как собственно медицинского, так и культурного, и социального характера.

Границы человеческого существа в мире новых технологий¹

В настоящей статье речь пойдет о том, что бурное развитие технологий, в особенности биомедицинских, всё чаще порождает так называемые пограничные ситуации. В каждой из них проблематичным становится определение того, когда мы можем говорить о некоем существе как о человеке, а когда — как о том, что уже перестало (или еще не стало) быть человеком. Эти ситуации, на наш взгляд, и являются основным полем интересов биоэтики.

Пограничные зоны человеческого существования. Предметом обсуждения в этой статье станет такой, без всякого сомнения, фундаментальный вопрос: что есть человек? Конечно, я отнюдь не собираюсь претендовать на то, чтобы дать какое-то новое определение человека — было бы верхом самонадеянности покушаться на это. Моя задача здесь намного скромнее — просто зафиксировать тот факт, что развитие биомедицинских технологий делает этот извечный философский (а стало быть, как нередко считают, абстрактно-отвлеченный) вопрос вполне прагматическим, вопросом нашей повседневной жизни. С ним приходится сталкиваться не только исследователям, занимающимся разработкой новых биотехнологий, но и тем, кто эти технологии использует, иначе говоря, рядовым гражданам, которым так или иначе приходится с ними соприкасаться.

Мой подход будет основываться на понятии предельной, или пограничной, ситуации. Это понятие носит междисциплинарный характер, оно широко используется как в естественных, так и в гуманитарных науках. Существуют такие предельные ситуации, когда мы оказываемся на границе между двумя средами. Очевиднейший пример — переход воды из одного агрегатного состояния в другое, скажем, из твердого в жидкое (таяние льда). В термодинамике подобного рода превращения называют фазовыми переходами.

Если рассматривать такой переход без излишней детализации, так сказать, с высоты птичьего полета, то мы различим лишь некоторый скачок — то, что было куском льда, через некоторое время превратится в определенный объем жидкости. Но более пристальный взгляд позволит увидеть немало интересного, того, что с величайшим вниманием и тщательностью изучается во многих областях естествознания (коль скоро речь идет о природных явлениях). Фазовый переход — это обычно процесс быстротечный, характеризующийся нестабильным состоянием системы. Важное следствие

¹Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 10-03-0086а/Б.

такой нестабильности заключается в том, что зависимость между интенсивностью входных воздействий на систему и ее реакциями на эти воздействия бывает нелинейной, так что относительно слабые воздействия могут вызывать весьма серьезные последствия, вести к кардинальным изменениям состояния системы.

С аналогичными явлениями приходится иметь дело и в науках, изучающих человеческое общество и его историю. И здесь мы фиксируем такого рода «фазовые переходы», когда относительно стабильное существование социального организма сменяется периодом быстрых и резких, революционных изменений. В таких условиях нестабильности вполне возможно, что какие-то процессы, протекающие на микроуровне, повлекут глубокие последствия, которые проявятся в весьма заметных, вплоть до самого глобального, масштабах.

Необходимо специально подчеркнуть это обстоятельство: и в естественных, и в социальных системах слабые возмущения, происходящие на стадии фазового перехода, способны вызывать значительные изменения. Принимать во внимание специфику переходных процессов важно не только при изучении таких систем, но и при поиске эффективных технологий воздействия на них. Именно в этом во многом и заключены основания быстро растущего в современной науке внимания к такого рода состояниям и ситуациям. В свою очередь, повышенным интересом к открывающимся здесь технологическим возможностям определяются приоритетные направления научного познания и самих таких систем и состояний.

Возвращаясь теперь к вопросу, поставленному в начале статьи, необходимо отметить, что сказанное о переходных ситуациях применимо и к человеку. Сегодня он все чаще оказывается объектом самых разных воздействий, осуществляемых с помощью соответствующих технологий². Есть все основания утверждать, что создание новых, всё более эффективных технологий воздействия на человека стало в наши дни одной из наиболее значимых тенденций научно-технического прогресса. А это значит, что особое внимание привлекают те самые пограничные зоны, в пределах которых технологические вмешательства могут быть особенно результативными.

Но, далее, применительно к познанию человека такие пограничные зоны значимы еще и потому, что обращение к ним позволяет нам лучше понять, что есть человек. Ведь именно в предельных ситуациях зачастую наиболее отчетливо проявляются какие-то определяющие черты интересующего нас объекта. В данном же случае нас будут интересовать такие

² См. Юдин Б.Г. Человек в обществе знаний // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2010, №3, с. 65-83.

предельные ситуации, которые представляют собой грань между собственно человеческим существом и тем, что таковым не является. Сделав такие предельные ситуации своего рода точками отсчета, мы можем попытаться увидеть, что такое человек, с одной стороны, как бы находясь внутри этого человеческого, а с другой, — глядя на него извне.

Чрезвычайно обильным поставщиком таких предельных ситуаций применительно к человеку являются сегодня биомедицинские технологии. Они особенно активно развиваются и используются для осуществления таких манипуляций в пограничных зонах, которые чреватые самыми разными возможностями. С моей точки зрения, именно то, что биомедицинские технологии внедряются в такие зоны, во многом и делает сегодня особенно актуальным вопрос о том, что такое человек, определяет, если угодно, специфические формы постановки и осмысления этого вопроса.

Вот несколько примеров того, как появление новых технологий заставляет задумываться над тем, что такое человек. Принятая в 1997 г. Советом Европы «Конвенция о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине» стала первым юридически обязывающим документом, призванным регулировать создание и применение биомедицинских технологий. Согласно статье 1 этого документа, раскрывающей его объект и цель, «Стороны настоящей Конвенции обязуются при использовании достижений биологии и медицины защищать достоинство и индивидуальность *каждого человеческого существа* и гарантируют *каждому*, без дискриминации, уважение целостности и неприкосновенности его личности и соблюдение других прав и основных свобод»³.

Как видно из содержания этой статьи, ее смысл самым существенным образом зависит от того, что будет пониматься под «человеческим существом» и «каждым» (человеком). А между тем Конвенция не дает определения понятий «человек» и «человеческое существо». В этой связи в Пояснительном докладе, дающем толкования положений Конвенции, отмечается: «В Конвенции не дается определения термина "каждый" (во французском языке "toute personne"). Эти два термина эквивалентны и употребляются в английском и французском вариантах Европейской конвенции о правах человека, в которой, однако, тоже нет их определения. В отсутствие единодушия среди государств — членов Совета Европы относительно определения этих терминов было принято решение, что для целей применения настоящей Конвенции их определение отдается на усмотрение».

³ <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Html/164.htm> (Курсив мой — Б.Ю.)

рение национального законодательства стран»⁴. Таким образом, Совет Европы не взял на себя смелость давать юридически обязывающее определение понятий «человек» и «человеческое существо».

Еще один пример. Линда Гленн, американский специалист по биоэтике, несколько лет назад заметила: «За последние годы произошло несколько научных достижений, которые прежде мы относили к области научной фантастики. От переноса клеточных ядер до беременности вне организма, от чипов, имплантируемых в мозг, до трансгенных организмов, от киборгов до химер — таковы следующие шаги в нашей собственной эволюции. Будущие открытия, вероятно, изменят наше понимание того, «что есть человек». Сегодня патентовать человеческие существа нельзя, но само понятие «человеческого существа» еще должно быть определено судами или законодателями».⁵ Я согласился бы с этими словами, но с одним уточнением: на мой взгляд, определение этого понятие требует участия не одних только юристов и законодателей, но более широкого круга экспертов, в том числе и философов.

Далее речь пойдет о четырех пограничных зонах, хотя это совсем не значит, что их не может быть больше. Наверное, можно предложить и другие примеры такого рода пограничных зон, в отношении которых будет уместно задаваться тем же самым вопросом. По мере того, как мы приближаемся к какой-либо из таких пограничных зон, так сказать, изнутри, у нас становится все меньше оснований с определенностью утверждать, что мы всё еще имеем дело с человеком. А когда мы пересекаем внешнюю границу этой зоны, то получаем право уверенно утверждать, что «это» — уже не человек. Находясь же внутри пограничной зоны, мы лишены четких ориентиров, позволяющих однозначно решать, имеем ли мы дело с человеком или нет. С этой точки зрения можно говорить о пограничных зонах как о зонах неопределенности.

Человек между жизнью и смертью. Итак, каковы же эти зоны? Первая зона — это зона, которая располагается между жизнью и смертью индивидуального человеческого существа. Вторая зона предваряет рождение индивидуального человеческого существа. Третья зона разделяет (или, может быть, соединяет?) человека и животное. И четвертая зона — это зона, тоже, может быть, разделяющая, а может быть, объединяющая человека и машину.

⁴ <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Reports/Html/164.htm>

⁵ Linda MacDonald Glenn. When Pigs Fly? Legal and Ethical Issues in Transgenics and the Creation of Chimeras // *The Physiologist*, Vol. 46, #5, October 2003, p. 251.

В каждой из этих зон, если мы начинаем внимательно в нее всматриваться, обнаруживаются весьма интересные, зачастую весьма бурные процессы, которые люди мало-помалу начинают контролировать с помощью биомедицинских технологий. Оказывается, что видевшееся при поверхностном взгляде как мгновенный переход, предстает теперь как целая цепь взаимосвязанных явлений и процессов, а на месте того, что казалось нам точечным событием, обнаруживается обширная область, в пределах которой биомедицинские технологии позволяют осуществлять разного рода манипуляции.

Один из примеров подобных манипуляций, относящийся к первой из обозначенных выше пограничных зон — это постановка такого диагноза, как «смерть мозга». Смерть мозга фиксируется тогда, когда мозг перестал функционировать, причем остановка функционирования приняла необратимый характер. Дело, однако, в том, что современные биомедицинские технологии позволяют в течение довольно длительного времени, исчисляемого часами и днями, поддерживать в организме какие-то биологические процессы и функции. Если пациент подключен к аппарату «искусственное сердце — легкие», то у него может поддерживаться дыхание и кровообращение при том, что сердце и легкие свои функции не выполняют. Это — такое искусственное состояние, которое природа сама по себе не обеспечивает. А коль скоро мы научились вызывать и поддерживать это искусственное состояние, то оказывается, что с организмом, находящимся в таком состоянии, можно производить различные манипуляции.

Прежде всего, возможность сохранять жизнь человека в условиях, когда естественное кровообращение и дыхание прерваны, означает, что те состояния, которые прежде ассоциировались со смертью, теперь оказываются в существенных пределах обратимыми. А тем самым и смерть человека отодвигается, так что при наших попытках ответить на вопрос «что такое человек?» мы уже не можем так легко и просто указывать в качестве одного из неотъемлемых признаков наличие самопроизвольного дыхания и (или) кровообращения.

Но, более того, создаются технологии, направленные на то, чтобы, с одной стороны, обеспечивать это искусственное прерывание кровообращения и дыхания, останавливая нормальное функционирование сердца и легких и, с другой стороны, напротив, искусственно же запускать их нормальное функционирование. Тем самым открывается возможность проводить такие хирургические манипуляции, как, скажем, аортокоронарное шунтирование, которое позволяет восстанавливать кровоснабжение сердечной мышцы. У пациента вырезается кусок кровеносного сосуда, скажем, вены из ноги, который затем вшивается ему же в качестве обводного канала

(шунта) в коронарную артерию. При этом на время проведения всех хирургических манипуляций, занимающих несколько часов, естественный кровоток у пациента останавливается, так что с точки зрения традиционных критериев смерти этого пациента следовало бы считать умершим. За последние десятилетия аортокоронарное шунтирование позволило на целые десятилетия отодвинуть грань, отделяющую жизнь от смерти, для миллионов людей.

Возможность осуществления всех этих манипуляций свидетельствует о том, что пограничная зона между жизнью и смертью человеческого существа расширяется, причем не столько в физическом, сколько в технологическом смысле. Еще одна сфера ее расширения связана с использованием органов и тканей пациента, у которого поставлен диагноз смерти мозга, для аллотрансплантации, т.е. их пересадки другим пациентам. С принятием этого критерия только и стало возможным изымать из тела человеческого существа, у которого поставлен диагноз смерти мозга, такие органы, как сердце, легкие, печень. Ведь извлечение этих органов из тела живого пациента, т.е. того, у которого смерть мозга не диагностирована (и не оформлена юридически), будет квалифицироваться как убийство. А коль скоро такой диагноз поставлен, то изъятие этих, и не только этих, но и многих других, органов и тканей становится вполне приемлемой манипуляцией: изъятые органы и ткани могут быть использованы в терапевтических целях — для того, чтобы помочь другим пациентам.

Появление и последующее расширение зоны манипуляций в пространстве между жизнью и смертью порождает и множество проблем морального порядка, изучением которых занимается биоэтика. При этом, как показывает история развития биоэтики, довольно редко проблемы, которые ее интересуют, получают окончательное, устраивающее всех решение. Как правило, эти проблемы, относятся ли они к донорству и пересадке органов, к возможности отключения пациента от жизнеподдерживающих устройств, к допустимости тех или иных генетических тестов или же вмешательств в гены человека и т.д., снова и снова становятся ареной столкновения противоборствующих позиций, неустанного поиска приемлемых решений. И одним из главных оснований, на которые опираются предлагаемые нами решения, как раз и является наше понимание того, «что такое человек?». Можно ли считать, что существо, у которого диагностирована смерть мозга, уже перестало быть человеком, если учесть, что мы можем наблюдать воочию многие признаки биологического функционирования его организма?

Очевидно, нашими поисками ответа на этот вопрос руководит вовсе не праздное любопытство, а вполне практические соображения. Только в

силу того, что мы признаём, что это существо уже не является человеком, живым человеком, мы и можем совершать такие манипуляции, как извлечение и последующее использование органов и тканей этого существа или как отключение жизнеподдерживающей аппаратуры.

Ведь когда мы говорим, что это вот существо — человек, тем самым мы не просто фиксируем какие-то объективные показатели, которые позволяют поставить диагноз смерти мозга. Мы ещё и выражаем нашу ценностную позицию, на основании которой и определяем, какие манипуляции будут морально приемлемыми, а какие — нет. И постольку, поскольку у людей бывают разные, порой диаметрально расходящиеся, ценности, в таких ситуациях бывает очень непросто найти решение, которое удовлетворило бы всех.

Это со всей очевидностью демонстрирует наш пример, в котором речь идёт о пограничной зоне между жизнью и смертью. Действительно, когда в 60-е годы XX века впервые в дополнение к традиционным критериям, по которым фиксировалась смерть, был предложен новый критерий смерти, то далеко не все готовы были его принять. Известно, что в Советском Союзе В.П. Демихов проводил пионерские исследования в области трансплантологии, экспериментируя на собаках. В частности, уже в 1946 г. он осуществил пересадку сердца, а затем — и комплекса сердце-легкие. А вскоре после того, как южноафриканский врач К. Барнард в 1967 г. провел первую в мире успешную пересадку донорского сердца от человека человеку, и в нашей стране была предпринята подобная операция, оказавшаяся, правда, неудачной. Затем, однако, работы по пересадке сердца у нас были прерваны почти на 20 лет. И причиной такого перерыва было то, что тогдашний министр здравоохранения СССР, академик Б.В. Петровский, сам, кстати, выдающийся кардиохирург, по моральным основаниям не мог принять критерия смерти мозга. Он рассуждал примерно так: «Как это — у человека, пусть искусственными средствами, но поддерживается дыхание и кровообращение, а мы будем считать его мёртвым?» В результате в Советском Союзе первая успешная операция по пересадке сердца была проведена лишь в 1987 г. академиком В.И. Шумаковым. Сам же критерий смерти мозга был в полной мере узаконен уже в России, когда в 1992 г. был принят Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека».

В этом отношении наша страна отнюдь не уникальна. Так, в Японии тоже были немалые сложности с юридическим, а точнее сказать — с моральным одобрением этого критерия. А есть люди, которые до сих пор не хотят его принимать. Но давайте теперь попробуем задаться вопросом: а что и кто может обязать такого неверующего принять критерий смерти мозга?

Да, ученые, биологи и медики, утверждают, что человеческое существо, оказавшееся в таком состоянии, является мертвым. Но вот один из таких несогласных — будем называть его Фомой неверующим, — рядовой человек, видит, что, скажем, его близкий, который лежит на больничной койке, дышит (пусть с помощью искусственного устройства), у него пульсирует кровь и т. п. И когда врачи говорят Фоме, что его родственник мёртв, Фома с ними не соглашается, предпочитая верить не чужим словам, а своим глазам.

Пойдем теперь дальше: к делу подключились юристы, за ними — законодатели. Принят соответствующий акт, узаконивающий этот критерий. Отныне за ним стоит авторитет не только ученых, но и государства. Значит ли это, что теперь наш Фома обязан с ним согласиться, так сказать, внутренне, по своим убеждениям? Я в этом не уверен.

И действительно, есть люди, которые не хотят принимать этот критерий. Их, конечно, можно считать отсталыми, темными, но вопрос всё-таки остается: а можно ли *заставить* их согласиться с критерием смерти мозга, *заставить* считать мертвым человеческое существо, у которого поддерживается дыхание и кровообращение?

Здесь напрашивается сравнение нашего Фомы с невеждой, отказывающимся признавать, что Земля вращается вокруг Солнца, а не наоборот. Мы, конечно, можем посмеяться над таким человеком, но будет ли иметь смысл принятие закона, заставляющего признавать гелиоцентрическую систему? Не окажется ли еще более смешным сам такой закон? В самом деле, до тех пор, пока представления и верования Фомы не причиняют ущерба кому-нибудь другому, они остаются его частным делом.

Возвращаясь теперь к нашему критерию, можно заметить, что в некоторых странах закон не настаивает на его всеобщности. В том случае, если кто-то отказывается признавать критерий смерти мозга, его позиция получает признание, так что смерть его близкого будет определяться в соответствии с традиционными критериями.

Как мы видим, всё начинается с того, что создаются биомедицинские технологии, позволяющие бороться за продление человеческой жизни, за то, чтобы отодвинуть какие-то состояния, которые раньше были терминальными, чтобы человеческая жизнь могла продолжаться дальше. Едва ли кто-то будет спорить, что цель, которая при этом преследуется — самая благая. А затем, когда эти технологии уже начинают применяться, обнаруживаются и какие-то новые возможности, которые вначале не были видны. И в результате открываются такие пути развития, такие траектории, которые порождают не только новые возможности, но и новые морально-этические проблемы.

Зона репродукции. Перейдем теперь к другой пограничной зоне — зоне, которая предшествует рождению нового индивидуального человеческого существа. Грубо говоря, этот интервал можно ограничить моментом слияния сперматозоида и яйцеклетки, с одной стороны, и моментом выхода ребенка на свет из материнской утробы, с другой. Здесь тоже в последние десятилетия очень основательно поработали биомедицинские технологии. Весь этот период, как известно, длится 28 недель, которые, впрочем, неравнозначны в отношении эффективности микровоздействий на развивающийся организм: чем ближе к начальной стадии, тем более результативны эти воздействия. Вместе с тем в ценностно-этическом отношении дело обстоит таким образом, что чем ближе к окончанию внутриутробного развития, тем, вообще говоря, морально менее допустимыми считаются внешние технологические воздействия на организм.

Следует отметить, впрочем, такое немаловажное обстоятельство. Подобно тому, как в зоне окончания человеческой жизни некоторые технологически важные воздействия приходится на то время, когда смерть уже зафиксирована, так и в зоне начала жизни многие значимые воздействия на мужские и женские половые клетки производятся еще до момента их соединения.

Нобелевскую премию по медицине за 2010 г. получил британский физиолог Роберт Эдвардс, который явился одним из отцов-основателей вспомогательных репродуктивных технологий, в частности, того направления, которое принято называть экстракорпоральным оплодотворением. И эта зона тоже оказалась предметом самого пристального интереса, как научного, так и общественного, породившего массивный поток научных исследований.

Эти исследования в области искусственной репродукции привели к возникновению множества новых технологий. И, естественно, с развитием таких технологий стали возникать и новые проблемы: а является ли уже человеческим существом вот это, то, с чем ученые манипулируют в пробирке, или ещё не является?

Одна из таких проблем, о которой в наши дни говорят особенно много, — это проблема эмбриональных стволовых клеток. Чтобы их получить, надо, скажем так, употребить на это зарождающуюся человеческую жизнь. Или еще одна проблема: можно ли (с этической, а не с технической точки зрения — техническая возможность этого очевидна) создавать человеческие эмбрионы для исследовательских целей? В 1997 г. Советом Европы была принята Конвенция о защите прав человека и достоинства человеческого существа в связи с использованием достижений биологии и медицины (Конвенция о правах человека и биомедицине), часто ее именуют про-

сто Конвенцией о биоэтике. Статья 18, часть 2 этого документа гласит: «Запрещается создание эмбрионов человека в исследовательских целях». Но, скажем, такое государство, как Великобритания, не присоединяется к этой Конвенции, потому что там считают, что такие манипуляции с эмбрионами в каких-то пределах допустимы. Конечно, проведение этих манипуляций регулируется, и нет такой ситуации, что «всё дозволено». Нет, однако, и жесткого запрета. В Великобритании действует специальная регулирующая структура — Управление, регулирующее вопросы оплодотворения и эмбриологии человека (Human Fertilisation and Embryology Authority — HFEA). Оно занимается лицензированием и мониторингом клиник искусственного оплодотворения и всех проводимых в стране исследований на человеческих эмбрионах, а также обеспечивает информирование общества по этой проблематике.

Запрета на создание эмбрионов в исследовательских целях нет и в нашем законодательстве, и это — одно из оснований, по которым Правовой департамент Министерства здравоохранения и социального развития РФ выступает против присоединения России к Конвенции о биоэтике. Правда, нет у нас и органа, аналогичного HFEA, так что с юридической точки зрения дозволены если не все, то очень многие манипуляции с зародышевым материалом независимо от того, как они оцениваются в этическом плане.

Появление технологий, позволяющих такие манипуляции, первоначально обосновывалось целью медицинской помощи супружеским парам, которые по тем или иным причинам оказываются бесплодными. Иными словами, речь шла о терапевтическом использовании этих технологий. Между тем их развитие открывало все новые и новые возможности, в том числе и отнюдь не терапевтические.

Рассмотрим в качестве примера преимплантационную диагностику. Сама ее возможность возникла тогда, когда была разработана технология оплодотворения в пробирке. Если оплодотворение происходит в пробирке, то начинает развиваться сразу несколько протоэмбрионов, которые потом могут быть имплантированы женщине для того, чтобы у неё развивалась беременность. Так вот, технология преимплантационной диагностики первоначально разрабатывалась для того, чтобы отбирать из числа этих протоэмбрионов таких, у которых нет дефектов.

А дальше события начинают развиваться по своей логике: выясняется, что можно ставить задачу не простого отбора протоэмбрионов без дефектов, а выбора того из них, который в процессе своего развития превратится в ребёнка с какими-то определёнными характеристиками, привлекательными для его родителей. Получается, таким образом, что к этой вспо-

могательной репродуктивной технологии (оплодотворения в пробирке) можно прибегать не потому, что у женщины или у мужчины какие-то дефекты репродуктивных органов, а потому, что появляется сама такая возможность селекции. Иными словами, становится практически осуществимой реализация — пока что на уровне отдельной семьи — евгенических проектов улучшения потомства. И тогда оказывается, что люди могут идти на оплодотворение в пробирке не ради терапевтических целей, а именно для того, чтобы получить возможность такого выбора.

Начинает обсуждаться следующий сюжет: допустим, эти технологии получили широкое распространение, и можно производить преимплантационный отбор протоэмбрионов по таким генам, которые обеспечат высокий уровень интеллекта. В этом контексте можно помыслить сценарий из сравнительно недалекого будущего: с тех пор, как технологии такого отбора стали общепринятыми, проходит лет 20 лет, и вот ребёнок, уже юноша, который был рожден, так сказать, обычным путём, без оплодотворения в пробирке, обращается к родителям и пеняет им: «Что же вы в свое время не позаботились обо мне как следует? Все вокруг меня такие интеллектуально одаренные, такие развитые, а я один серый и ограниченный, потому что вы либо пожалели денег на оплодотворение в пробирке и диагностику, либо вообще об этом не задумывались». Возникает, таким образом, совершенно другая ситуация: технология оплодотворения в пробирке становится преобладающей, но уже не по медицинским, а по совсем иным основаниям.

Рассмотренный пример на сегодня является все-таки гипотетическим, да и сами технологии оплодотворения в пробирке и преимплантационной диагностики пока что не очень-то надежны. Есть, однако, примеры и вполне реальные, относящиеся, правда, не к преимплантационной, а к пренатальной диагностике (которая проводится уже на стадии внутриутробного развития плода). Эта технология все чаще применяется для обнаружения генетических дефектов развивающегося эмбриона, и ее возможности быстро расширяются, поскольку возрастает многообразие генетических аномалий, которые позволяет выявлять такая диагностика.

Но сегодня широкое применение пренатальной диагностики в основном связано с тем, что во многих странах она используется для селекции по признаку пола. При этом за диагностикой следует аборт, коль скоро пол будущего ребенка не удовлетворяет родителей. Известно, что обычно на 100 рождений девочек приходится 105-106 рождений мальчиков. Девочки по природе более жизнеспособны, так что к репродуктивному возрасту соотношение полов выравнивается, становится 100 к 100. А сейчас в некоторых странах (в основном в Юго-Восточной Азии, хотя не только там) это отношение доходит до 122 к 100. Значит, на 100 девочек рождается 122 мальчика.

И причиной является то, что часто родители, узнав, что беременность должна разрешиться рождением девочки, прибегают к аборту.

«В большинстве стран мира закон запрещает использовать тесты на определение пола ребенка, — пишет американский биофизик, один из наиболее энергичных пропагандистов идей перехода от человека к трансчеловеку, постчеловеческого будущего Г. Сток, — для целей выбора пола, но такая практика является общепринятой. Исследование, проведенное в Бомбее, дало удивительный результат: из 8 000 абортированных зародышей 7 997 были женского пола. А в Южной Корее подобные аборт получили такое распространение, что около 65% детей, рождающихся третьими в семье, — мальчики, видимо, из-за того, что супруги не хотят повлечения еще одной девочки.»⁶

В Китае, где такие практики используются уже довольно долго, последствия их применения накладываются на результаты государственной политики сокращения рождаемости, основывающейся на принципе «одна семья — один ребёнок». Поэтому там существует особенно сильная мотивация в пользу того, чтобы проводить пренатальную диагностику и, в случае надобности, делать аборт. И страна уже столкнулась с весьма острой проблемой: юношей, находящихся в репродуктивном возрасте, существенно больше, чем девушек, потенциальных невест. Это является источником серьезных социальных напряжений и проблем, потому что юноша, которому трудно найти спутницу жизни, будет, скорее всего, более склонен к тем или иным формам антисоциального поведения.

Вообще же следует заметить, что пограничная зона, через которую проходит рождающееся человеческое существо, является, пожалуй, наиболее чувствительной этическими проблемами. Для иллюстрации можно напомнить о том, что в свое время в рамках Руководящего комитета по биоэтике Совета Европы была создана рабочая группа международных экспертов. Перед группой была поставлена такая задача: разработать юридически обязывающий документ, направленный на защиту эмбрионов и зародышей человека. Спустя несколько лет, однако, группа пришла к выводу, что создание такого документа сегодня не представляется возможным. Причина — эксперты оказались не в состоянии прийти к согласованному решению о том, с какого момента начинается человеческая жизнь. В результате группа ограничилась лишь представлением доклада, в котором были зафиксированы наиболее распространенные позиции по этому вопросу⁷.

⁶ Gregory Stock. *Redesigning Humans. Choosing our Genes, Changing our Future*. Mariner Books. Boston, New York, 2003, p. 14.

⁷ См. [CDBI-CO-GT3 \(2003\)13 \(PDF\)](http://www.coe.int/t/dg3/healthbioethic/texts_and_documents/default_en.asp) The protection of the human embryo in vitro — Report by the Working Party on the Protection of the Human Embryo and Fetus http://www.coe.int/t/dg3/healthbioethic/texts_and_documents/default_en.asp

Между человеком и животным. Теперь более кратко о двух других пограничных зонах, которые также заставляют задаваться вопросом «что такое человек»? Одна из них — зона между животным и человеком. Существа, населяющие эту зону, называют гибридами, т.е. организмами, полученными в результате скрещивания генетически различающихся видов или химерами, т.е. организмы (или части организмов), состоящие из генетически разнородных тканей.

В 50-е годы очень популярен (и у нас, в Советском Союзе) был роман французского писателя Жана Веркора «Люди или животные?» (В оригинале, на французском — «Неестественные животные»⁸). Сюжет таков: в Австралии обнаруживаются существа, которым антропологи дают именование *Paranthropus*. Непонятно, то ли эти существа являются обезьянами, то ли людьми. И нашлись те, кто стал использовать этих существ для выполнения тяжёлых работ, эксплуатировать их. Сторонники такой позиции, естественно, обосновывали ее тем, что эти существа — нелюди, эксплуатация которых несколько не предосудительна. Оказалось, для ответа на вопрос о том, являются ли *Paranthropus* людьми или животными, необходимо было дать определение того, «что есть человек». А затем выяснилось, что нет какой-то одной области знаний, которая обладала бы монополией на единственно верное решение этой проблемы.

В 1974 г. Дж. Флетчер, американский теолог и специалист по биоэтике, в своей книге «Этика генетического контроля: конец репродуктивной рулетки» предложил термин «паралюди» для обозначения химер и киборгов. По его словам, паралюдей можно будет создавать для использования на грязных и опасных работах⁹. Впрочем, эти идеи Флетчера были встречены весьма критически и коллегами, и широкой публикой.

Сейчас интерес к пограничной зоне между человеком и животным обострился в связи с появлением таких технологий, как, скажем, ксенотрансплантация, то есть использование для пересадки человеку донорских органов животных. Дело в том, что с развитием трансплантологии операций по пересадке становится все больше, так что дефицит необходимых для этого органов и тканей человека неуклонно обостряется. В связи с этим и возникает идея использовать для трансплантации органы животных. (Кстати, согласно Википедии, в первой операции по пересадке сердца человеку, выполненной в 1964 г. Джеймсом Харди, было использовано сердце животного.) Но если какой-то орган животного пересаживается челове-

⁸Jean Vercors. *Les animaux dénaturés* (1952). Пер. с фр. — Р.Закарьян, Г.Сафронова. В кн. "Веркор. Молчание моря. Люди или животные? Сильва. Плот "Медузы". М., "Радуга", 1990

⁹ Fletcher, J. «The Ethics of Genetic Control: Ending Reproductive Roulette». Prometheus Books, 1988, P. 135-139.

ку, то граница между человеком и животным оказывается размытой. В современных дискуссиях по поводу этических проблем, порождаемых ксенотрансплантацией, преобладают два мотива. Первый из них — это риск, связанный с тем, что в теле животного, из которого будут изыматься органы или ткани для пересадки их человеку, могут содержаться такие микроорганизмы, такие вирусы, которые в процессе эволюции стали совершенно безвредными для своего естественного хозяина. Эта безвредность, между прочим, может делать их трудно обнаруживаемыми. Однако при попадании в иную среду — в генетически сильно отличающийся организм человека — эти вирусы могут стать чрезвычайно опасными, патогенными для нового хозяина, организм которого не имел возможности выработать механизмы защиты от них.

Второй мотив дискуссий по поводу ксенотрансплантации связан с культурной значимостью границы между человеком и животным. Отметим, что по целому ряду научных и практических соображений из всех видов животных наиболее подходящим с точки зрения возможностей использования в целях ксенотрансплантации является свинья. Между тем в некоторых религиях (исламе, иудаизме и др.) свинья воспринимается как нечистое животное, так что для человека будет совершенно неприемлемой пересадка ему органа, изъятого у свиньи. Да и в более общем случае, как все мы отлично знаем, в любой культуре существует грань между человеком и животным. Наличие такой грани, которая, впрочем, в разных культурах может проводиться по-разному, можно считать одной из универсалий культуры. Но коль это так, то мы можем полагать, что человеку психологически будет по меньшей мере некомфортно, если ему предложат согласиться — даже во имя спасения собственной жизни — на то, что в его тело будет постоянно помещен фрагмент какого-либо животного. А если пойти немного дальше и помыслить человека, у которого не один, а целый ряд жизненно важных органов будут животного происхождения?

Таким образом, и в этой пограничной зоне перед нами встает всё тот же вопрос: «Что такое человек?», который в данном случае можно переформулировать примерно так: «Где кончается животное и начинается человек?». Опять—таки, этот вопрос несет в себе вполне практический смысл, поскольку возникает необходимость решать, что является допустимым (с этической, а может быть, также и с юридической точки зрения), а что — недопустимым. Но, далее, о комбинациях человека и животного приходится говорить не только в связи с ксенотрансплантацией. Сегодня гибриды и химеры человека и животных создаются для исследовательских целей, для получения каких-то ценных продуктов, лекарственных препаратов и т. д.

Человек искусственный? Наконец, ещё одна зона неопределённости — это зона между человеком и машиной. Эту зону не так-то просто ограничить, поскольку в широком понимании любой артефакт, любое орудие, вообще любое приспособление, создаваемое и (или) используемое человеком, можно представить как его искусственное продолжение.

Можно полагать, впрочем, что не будет выглядеть чрезмерным такое ограничение, в соответствии с которым в рассмотрение включаются только те устройства, которые являются структурными или функциональными аналогами, заместителями тех или иных органов человека. Технологические воздействия в этой зоне также могут носить терапевтический характер. Простейший пример — это очки, которыми мы пользуемся, когда у нас возникают проблемы со зрением. При этом очки выступают в качестве искусственного устройства, призванного усилить функционально ослабленный естественный орган зрения, глаз. Другой пример — протез, скажем, такой, который замещает ногу у человека, потерявшего ее в автомобильной аварии, и может существенно улучшить качество его жизни. Здесь уже мы имеем дело не только с функциональным, но и со структурным подобием естественного органа и заменяющего этот орган искусственного устройства.

С точки зрения голландского философа американского происхождения Дж. Андерсона, различие между двумя этими примерами можно провести на основе «критерия инвазивности», т.е. того, вторгается ли то или иное устройство внутрь тела человека. В отличие от первого, во втором примере речь идет об устройстве, которое «нарушает границу между тем, что находится внутри человека, и тем, что вне него»¹⁰. Дж. Андерсон пользуется этим критерием при обсуждении вопроса о том, как можно различить технологические воздействия на человека, имеющие терапевтическую направленность, и воздействия евгенического толка, направленные на его улучшение. Как нетрудно заметить, вопрос этот находится в непосредственной близости к тому вопросу, который был поставлен в начале данной статьи. Действительно, когда мы даем тот или иной ответ на вопрос, носит ли некоторое технологическое воздействие на человека терапевтический характер или же оно направлено на улучшение человека (естественно, улучшение, понятое в евгеническом или, если угодно, трансгуманистическом смысле), мы опираемся при этом на определенное понимание того, «что есть человек». В данном случае этот вопрос можно переформулировать так: каковы те пределы, перейдя которые мы уже имеем дело не с человеком, а с кем-то (или чем-то) другим.

¹⁰ Joel Anderson. Neuro-Prosthetics, the Extended Mind, and Respect for Persons with Disability. In M. Düwell, Chr. Rehmann-Sutter, and D. Mieth (eds.), *The Contingent Nature of Life: Bioethics and Limits of Human Existence* (Heidelberg: Springer, 2008), P. 259.

Андерсон вполне справедливо, на мой взгляд, выступает против попыток *открыть в самих явлениях* такие разграничительные линии, которые позволят отличить терапию от улучшения либо управление идентичностью человека с помощью фармакологических средств от восстановления аутентичного «я». Действительно, такие разграничительные линии мы не столько извлекаем из самих по себе явлений, сколько проводим, руководствуясь установлениями своей культуры, своими ценностными и этическими системами. А там, где эти установления и системы не позволяют придти к однозначным решениям, мы вынуждены вступать в диалог, искать консенсусы и компромиссы.

Вместе с тем Андерсон относится критически и к критерию инвазивности, считая его неудовлетворительным как с метафизической, так и с этической точки зрения. В этом отношении его позиция не представляется мне убедительной. В самом деле, даже признавая метафизическую и этическую сомнительность критерия инвазивности, мы вовсе не обязаны полностью от него отказываться. Ведь он обладает определенной мерой убедительности, по крайней мере на уровне обыденного сознания, и при всей его нестрогости может быть полезным в эвристическом плане. Правда, в таком случае он будет уже не столько критерием, сколько своего рода указателем, подсказывающим перспективные направления поиска ответов на интересующий нас вопрос.

Статья Андерсена, в которой рассматриваются этические проблемы, связанные с использованием нейропротезов, т.е. устройств, которые позволяют индивиду выполнять некоторые присущие человеку функции. В качестве простейшего примера здесь выступает трость, которая для слепого индивида выполняет роль нейропротеза, поскольку позволяет ему отчасти восстановить утерянную способность пространственной ориентации¹¹. Впрочем, Андерсон анализирует в этом плане и намного более изощренные устройства, такие, скажем, как компьютеры, позволяющие фиксировать, различать и воспринимать тончайшие нюансы в исполнении оркестром музыкальных произведений.

Обращение к нейропротезам, вообще к устройствам, так или иначе связанным с переработкой информации, позволяет нам вполне естественным образом перейти от сугубо биомедицинских технологий к так называемым конвергирующим технологиям, поскольку здесь мы видим совместное использование наряду с биомедицинскими также и информационных, и когнитивных технологий. В этой связи следует отметить, что взаимодействие, даже взаимопроникновение человека и машины — это сегодня, наверное, одна из наиболее заметных тенденций научно-технического

¹¹ Ibid., P. 261.

прогресса. При этом особое внимание привлекают технологии, которые направлены на усиление интеллектуальных возможностей человека. В этой связи имеет смысл обратиться к такой экстравагантной личности, как профессор университета Рединг (Великобритания) Кевин Уорвик, который однажды сказал: «Я хочу что-то сделать со своей жизнью. Я хочу стать киборгом». В 1998 г. он стал первым, кто пережил опыт существования в качестве кибернетического организма, отчасти человека, отчасти машины.

С этой целью ему хирургическим путем был вживлен в руку электронный микрочип, который позволял ему на расстоянии управлять дверями и электричеством, а также взаимодействовать с находящимся в здании компьютером.¹² На второй стадии эксперимента, в 2002 г., нервная система Уорвика, который находился тогда в Колумбийском университете в США, через интернет была связана с роботом-манипулятором в университете Рединг. При этом Уорвик был в состоянии управлять манипулятором.¹³

В последние годы обсуждается вопрос, можно ли вставить человеку чип, в котором будет записано все содержание Британской энциклопедии, Encyclopaedia Britannica, которая считается наиболее авторитетным энциклопедическим изданием в мире. Если это будет сделано — человеку не надо будет идти в библиотеку или сидеть за компьютером, всё это будет у него в памяти. Проблемой будет возможность извлечения этой информации из памяти. В целом же в подобного рода проектах имеется в виду обеспечение человека такими, условно говоря, протезами, которые поначалу задумываются для того, чтобы компенсировать какую-то отказавшую естественную функцию. Затем, однако, как и в рассмотренных ранее примерах, возникают и более далеко идущие замыслы, нацеленные на выполнение таких функций, которые выходят за рамки естественных возможностей человека.

Мы видим, таким образом, что во всех рассмотренных примерах на первых стадиях идет поиск терапевтических возможностей, но затем, по мере совершенствования технологий, люди начинают задумываться и о задачах улучшения, уже не *излечения* человека, а именно его *улучшения*. Это уже задачи неоевгенического характера: усовершенствование и физических, и интеллектуальных способностей человека. И здесь мы можем к четырем уже обозначенным пограничным зонам добавить еще одну, которая в некотором смысле является продолжением переходной зоны между человеком и машиной. Это — граница между человеком и трансчеловеком (ли-

¹² http://news.bbc.co.uk/2/hi/in_depth/uk/2000/newsmakers/1069029.stm

¹³ Warwick, K, Gasson, M, Hutt, B, Goodhew, I, Kyberd, P, Andrews, B, Teddy, P and Shad, A: “The Application of Implant Technology for Cybernetic Systems”, Archives of Neurology, 60(10), pp1369-1373, 2003.

бо, если воспользоваться термином Ф. Фукуямы — постчеловеком). Впрочем, взаимоотношения между двумя этими существами — особая тема, которая выходит за рамки данной статьи.

В заключение необходимо отметить следующее. Никто не даст нам такого определения того, что есть человек, с которым мы все согласимся. К этой проблеме нам приходится и будет приходится обращаться снова и снова по мере того, как будут развиваться, все более основательно входить в нашу жизнь биомедицинские технологии. И даже если мы найдём такое определение, которое будет устраивать всех, то и оно не будет оставаться в силе на веки вечные. Это — то, на что мы обречены в век столь бурного прогресса биомедицинских технологий.

Экологические проблемы политического одомашнивания человеком самого себя: государство, народ, общество, масса, толпа

Понятия государства и общества. Так же как математики за пару тысячелетий существования своей весьма точной науки не смогли договориться о том, что такое «математика», так и философы расходятся в поисках ответа на вопрос — «что такое государство?» или «что такое общество?» Начну с констатации факта. Мы живем *в* и *через* активное взаимодействие с окружающими людьми, предметами культуры и окружающей природой на определенной части «нашей» земли. Всю эту, достаточно абстрактную систему я назову «жизненным миром». Границами «наш» жизненный мир отделен от «чужих» миров. Практически все границы возникли как результаты войн — недавних или давно канувших в лету, но оставивших свои следы в виде пограничных размежеваний. В человеческом «много-мирье» ставить вопрос о границе — значит угрожать войной.

Новоевропейская культура вычленяет в качестве особой и привилегированной подсистемы мира сообщество людей. Далее буду называть его просто *сообществом*. Все то, что до последнего времени рассуждалось о добре (о морали) относилось и относится именно к человеческому сообществу. В жизненном мире пролегла граница. Он (мир) распался на мир «людей» и мир «вещей»¹⁴. В идеале мы к каждому человеку должны относиться как уникальному существу, жизнь которого обладает безусловной ценностью. Отношение к «вещам» строится чисто утилитарно. Они ценны лишь будучи ценностью для человека. Правда, когда наши бомбардировщики летят бомбить очередной «берлин» или «хиросиму» — граница из абстрактно общечеловеческой становится конкретной. Люди — это «мы» — неважно кто — русские, американские, китайские, еврейские, арабские или любые другие индивиды. Любые «божественные» заповеди относятся только к «нам». В философии подобного рода ситуация называется моралью пиратского корабля, которая является самой характерной чертой морального самосознания человека предшествующих эпох и современности. «Не убий!», «Не укради!» и т.д. — это моральный закон, регламентирующий отношение к «нашим», а не отношения с другими, жертвами нашего «благородного пиратства». Поэтому выше, говоря о жизненном мире, я имел в виду лишь «наш» жизненный мир...

¹⁴ Человек пересекает эту границу в момент родов становясь членом сообщества. До этого он не обладает правом на жизнь. Иначе нельзя было бы делать аборт и использовать трупы абортированных существ в фармацевтической и косметологической промышленности. Он вновь пересекает эту границу выпадая из сообщества тогда, когда врач констатирует смерть мозга (при бьющемся сердце и возможности дыхания). Обе границы существенно изменчивы и зависят от культурных особенностей общества и уровня медицинских технологий.

Для человеческих сообществ характерно наличие институтов — своеобразных матриц памяти, которые как ДНК клеток, воплощают в своей структуре информацию, необходимую для воспроизведения отношений между людьми, а также отношений с другими «субъектами» нашего жизненного мира (с землей, лесами, реками и т.д.) в череде сменяющихся поколений. Люди рождаются и умирают, но благодаря институтам полезные¹⁵ для выживания формы отношений сохраняются. Причем, даже для самых консервативных институтов характерно то, что хранящиеся в памяти матрицы образцы отношений (поступков, форм предметной деятельности), воспроизводятся с «ошибками». Крупнейший советский эволюционист Н. В. Тимофеев-Ресовский называл этот феномен «конвариантной редупликацией» и считал его основой жизни. Ошибки (в биологии — мутации) создают необходимое для развития многообразие вариантов жизненных форм и связанных с ними вариантов жизненных сценариев, из которых в реальной ситуации отбираются наиболее приспособленные, эффективные.

Одним из наиболее существенных отношений является воспроизведение форм неравенства между людьми, иерархии — власти. Мы обычно говорим о власти тогда, когда один из субъектов сообщества навязывает выгодный для «себя» вариант поведения другому. В первом приближении, я буду называть, следуя философской традиции, *государством* подсистему сообщества, в которой в процессе реализации власти, институты претендуют на выражение *общего блага*, опираясь на истину и коллективную (общую) волю. Навязывая определенные формы отношений населению, государственная власть обосновывает свои действия общими интересами, обладанием истинного понимания их (интересов) содержания, и своей легитимностью (законностью). Уваровская тройчатка (самодержавие, православие, народность) является подобным примером. На первый взгляд, такое определение противоречит сказанному абзацем выше о природе власти. Но это противоречие легко снимется тогда, когда мы увидим во властвующем «себе» двуликого януса — алчного эгоиста и прирожденного альтруиста (социо-листа). Но об этом чуть позже.

Подсистема государства противопоставлена остальному миру не только в качестве особой социальной группы (типа советской номенклатуры или королевского двора), но и как носительница особого качества — *суверенности*.

Что такое суверенность? Объясню на примере законодательства. В отношении закона и самого общего (типа конституции), и более частного, но касающегося всех членов общества в целом, государственная власть находится в двусмысленной позиции. С одной стороны, она призвана исполнять и

¹⁵ По крайней мере в момент своего рождения и закрепления в памяти.

повиноваться закону (по крайней мере, в принципе) и в этом смысле быть «частью» нашего жизненного мира, но с другой — ей принадлежит законодательная инициатива — право постановки вопроса об изменении законов, в которых выражаются наиболее общие параметры общего блага (ценностных и регулятивных квалификаций общества в целом), различения добра и зла и, следовательно целостность мира в целом. Власть суверенна в том отношении, что она, даже в самых правовых сообществах, стоит одной ногой вне закона. Только так она может его преобразовывать, как художник — отойдя от полотна на некоторое расстояние.¹⁶ Но устанавливающий закон в момент его установления находится вне его, как скажет Ницше — «по ту сторону добра и зла». Создавая новую форму нормативности, государство естественным образом преступает ту нормативность, которая до того существовала. Святой Владимир, установив христианство на Руси, изменил вере предков. В этом проявилась *суверенность* его власти, а он сам выступил как суверен. После него власть снова могла настаивать на обязанности хранить веру «отцов», однако, сохраняя позицию вне закона. Ту позицию, из которой Алексей Михайлович потом проводил церковную реформу, а Петр I — перевернул весь русский мир.

Причем суверенность принадлежит государству как бы по поручительству. Суверены прошлых столетий считали себя «помазанниками божьими», а современные — народными избранниками. Т.е. реальным сувереном выступают другие субъекты, а государственная власть реализуется по доверенности. Дворцовый переворот, так же как и избрание нового президента или успешная революция — принятые понимания легитимной смены власти. Правда, может возникнуть недоумение в отношении дворцовых переворотов: если Бог дал власть, то кто ее может отнять? Естественно, не претендент на престол как частное лицо. Его действие — не оспаривание воли Бога. Оно лишь изобличает самозванство лица, сидящего на троне. Заговорщик своим действием утверждает, что он более «достойный» претендент на «помазание», чем властвующий.

Здесь действует простая логика, понятная любому представителю феодальной эпохи. Поскольку Господь всеведущ, всеблаг и всемогущ, то от него замыслы претендента не остаются в тайне. Поэтому, успешный переворот в сознании верующего воспринимается как проявление «воли Бога», а неудачный как неудачная, а поэтому, преступная претензия. Претендовавший на царство царевич Дмитрий становится «вором, Гришкой Отрепьевым». Если бы он на троне закрепился — было бы наоборот. Как было, например, с отцеубийцей Александром I. Здесь действует та же «логика», что и в рыцарском

¹⁶ См. отчет о конференции «Государство как произведение искусства» на сайте «Независимой газеты» по адресу http://www.ng.ru/science/2010-06-23/12_art.html

турнире, дуэли, игре в «русскую рулетку» — чему быть (что предопределено волей Бога, даже выпадения одного волоса), того не миновать. Поэтому череда дворцовых гвардейских переворотов в России 18-го века никогда не воспринималась современниками и благочестивыми потомками как посягательство на волю Бога.

Из этого двусмысленного отношения к общему благу государство осуществляет свою миссию. Ее исторически первой заботой является военное обеспечение неприкосновенности (и часто, расширения) границ (различий между своим и чужим) и, не менее важная забота о благополучии (расширенном воспроизводстве) обитателей «нашей» земли. Слово обитатель не обязательно обозначает людей. Завоеватели древности завоевывали не просто народы, но народы с их лугами, лесами, пашнями, а, главное, богами, идолами и прочими «коммуникационными каналами», обеспечивавшими взаимоотношения людей с землей (в широком значении этого слова). Риторические обороты типа «покорения природы», «завоевание северного полюса», «уничтожение всех микробов», «война с раком» напоминают нам, что война — более широкий и глубокий в культурном отношении феномен, чем просто решение проблем отношения одних людей к другим, опосредованное оружием¹⁷.

Обществом (в новоевропейской культуре — гражданским обществом) в отличие от государства я назову подсистему *сообщества*, в которой индивиды и социальные группы преследуют свои *частные*, индивидуальные представления о благе через свои особые институты. Неважно, какие это представления — политические, экономические, религиозные, сексуальные, эстетические и т.д. Безусловно, такое противопоставление общего интереса и частного искусственно. Оно выражает лишь некоторые, но весьма существенные тенденции и противоречия.

На парадоксальность двух полюсов — частного и общего блага указывает история возникновения государств. Французский исследователь Бертран де Жувенель высказал достаточно убедительную идею, согласно которой «государство возникает, в сущности, благодаря успехам «разбойничьей шайки», которая ставит себя выше отдельных маленьких сообществ ... Эта власть в период своего установления не может ссылаться ни на какую законность. Она не преследует никакой справедливой цели; ее единственная забота — эксплуатировать ради своей пользы завоеванных, покоренных, подвластных»¹⁸. По всей Европе распространены легенды (типа легенды о Рюрике в

¹⁷ Идеология войны лежит в основании отношения врачей к феноменам человеческой жизнедеятельности. См. Тищенко П.Д. Биоэтика, биополитика и идентичность (анализ современных медицинских структур «заботы о себе»). // Этика науки. Москва. ИФ РАН, 2007, С. 117 – 142.

¹⁸ С. 134.

России), где возникновение государства связывается с завоеванием (призванием) на трон предводителей той или иной шайки разбойников.

Но завоевание или иная форма насильственного подчинения — лишь первый (хотя и необходимый) шаг в создании элементарной государственной ячейки власти «повелитель — подчиненный». Этот шаг — наиважнейший в процессе, который я дальше буду называть, одомашнивания человеком самого себя, политического одомашнивания. Охотнику, к примеру, недостаточно поймать дикую лошадь и силой привести ее в свой дом. Нужно еще подчинить себя заботе о ее выживании, кормлении, размножении и хорошем физическом состоянии. Жувенель отмечает, что естественный эгоизм рождающейся государственной власти только в том случае обеспечит ей выживание, если обнаружит в себе еще и необходимость социальной заботы о подданных. Покоренные земледельцы или скотоводы, к примеру, должны воспроизводить свою индивидуальную и родовую сущность, должны иметь ресурсы для производства продуктов, которые обеспечат выживание самой власти. Он называет эту установку «социализмом» власти.

Поэтому, претензия государственной власти на выражение общего блага, которая кажется критикам лицемерной, на самом деле оказывается прямым следствием алчности и эгоизма. За тысячелетия эта двувекторность государственной власти окультурируется и наделяется идеологическим сопровождением, необходимым для исторического оправдания возникающих и гибнущих государственных образований. И, собственно говоря, забота об общем благе лишь в последние пару столетий стала единственной и самодовлеющей декларируемой целью власти. До эпохи петровских реформ, европеизировавших страну и изменивших характер государственного лицемерия, русские цари направляли своих бояр в регионы не только на царскую службу, но и на «кормление».

Новоевропейская идеология вытеснила, по механизмам фрейдовского вытеснения, мощные импульсы личного интереса государственного служащего в сферу бессознательного. Причем, чем ригористичней нормативное вытеснение эгоистического интереса интересом общим, тем более варварскую и необузданную форму приобретают патологические симптомы «коррупции». Борьба с коррупцией как патологическим явлением мощных бессознательных сил частного интереса бессмысленна на путях их подавления, вытеснения лживой нормативно вылизанной презентацией государственной деятельности «государственных деятелей» в подконтрольных властям СМИ. Чем больше государственная власть будет действовать по сценариям «деревни Холуева» (Андрей Макаревич) — тем скорее она сама, без всякого «народного гнева» и цветочных революций разорвет себя как СССР на части. В СССР не было ни восстаний, ни революций — «правлящая элита», вспомнив свое разбойничье происхождение, уничтожила эту страну в жажде наживы.

Но тут следует сделать уточнение, принципиальное для проблем экологии человека. Дело в том, что важнейшим столпом власти является истина. В том числе, и истина в отношении того, что значит быть человеком. В средние века — христианином, в новое время — рациональным существом. Когда инквизиция сжигала еретика на костре, то она не мстила ему по принципу «око за око», а спасала его бессмертную душу, захваченную дьявольским наваждением. Спасала его как «себя самого» от связи с греховным телом. Точно так же заботой о «самости» (душе) матроса пропитана норма петровского морского устава, согласно которой за попытку самоубийства он наказывался повешением на рее. Казалось бы, какая разница? Смерть и есть смерть. Оказывается большая — в самоубийстве он перечит воле властелина, «помазанника божьего», а в повешении осуществляется воля власти, а значит и его «истинная» воля как раба божьего в форме раба человеческого.

Точно так же, до начала 80-х годов XX века господствовало представление о том, что все случаи самоубийства — результат психического расстройства, поэтому лица, пытавшиеся его совершить, подвергались принудительному психиатрическому лечению. Государство в лице психиатра заботилось о самости «пациента» — о его самом «себе» как рациональном существе. Лауреат Нобелевской премии Жак Моно, страдавший от нестерпимой боли в последней стадии онкологического заболевания, подвергался принудительному психиатрическому лечению из-за неоднократных попыток совершить самоубийство. Психиатры защищали его сущность — сознание, которое не может желать убить себя, от действий неразумного (пусть и страдающего) тела. Моно умер в 1971 году, а уже с начала 80х годов в психиатрии складывается как достаточно обоснованная идея «рационального самоубийства» и в обществе возникает мощное движение в борцов за право на достойную смерть (эвтаназию)....

Общество — это политически одомашненный вариант социального представительства частных интересов жителей, реализующихся в экономической, религиозной, сексуальной, политической и иной жизнедеятельности. По этому, оно, по сути, — множественно. Если государственные институты представляют собой более или менее «вертикальные» иерархии власти и претендуют на *единство*, то общественные — «сетевые» структуры. Знаменитую фразу Людовика XIV «государство — это Я» можно прочесть исторически — имея в виду претензию Людовика на абсолютную власть, а можно — философски-антропологически. Тогда государство — это «Я» политического существа (его активное сознание), а общество — это его тело (стихийное, множественное). Для общественных институтов характерна своя внутренняя суверенность. Например, члены религиозной общины или семьи находятся и

внутри своих подсистем, и вне их, обладая правом пересматривать принципы своей жизнедеятельности.

Здесь же мне бы хотелось отметить следующие обстоятельства. Государство и общество — абстракции реального сообщества. Поэтому в деятельности конкретных людей они порой обозначают лишь аспекты, относительно которых мы можем оценивать их (людей) намерения и поступки. Любой министр — такое же частное лицо, имеющее свое социальное тело, как и дворник. Его частные интересы реализуются в рамках особого общественного института, имеющего свои особые интересы и ценности. Института столь же множественного, сколь множественно само общество. В советской системе таким институтом были номенклатуры (советские, партийные, хозяйственные, армейские и т.д.). В российском — социальная группа «государственных служащих».

С другой стороны, из многообразия частных интересов складывается интерес общий. Любое новое понимание нашего общего интереса начинается с частного понимания общественных субъектов. Государство в этом смысле рождается из общества. Специфика российского сообщества заключается в отсутствии мощных общественных институтов. В постоянной иллюзорной тенденции государства выражать не только общие интересы, но и частные. И чем труднее людям, преследующим свои частные интересы, строить свою жизнь самостоятельно, тем больше они нуждаются в государственной заботе. Авторитарная власть, столь любимая нашей «элитой», зиждется на нищете и вынужденном холуйстве.

Возникновение и развитие общественных институтов представляет собой сложное взаимодействие множества тенденций. Для темы экологии человека принципиальное значение имеет то обстоятельство, что в самосознании человека эпохи Нового времени, на излете которой разворачивается наша история, человеческий жизненный мир ограничен взаимодействием двух субъектов — государства и общества.

Человеческому субъекту (члену сообщества), представляющему двуликого государственно-общественного Януса, противостоят другие субъекты нашего жизненного мира. Монотеистические религии внесли фундаментальный раскол в жизненный мир человека, исключив из него все то, что обычно называется природой. Человек сам себя расчленил на «разум» (собственно-человеческое в человеке) и «тело» (природную физиологию, стихию). Знаменитый «декартовский» дуализм лишь ставшее популярным представление этого фундаментального исторического факта. Причем различив, культура наделила человеческого субъекта ролью повелителя над не-человеческим. *Экологическая озабоченность возникает именно тогда, когда естественная алчность человека как субъекта наталкивается на недостаточность ресур-*

сов природы, которую он еще недавно нещадно грабил. Недостаточность Природы как репрессированного субъекта жизненного мира человека. И так же как вымирали (в историческом смысле) алчные завоеватели, не предоставляя возможность покоренным народам выжить, с такой же проблемой столкнулся современный человек — покоритель природы. Причем природы не только где-то там — в лесу, поле, реке, море и т.д., но в каждом человеческом существе и человеческих социальных образованиях, что выражается в росте и качественном усложнении болезней человека, большая часть которых относится к «болезням цивилизации», а так же и в увеличении форм криминальности.

Смысл понятия экология человека. Я понимаю под экологией человека сложную междисциплинарную область исследований и практической деятельности, которые связаны с попытками интегрального представления различных аспектов взаимоотношения человека, его популяций и человечества в целом с живой и неживой природой, а так же *с собой и себе подобными*.

В общий смысловой пучок это многообразие связей стягивает значение древнегреческого слова οἶκος (обиталище, дом, имущество), от которого произошел термин — экология. В этом отношении взаимодействие человека с природой, самим собой и себе подобными представляет как процесс включения (за счет преобразования) дикого в особый человеческий мир — его дом. Процесс *одомашнивания (доместикации)*. Причем, «дом» человеческий не дан ему заранее. Одомашнивание — это одновременно — домостроительство. Разграничение заборами, стенами, бороздами и межами жизненный мир на внутренний мир дома и внешний ему мир дикой природы. На *чужое (дикое)* и *свое (домашнее)*. Различение и разграничение, источником которого на заре человеческой истории выступали соперничество внутри семьи за доминирующее положение (власть), война, охота и собирательство. Собственно говоря, война сама имела всегда два аспекта — охоту на ближнего и «собирательство» (грабеж) его имущества.

Подчеркну, одомашнивая природу и свои отношения с другими, человек *одомашнивает себя*. В любом действии человек действует не только на внешний объект, но и на себя самого (он самоустремлен). Забить гвоздь он может лишь в том случае, если его собственное тело из неумелого («дикого») превращено в умелое. Если он овладел своим телом в отношении выполнения этого особого действия. И поэтому может управлять им реализуя данное действие. Но так и во всем остальном. Карл Маркс считал, что самоустремленность является самой характерной чертой человеческого действия. Для меня идея самоустремленности человека выступает основанием для осмысления феномена одомашнивания и проблем экологии человека. Одомашнивая, к примеру, вепря и превращая его в свинью, человек в том же процессе

одомашнивает себя как «дикого» существа, превращаясь в цивилизованного свинопаса. Жизнь животного задает пространственные, временные и смысловые параметры жизнедеятельности человеку. Кормить, поить, выгуливать, поддерживать чистоту, размножать, ухаживать за приплодом, резать, обрабатывать мясо и шкуру и т.д., и т.п. Осуществление всех этих простых действий представляет собой не просто контроль над животными, но и контроль над собой, над своим поведением по природным «лекалам», записанным в теле животного. Предполагает формирование из самого себя как природного и дикого — человека-умелого.

Одомашнивая в процессе внутригруппового соперничества и войны других представителей *Homo sapiens*, человек одомашнивал свое животное существо в формах воина и властелина. И тогда, когда одомашнивая диких животных человек осуществлял отбор, формируя различные породы, то в том же самом процессе создавались и «породы» человека. Животные, растения и другие люди, которых человек вводил в свой дом, «отбирали» в борьбе за выживание тех индивидов и те формы их социальной жизни, которые обеспечивали расширенное воспроизводство конкретных одомашниваемых представителей дикой природы. До сих пор повсеместно врагов называют зверями, подчеркивая их звериную сущность в зверствах, которые возможны лишь для одного известного зверя — самого человека. Формировались определенные типы индивидуальной жизнедеятельности и уклады совместной жизни (властитель, воин, земледелец, скотовод, ремесленник и т.д.). Формирующиеся отношения двойного одомашнивания «записаны» в книгах памяти человека, его институтах. В древности особое значение в плане институализации имели тотемы — животных, растений и сил природы, которым люди поклонялись как своим покровителям.

Из сказанного можно сделать два вывода. Во-первых, одомашнивание представляет «двойную спираль» событий взаимоприспособления — человека и тех «субъектов» окружающей природы, которые становятся предметом его освоения. Аналогично, одомашнивая отношения с другими людьми (например, в формах рода, семьи, племени, государства или общества), он в этом же процессе одомашнивает свое «дикое существо», превращаясь в родственника, соплеменника, подданного, гражданина и т.д. Превращается в человека общественного, человека политического в широком значении этого слова. *Одомашнивание — это исполнение исторического предназначения человека, реализация его сущности, свободы.* Как уже отмечалось, существенным элементом одомашнивания является формирование институтов как матриц памяти новых, одомашненных отношений.

Однако, на пути исполнения своей миссии человек сталкивается с опасным препятствием — *природной избыточностью своего существа.*

С невозможностью вместить рвущуюся через него энергию жизни в исторически ограниченные паттерны опредмеченных в государственных и общественных институтах представлений о самом себе. Поэтому, фактически каждая культура имеет свои особые практики менеджмента феноменов, обусловленных избыточностью жизненной энергии. Современное государство реагирует на избыток жизненной энергии развивая институты психиатрии, полиции и тюрем¹⁹. Общество формирует свои многообразные институты легальной, полуполюгальной и нелегальной трансгрессии (выхода за рамки одомашненного состояния), включающие, помимо всего прочего, бунтарство толп (драки болельщиков) и широкое применение алкоголя, наркотиков, стимуляторов и т. д. Поэтому, вращение в жизнь человеческих сообществ многообразных вариантов наркокультуры, их безудержное распространение не может быть остановлено запретительными мерами. Это все равно, что запретить землетрясения или цунами. Просто энергия непокоренной природы рвется не только из морских недр, но и из человеческих тел. Это такая же природа — еще непонятая и неподконтрольная. Поэтому в отношении к наркотикам конкурируют две идеи. Американская идея «войны с наркотиками» (здесь россияне от американцев не отстают) и более экологическая идея окультуривания, введение в цивилизованные формы потребления слабых наркотиков — «голландская модель». Трескающихся от лицемерного морализма властей ничему не научили уроки «сухих законов». *Моральная возвышенность идей, лежащих в основе запретительных мер, потом оплачивается таким экологическим отходом как криминализация общества.* Действие не исчерпывается целью, но существенно обременено непредвиденным отходом. Идея непопулярная в России.

В эпоху Нового времени одомашнивание выражается в трех мощных тенденциях: научно-техническом прогрессе (одомашнивание природы), политическом прогрессе преобразования общества и государства (одомашнивание своих отношений с другими) и комплексе воспитательных и образовательных технологий, включая самообразование (одомашнивание себя как индивида). Эти три тенденции неразрывно связаны, поэтому, поставив в центр внимания вторую тенденцию, мне бы хотелось, чтобы читатель держал в уме (как необходимый предмет последующих рассуждений) и две оставшиеся.

Суть экологической проблемы. Известная скульптура Огюста Родена «Рука Господа» выражает христианскую точку зрения на событие творения человека по образу и подобию Бога. На процесс доместикации, если мы встанем на светскую точку зрения. Правда, выражая известную идею, Роден до-

¹⁹ Фуко М. История безумия в классическую эпоху/ Пер. с фр. И. Стаф под ред. В. Гайдамака. — СПб.: Университетская книга, 1997. Фуко М. Надзирать и наказывать / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. — М.: Ad Marginem, 1999.

полняет ее другим смысловым планом. Дело в том, что рука Господа изваяна скульптором по образу и подобию своей руки. Руки мастера. Движение руки подвижно (извините за тавтологию) творческой энергией формообразования. Как образно выразился Роден, освобождения глыбы мрамора от «всего лишнего». От того, что мастер выбрасывает в «отход»... Так считал Микеланджело, чьи слова повторил Роден. В свою очередь Родену вторил Маяковский — «Изводишь единого слова ради сотни тонн словесной руды...» На протяжении тысячелетий «отходы» как непредполагаемые, неконтролируемые и несущие потенциальную опасность последствия практики одомашнивания природы и самого себя человеком оставались незамеченными. *Отходы — это результат избыточности природы.* Причем это относится не только к процессам покорения внешней природы посредством научно-технического и промышленного прогресса, но и покорением собственной природы.

Суть экологической проблемы заключается в том, что реализация человеческой сущности в различных вариантах одомашнивания начинает обнаруживать в себе растущие угрозы его существованию. Он лицом к лицу сталкивается со своими «отходами». Человек покорял природу, в которой видел источник угрозы своему существованию (как в медицине — вирусы или бактерии). Тем самым осуществлял свое историческое предназначение. Сегодня он все чаще и чаще сталкивается с ситуациями, в которых ему приходится обнаруживать угрозу именно там, где раньше грезилось спасительное.

Научно-технический прогресс, создавая комфортное техногенное тело цивилизации, разрушает природную среду обитания и истощает невозобновляемые природные ресурсы (например, энергетические). Политический прогресс создает свои специфические «отходы» — непредполагаемые, неконтролируемые, несущие опасность последствия вполне эффективных, с точки зрения человека, решений и действий. *«Покоритель» Природы с огромным трудом начал осознавать, что просто брать по праву победителя и не заботиться о благополучии «покоренной» Природы — значит ставить на кон собственное выживание.* В сфере политической экологии такого понимания куда меньше, чем в экологических проблемах, связанных с промышленным развитием.

Можно, например, взглянуть на Аль-Каиду и Талибан как на политические «отходы» успешного для США противоборства против СССР в Афганистане. Отходы профинансированные из американского бюджета и созданные американскими спецслужбами. Ближайшая цель была реализована. СССР с позором ушел из Афганистана. Но организации Аль-Каида и Талибан остались. Хорошо законспирированные и хорошо вооруженные. Политические отходы, неучет которых эхом отозвался 11 сентября 2001 года. И теперь уже

США на грани не менее позорного бегства из Афганистана. Последние бунты во Франции (два года назад) и в этом году в Великобритании, материалом которых оказалась растущая из года в год масса (точнее, как будет далее отмечено, — толпа) молодых эмигрантов из стран Азии и Африки, возникли как отход политики социально ориентированного буржуазного государства. С точки зрения государственных институтов и выражающих доминирующие частные интересы общественных институций, можно и полезно использовать как для общего, так и частного блага дешевую рабочую силу мигрантов и эмигрантов. Использовать (точнее эксплуатировать) только с точки зрения их непосредственной прагматической полезности. Как дешевую рабочую силу. Отбрасывая в *отход* все, что касается самоосуществления каждого конкретного человека (мигранта или эмигранта), представителя определенной культуры. Импортированных социальных групп. Культур. Откупаясь от этих проблем социальными пособиями для тех, кто оказывается бесполезен. Формировать толпу как постоянный источник новых угроз. Увеличением числа полицейских проблемы не решить. В России начинаются аналогичные процессы. «Фанаты» (толпа в нашем сообществе) куда опаснее «либералов» или «коммунистов»...

Конечность человеческого действия и экологическая проблема. Общим знаменателем всего многообразия практик одомашнивания выступает человеческое действие, которое проявляется в многообразии планов: индивидуальном, групповом, государственном и общественном. Я хочу показать, что в самом человеческом действии заложены некоторые фатальные проблемы, которые потом стереотипно воспроизводятся в любом конкретном действии — неважно строит ли человек электростанцию или спасает природу, занимается ли совершенствованием государства или возводит финансовую пирамиду, создает целлюлозно-бумажный комбинат или сохраняет национальный парк. По английской поговорке — «для молотка любая проблема лишь гвоздь». Так и для человека — любая проблема — лишь предмет действия. Действие, которое в любом раскладе, как говорят философы, *конечно*, т.е. — это не действие всезнающего, всемогущего и всеблагого Бога (как сказали бы богословы) или столь же всемогущего Злого демона (его многообразные лики представлены в конспирологических фантазмах, популярных не только у нас, но и в иных странах), а некоего особенного существа кое-что знающего, могущего тоже не так уж много, а на счет блага или зла — весьма далекого от декларируемых представлений о самом себе. *Человек конечен и в добре, и в зле.* Причем конечен человек не просто количественно — так что с прогрессом (ростом знаний, могущества и моральности) эта «конечность» должна была бы уменьшаться, а качественно.

По мере исторического развития прогрессивно растет объем знаний, умений и попыток сделать жизнь лучше и добрее путем совершенствования индивидуальных качеств, политических институтов, моральных норм и многообразия норм законодательных (международных, национальных, региональных, административных, ведомственных и т.д., и т.п.). Но каждое новое знание, новое научное направление или наука, число которых стремительно множится, увеличивает горизонт непознанного. То, чего не знала наука XIX века (как она выстраивала горизонт стоящих перед ней проблем) несравнимо с объемом и сложностью незнания, которые встают перед современным познанием. Если знание — это сила и власть, то незнание указывает на немощь и зависимость человека, его неспособность представить мир и любой реальный предмет в своей целостности и через это представление включить в свой обитаемый экос (дом). Поэтому, рост могущества оборачивается ростом уязвимости, непредсказуемости и неконтролируемости последствий применения человеческих знаний. Блестящий анализ генерализации и фундаментализации цивилизационных рисков дан в книге У. Бека «Общество риска (на пути к другому модерну)»²⁰. Степень непредсказуемости и неконтролируемости последствий, а, следовательно, и фундаментальность рисков применения самых передовых технологий (ядерных, геномных, нанотехнологий и т.п.) несравнимо выше всего того, с чем сталкивались новые технологии еще первой трети XX века.

По мере развития морально-этической нормативной базы объем этических и юридических знаний, а так же число этих знаний «носителей» — экспертов в этике и праве — лавинообразно растет. Соответственно, возрастает могущество средств государственного и общественного контроля, что, однако, не приводит к снижению уровня девиантного поведения. Криминальные сообщества конца XIX века — весьма несовершенные подобию криминальных империй конца XX и начала XXI веков, пронизывающих государство и общество снизу доверху. Добро и зло прогрессируют, соревнуясь друг с другом. И совсем не факт, что в этой гонке побеждает добро. Более того, растет понимание, что слишком часто ужесточение законов, принимаемых с пафосом защитниками общественного блага, ни к чему, кроме криминализации и коррупции контролируемой этим законом сферы жизни не приводит. Опять же вспомню последствия «сухого закона».

Человеком движет мощный жизненный порыв творческой эволюции (А. Бергсон), который постоянно создает новые формы отношений с природой, с другими и самим собой. Они с необходимостью взламывают существующие структуры отношений, в том числе политические, требуя пересмотра законов, административных регламентов, моральных норм и т.д. «Каждое

²⁰ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. Прогресс-традиция, 2000.

поступить — свидетельствует Марина Цветаева — есть преступить чей-то закон: человеческий, божеский или собственный». И президент Б.Н. Ельцин, устанавливая в 1993 г. танками новый конституционный порядок, и огромное число россиян в тоже время осваивавших и создававших новые отношения в политике, экономике, искусстве, образовании и всех других областях жизни, с неизбежностью выставляли себя внутри этой опасной области реализации суверенного действия. Естественно, что если оценить *акт создания* (полагания) нового нормативного порядка с позиций порядка уже установленного, то ничем, кроме как *преступлением*, он быть не может. Все, что учреждено «человеком» (конкретным сообществом, сувереном и т.п.) в момент своего учреждения с необходимостью было нарушением прежде учрежденного. В отношении законов человеческого мира цветаевская формула попросту описывает *суверенность*, о которой сказано в самом начале статьи. Когда из страха перед новизной, перед «дикостью» в самом себе человек надолго пытается законсервировать статус кво, то реальная жизнь уходит из под нормативных порядков. Как ушла из под ног коммунистов, струсивших совершить поступок изменения Программы партии в ситуации ее полной неадекватности реальной жизни.

Человек существо избыточное. И эта избыточность слишком часто узнается им как «дикость» и «неодомашненность». Как уже сказано выше, чтобы защитить себя от дикости в самом себе, человек строит психиатрические больницы и тюрьмы. Своеобразные «зоопарки» дикой, несоответствующей нормативному представлению о себечеловеческой природы. В начале XX века в европейских зоопарках наряду с вольерами для зверей выставлялись жилища «диких» народов с их обитателями, демонстрировавшими цивилизованной публике их нецивилизованные формы жизни. Навиду у всех «дикари» готовили традиционную пищу, зачинали и нянчили детей, шили одежды из шкур...

Совершенно неслучайна синхронность в возникновении экологического движения и движения в пользу реформы пенитенциарной системы и антипсихиатрического движения. Она возникает как осознание конечности человека. Осознания того обстоятельства, что идеалы истины, блага (морального и правового) и разума (прежде всего научного) сами могут оказаться не основаниями свободы, как полагали люди еще столетие назад, но источниками насилия и порабощения человека...

О науке. Если через несколько десятилетий наука бодро отрапортует о создании средств, которые победят естественную смерть, контролируя самые интимные механизмы жизни, то, возможно, именно *в этот же момент человечество поставит на кон сам факт своего существования*. Ведь в тени практически каждого научного открытия, приносящего пользу человечеству,

бурно множатся разработки средств войны, средств человеческого уничтожения. И это не случайно, поскольку, начиная с эпохи наполеоновских войн, повсеместно растет роль государства в развитии науки — главным образом в целях использования ее научных достижений в военных целях. Физика, химия, география, лингвистика и многие другие дисциплины — возникли как науки не благодаря заботе о благе человечества, а благодаря потребностям войны²¹. Символично, что на фронте наиболее престижного французского университета Эколь Нормаль изображены, помимо научных приборов, ружья и пушки, а самая престижная научная премия — нобелевская — создана на деньги изобретателя динамита. Сверхэффективный научный контроль процессов жизнедеятельности будет означать создание сверхэффективных видов боевого оружия. Причем, скорее всего, оружие создадут раньше, чем средства обеспечения безграничного во времени существования человеческих индивидов.

Поэтому, когда, например, сегодня нас убеждают в необходимости развития нанотехнологий, которые (без всякого сомнения) принесут человечеству огромную пользу, можно быть совершенно уверенным, что военно-промышленный комплекс уже включился в гонку разработок новых нанотехнологических средств уничтожения человеком себе подобных. *Но об этом пропагандисты молчат.* Это все равно, что лоббировать в конце 40-х годов прошлого века развитие ядерных технологий, обращая внимание на их возможную пользу в энергетике и медицине, но замалчивая о начавшихся разработках ядерного оружия. *«Человечество» ждет биотехнологической «хирисимы», чтобы очнуться.*

Поэтому возникает вопрос — а доверяем ли мы себе как обществу, государству и, тем более, «человечеству»? Вряд ли. Гражданское общество в России находится в лежащем положении как результат вертикализации власти. В отношении государства, даже черномырдинская формула «хотели как лучше, а получилось как всегда» — верна лишь от части. Куда вернее звучало бы «трудно сказать, что именно хотели, но получилось действительно, как всегда». О «человечестве» же пока можно говорить лишь как о политической условности. *Должны ли мы с энтузиазмом ожидать нанотехнологических прорывов, зная, что новое сверх-смертоносное оружие окажется в руках субъектов, к которым нет доверия?* Это все равно, что подарить на день рождения подростку, находящемуся на учете в полиции или психоневрологическом диспансере, красивый безотказно действующий огнемет или определить охранником в банк.

²¹ Лишь в последнее время, не менее полувека, произошла трансформация науки. Знаменитый НИИ (национальный институт здоровья, типа минздрава в РФ) возник после победы во 2ой мировой войне, на основе армейского медицинского департамента.

Симптоматично в этой связи, что именно США (вероятно, как лидер в борьбе с мировым злом) сорвали подписание дополнительных протоколов к договору о запрете биологического оружия, в которых предусматривались механизмы международных инспекций по аналогии с теми, что существуют в отношении распространения ядерных вооружений. На фоне истерии вокруг ядерной программы Ирана эта позиция выглядит более чем странно.

Парадокс экологии человека. Познание множит объем непознаваемого, могущество порождает уязвимость. Спасительное биотехнологическое средство прячет в своей упоковке смертоносное оружие. Совершенствование моральных и правовых стандартов вносит свой вклад в развитие криминальных сообществ. В этом смысл экзистенциальной конечности человека. Поэтому, если мы думаем о его выживании в представимой перспективе, то важно понимать: дело не в том, что мы что-то не открыли, не можем еще делать (типа добычи термоядерной энергии), и не в том, что какие-то законы еще не приняты, а в школах не преподают светскую этику или закон божий. *Этики, священники и другие эксперты в проблемах различения добра и зла — такие же грешные и порочные люди, как и все остальные.* Так же как и врачи не самые здоровые, а у педагогов (включая профессоров) совсем не самые образованные дети. Корни проблем куда глубже. Они — в первоначалах того импульса, который вырвал человека из лона природы или райских кущ и бросил на путь стремительного цивилизационного развития.

На естественно напрашивающийся вопрос — Что делать? — отвечу так: если и делать (а делание — наша судьба), то нужно помнить об экзистенциальной конечности человека и не впадать, как сказали бы древние греки, в «хюбрис» самомнения. Мудрая сдержанность и неприязнательность куда полезнее любого активизма, (неважно — традиционного, реакционного, революционного и т.п.) людей «знающих» истину и потому знающих однозначный ответ на вопрос «Что делать»? Кутузов, в изображении Льва Толстого, как раз и выражает это смирение перед непостижимостью мира...

До сих пор я говорил о сообществах и экологической проблеме в связи с политическим действием, опуская их внутреннюю неоднородность. Наличие особой пограничной прослойки, которую я обозначаю термином «толпа». В ней накапливаются «отходы» политической жизни. Из нее черпаются ресурсы насилия. Она врывается в нашу жизнь как особого рода власть — охлократия.

Охлократия или экологическая миссия толпы. Слово охлократия имеет два корня, каждый из которых в свою очередь имеет несколько смыслов. Выбираю из них те, что разъясняют поставленную тему. Греческий корень ὄχλος — означает толпу, массу. Второй греческий корень κράτος указывает на господство, власть и силу.

Феномен толпы был обнаружен в момент рождения политической философии в работах Платона и Аристотеля именно тогда, когда мысль сделала первые попытки понять человеческую общность, различить в ней сущность и существование, бытие и не-бытие; меру и без-мерное; порядок и хаос. Толпа как общность оказалась одним из воплощений вненормативности, хаотичности и безмерности. *Толпа — это экологический отход политических практик одомашнивания человеком самого себя.* Это энергия природной жизни, которая переливается через низенькие края чаш культурных и политических форм, формирует через стадию массы свои, не востребованные государством и обществом (а поэтому нередко анти-государственные и анти-общественные) институты. Теневые институты.

В силу конечности человеческих действий, толпа постоянно присутствует на границах любой политической деятельности. В качестве состояния на границе природы и культуры, толпа нестабильна, импульсивна и агрессивна. В ней накапливается энергия, которая либо самопроизвольно разряжается в форме бунта, либо ее пытаются одомашнить, использовать для реализации политических идей. Толпа становится, если использовать аристотелевские термины, потенцией и материей в деятельности существующих и новых институтов. Насколько они (институты) быстро сформируются, выживут в конкуренции с другими, станут общественно наблюдаемыми (т.е. на них обратит внимание как на проблему двуглазый кентавр государства-общества) и заживут самостоятельной жизнью — дело исторического случая.

Например, истоки формирования наркокультуры, ставшей для Европы и США во второй половине XX века одной из основных цивилизационных проблем, кроются в непредусматривавшихся, неконтролируемых социальных и экономических эффектах («отходах») успешных для американцев и европейцев опиумных войн с Китаем в середине XIX века. Войн, в результате которых, «цивилизованные» страны получили право осуществлять бесконтрольную торговлю опиумом на китайском рынке. Тем самым, они обеспечили себя мощной ресурсной поддержкой для ускорения индустриального развития (в частности, финансирования строительства современной сети железных дорог).

Созданная европейцами и американцами наркоиндустрия в Китае в своем естественном стремлении к расширению рынков постепенно распространилась и в странах-победительницах. Была порождена самовоспроизводящаяся, стремительно растущая сеть теневых антиобщественных и антигосударственных институтов. Афганский конфликт, начавшийся во второй половине минувшего века и незакончившийся по сих пор, создал и экспоненциально расширил новую (героиновою) ресурсную базу формирования теневых институтов. Источник развития теневых институтов наркокультуры, которые

не только взломали «железный занавес» и внесли свою (еще недооцениваемую) лепту в развал СССР, но и в современный политический кризис европейских стран.

Дело в том, что наркотик — это своеобразный «аккумулятор» состояния толпы в сообществе. Он формирует достаточно устойчивый образ жизни индивидов и групп, совершенно безразличный как общим (в широком смысле — государственным), так и частным интересам. Вместо бродяг, нищих, люмпенов и попрошаек, которые формировали толпы классической эпохи, мы видим растущий социальный «класс», живущий на пособия, исключенный из жизни, не желающий ни учиться, ни работать и «самореализующийся» через употребление наркотиков. В этих, содержащихся на деньги налогоплательщиков «зоопарках» неодомащенной образованием и трудом человеческой «дикости», постепенно накапливается мощный заряд социальной агрессии. Бунта, первые проявления которого мы уже видим.

Всякая эпоха, создавая свое спорящее многообразие нормативных представлений о смысле человеческого сообщества (некотором возможном идеальном порядке), тем самым создавало свой особый локус, а точнее границу с тем состоянием человеческого общежития, которое выходит за рамки наброшенной «поверх него» нормативности. Границу с безмерностью и хаосом. Границу с собственным жизненным миром, который отбрасывается в качестве внеположного, инородного объекта. В качестве дикой Природы. Подчеркну — Природы вне человека и в нем самом, в его индивидуальном и коллективном теле.

Эпоха Просвещения, которая в центр человеческого в человеке проецировала идеи знания, рациональности и автономного контроля внешних обстоятельств, идею совершеннолетнего человека как автора своих слов и поступков, обнаружила эту границу в нестабильных социальных образованиях, которым целесообразно приписать двойное название — массы и толпы. Их «естественными» свойствами являются иррациональность, внушаемость, патологичность, криминальность, господство бессознательных сил и всех тех свойств, которые легко вычисляются как противопоставления позитивным качествам просвещенного (рационального) человека.

Упрощая ситуацию, предположу, что о массе стоит говорить тогда, когда пограничное состояние человеческих сообществ интериоризируется, рассматривается как один из вариантов его (сообщества) собственного состояния. Это состояние, в зависимости от того, локализуем ли мы нормативные представления о должной организации сообщества в прошлом или будущем, оценивается по-разному. Для революционеров конца XIX — начала XX века массы и их неизбежная тень — толпы, (например, пролетарские массы) были историческим материалом создания нового будущего общественного устрой-

ства. Естественно, их роль была прогрессивной. Хаос и анархия гражданской войны — естественный результат избыточности стихийных, неконтролируемых толп, еще не ставших массой — материей социального преобразования. Неподконтрольный «отход» строительства нового «светлого» будущего.

Для человека, нормативные представления которого об обществе сформировались в прошлом и впитались в его плоть и кровь в качестве «естественных» мерил должного человеческого состояния, масса имеет чисто негативное значение. Из этой перспективы возникают плохо продуманные суждения о массовой культуре или массовом человеке. В любом случае, хаос и становление интериоризированы, частично одомашнены в массе, которая выделена как часть сообщества.

Слову толпа я придаю значение воплощенной в человеческой общности стихии природного становления, природной дикости. Жизненной стихии, которая разворачивается, что называется, по ту сторону рационального схватывания (осмысления) и научной представимости событий. Если масса — это нечто представимое и, хотя бы потенциально, поддающаяся контролю, то толпа — это природная, дикая стихия, прорывающаяся сквозь наброшенные на человеческую жизнь социальные формы.

Подобное различие массы и толпы в разных вариантах истолкования можно найти уже у Г. Лебона, Г. Тарда и З. Фрейда. У последнего оно (различие) строится на двусмысленности трактовки основополагающего термина «бессознательное». С одной стороны (в *описательном* смысле), оно включает все богатство психической жизни, которое не попадает в поле сознания. Как то, что пока еще не попало, так и то, что никогда в сознании не станет предметом. С другой стороны «бессознательное», это теоретически (*топически*) в принципе представимая (первоначально в сознании психоаналитика) «часть» стихийной жизни наравне с сознанием и предсознанием. С ним можно работать, например, лечить.

В данном случае имеется принципиальная возможность осознания (одомашнивания) бессознательных импульсов индивидуальной и коллективной «души». Бессознательное массы относится к этому второму типу. С ним, несмотря на его ускользающий и становящийся характер, возможно что-то сделать. Бессознательное толпы является разностью между описательным и топическим смыслом бессознательного по Фрейду. Оно адресует к *непредставимому* как таковому. К той реальности человеческого бытия, которая не вмещается в представление как особую форму данности того, что *есть*. Мы просто не можем тотальную мощь бытия представить. Осмысление этой непредставимой реальности началась в работах З. Фрейда, А. Бергсона и М. Хайдеггера, а затем стало доминирующей темой в философии постмодернизма.

Двусмысленность власти. Соответственно двойной структуре пограничной общности массы/толпы корень *крáτος* в новоевропейской культуре так же дает значение двум близким, но радикально различным понятиям власти.

В политической теории есть два исключаяющих друг друга варианта, создавших свою академическую традицию. Для английского философа Гоббса естественным (природным) состоянием человеческого сообщества является «война всех против всех». Поэтому власть, осуществляя насилие, устанавливает мир и формирует институты для его поддержания. В свою очередь традиция, заложенная в теории Руссо, предполагает, что естественным состоянием является мирное сосуществование людей друг с другом. Марксисты, заимствовав это предположение, называли его (начальное состояние сообщества) «первобытным коммунизмом». Поэтому формирование власти и ее институтов трактуется в категориях отчуждения, формирования частной собственности и установления раздора.

Этатизм (доминанта государственных институтов) и анархизм (доминанта общественной стихийной самоорганизации) — две неразлучные политические идеи, постоянно спорят в отношении оценки и того, что делать, столкнувшись с хаосом, присутствием толпы. Столкнувшись с кризисом политической экологии человека, они на протяжении столетий спорят: «кто виноват?» и «что делать?» С точки зрения анархистов (эта точка зрения представлена наиболее мощно в работах М. Фуко и теоретиков либерального толка) — ответственность за формирование агрессивного социального отхода — *толпы* лежит на государстве. Поэтому, выход из положения — это формирование «минимального государства» и разгосударствление максимального объема общественной жизни. Стихийность и бунт (типа парижской весны 1968 года) — это и есть аутентичное проявление внутренней свободы человека. С точки зрения государственников, толпа — это результат недостаточной силы и власти госинститутов. Поэтому нужно создать новые департаменты в разного рода министерствах (прежде всего — в полиции) для своевременного предупреждения и подавления возможных негативных эксцессов.

Как уже отмечалось, жизнь избыточна по своей природе. Она, не вмещающаяся нацело в жизненный мир где господствует власть, апеллирующая к рациональным истинам науки. Эту нерациональную «потусторонность» жизненного мира человека, можно попытаться одомашнить, превратить из *толпы* в *массу* за счет дополнения рациональных инструментов силы и власти художественными практиками праздничности. (Не случайно, съезды американских партий внешне напоминают карнавал. А политические дебаты на телевидении — становятся похожи на talk-show). Однако, как и любая рацио-

нальная деятельность, художественная политическая практика создает свой отход, как осколки камня под резцом каменотеса. Жизнь, как уже неоднократно повторялось, избыточна в отношении любой формы ее одомашнивания. Она, ускользая от схватывания и овладения технологиями силы и власти, формирует онтологическую прореху в человеческом мире. Сферу человеческой *не-мощи*. Разлом между могуществом и немощью воплощен в различии между массой и толпой. Можно сказать более точно, что, по сути, перед нами одна *пограничная* среда (такая же, как кромка в жерле вулкана между наблюдаемой поверхностью застывшей лавы и огнедышащим мраком недр Земли), которая в разных проекциях предстает в оппозициях толпы/массы и немощи/мощи. Именно ее я назвал бы *охлократией*.

Подчеркну — толпа это неосознаваемая в наших поступках стихия жизни. Три великих открытия XIX — начала XX века создали подступ к этой странной и неудобной для самомнения разума сфере. Вильгельм фон Гумбольдт доказал, что мышление определено формами языка, который «говорит человеком» (т.е. бросает его в исторически и политически особое прокрустово ложе рассуждения), когда он захочет сказать. Карл Маркс сформулировал эвристически мощную гипотезу зависимости форм мысли от характера общественного производства. Идея, имеющая очень влиятельных последователей в современной философии, психологии и социологии. Наш взгляд на мир зависит от того какие формы производства господствуют в обществе. И, наконец, Зигмунд Фрейд доказал, что наше сознание, динамика его жизни во многом зависит от активности бессознательного, воплощенного в нашем теле. Сознание не является хозяином в своем доме. Оно несвободно. В наших делах участвует тело. Не просто как физическая данность, но значительно шире — как языковая, политическая и историческая мощь наиндивидуальных сил, в которых выражается мощь Природы. Тело участвует в любом, самом наилучшем (в смысле продуманности) политическом действии, предопределяя присутствие в нем непрогнозируемых и неконтролируемых последствий. Вспомним, что одна из причин большевистского террора — стремление уничтожить сопротивление социального «тела», превратив людей в безликую массу для политических уроков «лепки» советского человека.

В заключении попробую локализовать место толпы в человеческих сообществах и показать особенности ее власти. Для этого воспользуюсь подсказкой немецкого философа Карла Ясперса.

Но в начале сделаю оговорку. Напомню, что власть связана со способностью одного субъекта изменять поведение других субъектов в соответствии со своими потребностями. *Власть любого «сталина», «гитлера», «нерона» и, даже всего «американского эмпириализма» ничтожна в сравнении с*

*властью мочевого пузыря*²². Культурные формы подчинения этой власти могут быть различны. Кто-то опрастается на людях, иной побежит за угол, третий — в туалет, четвертый в кусты — мелкие различия в структурах беспрекословного подчинения. Но *императивность* (неукоснительное исполнения его повелений) нигде не может быть поставлена под сомнение. *Бунты, восстания, мятежи — бирюльки слабых человеческих властей и господ. Даже перед Богом человек ропщет и бунтует, но взбунтоваться перед велением мочевого пузыря или прямой кишки просто невозможно. Это просто наша жизнь. Био-власть в том простодушном, но всемогущем смысле, который торопливо перепрыгнул в более интеллектуально оформленных рассуждениях изобретатель этого термина — Мишель Фуко.* Толпа и есть человеческая общность во власти жизни. *Охлократия.*

Охлократия должна быть понята как власть. Власть жизни. Конечно же она реализуется не непосредственно как в стадах шампанзе. Реализуется в одомашненном виде. Создает новое, лишь подчиняясь тому, что сверх него — жизни. Об этом выше неоднократно сказано.

Карл Ясперс и типы сообщества. Власть есть лишь там, где люди готовы жить (подчинять себя власти природы) и действовать (устанавливать цель в природе отсутствующую) вместе. Поэтому принципиальное значение имеет понимание характера этого *вместе* — «сообщества». К. Ясперс выделял три состояния сообщества, определяющие, по его мнению, направление своеобразного исторического регресса — народ, публика и масса, которые я предлагаю рассматривать как важнейшие формы одомашнивания стихии природных сил, действующих в индивидуальной и коллективной жизни человека. «Народ структурирован, осознает себя в своих жизненных устоях, в своем мышлении и традициях. Народ — это нечто субстанциальное и качественное. Масса, напротив, не структурирована, не обладает самосознанием, однородна и количественна. Она лишена каких-либо отличительных свойств, традиций, почвы — она пуста»²³. Публика занимает промежуточное место. «Публика составляет первую стадию на пути превращения народа в массу. Как только народ перестает жить полной жизнью, черпая силы в своем сообществе, возникает множество, составляющее публику, необъятное подобно массе, но воплощающее в себе общественное мнение о духовных ценностях в их свободной конкуренции»²⁴.

²² Естественно, что пузырь и кишка лишь полномочные представители множества телесных сил, желаний и стремлений. Сил, связанных с нашим рождением, взрослением, мужанием, увяданием и смертью. Все эти события закономерно разворачиваясь властвуют над индивидами и устанавливают предел вожелений государству.

²³ Ясперс Карл. Смысл и назначение истории. М. Политиздат, 1991 С. 142-143.

²⁴ Там же С. 143

Заимствуя в целом структуру, предложенную Ясперсом, позволю дать ей несколько иную интерпретацию и добавить четвертую «форму». Во-первых, вертикаль регресса (и симметричного направления возможного прогресса) развития сообщества разверну в горизонталь, утверждая, что перед нами не стадии «распада» сообществ, а синхронно со-существующие взаимопереходящие его (сообщества) состояния. Народ, публика и масса — это взаимодополнительные описания одного и того же состояния человеческой общности — интервалы (пределы) в рамках которых осуществляется человеческая жизнь. Любое сообщество, как и любой человек внутри себя как политическая матрешка содержит эти три типологические состояния.

Во-вторых, и это прямое следствие первого, состояние массы (и ее стихийной подкладки — толпы) не может рассматриваться чисто негативно. По сути массы — это социальная форма-посредник в преобразовании одних типов социального общежития в другие. Данное обстоятельство отмечал еще Г. Тард. Т.е., общественное бытие в переходном состоянии. В состоянии кризиса. Нестабильности. Бесформенность — условие трансформации, но, одновременно, — потенциал агрессии и насилия в случае (а он не случаен) прорыва стихийных сил толпы. Из массы возникают новые формы публики и народа. Или, скажу иначе: публика и народ становятся другими, развиваются (неважно прогрессивно или регрессивно), обнаруживая и усваивая массу в себе. В этом смысле С. Московичи писал о Г. Лебоне, что его открытие заключено в том, что “в сердцевине общества обнаруживается масса, почти так же как в человеке — животное или в скульптуре — дерево”²⁵. В этой связи должен стать понятен смысл экологической постановки вопроса. В том смысле, что масса для меня одомашненное животное, а толпа — дикое.

Проходя через состояние неопределенности и количественной неразличимости общность претерпевает процесс трансформаций. Причем этот переход не следует рассматривать как единичное событие типа революции (хотя подобные события действительно наиболее заметны). Любая налично сущая общность постоянно становится иной. Масса и есть воплощенная в социальную организацию публики и народа стихия становления. Еще раз отмечу — стихия одомашненная. Сама по себе она не образует, как полагал Ясперс, общности особого типа. Но, в отличие от толпы это усвоенное, одомашненное становление.

Например, принятие решения или выработка нормативного документа через процедуру голосования является формой трансформации публики как определенного рода общности через состояние массы. В этом состоянии человек приравнивается к «голосу» — неважно, одному (как в демократиче-

²⁵Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М. “Центр психологии и психотерапии”, 1996. С. 112.

ской процедуре) или к нескольким — в зависимости, к примеру, от числа принадлежащих акций в собрании акционеров. В любом случае качественная специфика и индивидуальность голосующего сводится к количественной мере. В принятом решении или законодательной норме общность (публика) приобретает качественно новую квалификацию. Например, постоянно меняющееся в ответ на вызовы исторической ситуации законодательство постепенно трансформирует идентичность сообщества. Речь при этом не идет только о парламентах или советах. Выборы кардиналами Папы римского или нашего Патриарха — Собором так же осуществляются через переходное состояние массы — различности, сведенной к количественной мере голосующих.

Современная система образования, делающая ставку не на выпуск готового специалиста, а на формирование у него компетенций приобретения различных навыков и специальностей в зависимости от стремительно изменяющихся потребностей производства, фактически формирует человека-потенцию. Не образованного субъекта, а открытого преобразованиям человека массы. Поэтому человек массы, которого так пугаются ревнители прошлого, — это человек будущего. Не в том смысле, что скоро люди будут именно такими. А в ином. Это человек открытый неопределенности будущего. Вопрос не в том, что такими будут люди через сто лет, а в том, что они будут такими, какими мы их сегодня никоим образом представить не можем.

Публика существует в любой общности лишь в той степени, в которой образующие ее индивиды готовы для достижения согласия и формирования коллективной воли к обезличиванию, переходя в состояние массы. Согласия на принесение своей индивидуальности (и личной, и профессиональной) в жертву множественности. Социальные институты и процедуры трансформации общественных структур путем количественного обезличивания (превращения в массу) являются исторически особыми формами обеспечения социальной стабильности в потоке исторических изменений. Социальная трансформация через стадию массы наглядно выражена в жизни огромного числа людей, распростертой между домом и работой (местом учебы). Переход (в чем-то он напоминает лиминальный переход²⁶) осуществляется через включение в организованные (деперсонализированные) *массы* пешеходов, пассажиров городского транспорта, автомобилистов и т.д.. Кризис парламентских демократий свидетельствует лишь о том, что одомашненные фор-

²⁶ Имеется в виду ритуальный переход из одного социального состояния в другое. В древнем мире, к примеру, из группы «мальчиков» через посвящение — в группу «воинов». В современном — кандидатов наук в доктора наук через процедуру защиты диссертации и голосования Совета. Во все времена — из сообщества живых — в сообщество умерших через ритуалы похорон.

мы политического взаимодействия все меньше предоставляют жизни возможностей самореализации. Тем больше выталкивается в толпу.

Проблема российской общности (впрочем, как и любой другой) заключается в том, что в отношении себя граждане подобного рода обезличивание рассматривают негативно, действуют на основе принципа «любви к ближнему». Например, повсеместно принято распределение дефицитных ресурсов (сюда входят не только материальные ценности и должности, но и, главное, время нашей жизни), прежде всего между родственниками, соплеменниками, друзьями, коллегами, однокашниками, любимчиками и т.д. Одновременно, с позиции другого мы столь же настойчиво требуем справедливости, равной доступности всем дефицитного ресурса, оценивая естественную для состояния «любви к ближнему» качественную специфичность индивидов как коррупцию. Требуем делить честно на основе «любви к дальнему», перепроверя себя на публичную и признаваемую качественную самодостаточность — основе бытия человеческой общности в качестве публики.

«Любовь к ближнему» образует субстанциальную и качественную, основанную на традициях, целостность, присутствующую в общности как *народе*. Поэтому народ структурирован как сложное многообразие иерархических отношений по степени близости. Возникновение и стабильное существование народа требует более радикальной жертвы, чем жертва индивидуальности (как это имеет место в публике). На алтарь необходимо положить жизнь. Поэтому наиболее аутентичным состоянием человеческой общности, в котором она присутствует в качестве народа, является война. В обращении Сталина по случаю начала войны неслучайно прозвучало: «братья и сестры». Война — та радикальная форма, в которой история тестирует конкретное человеческое сообщество — есть или нет в нем качество народа. Готовность граждан воевать и умереть во имя чего-то высшего означает присутствие в их душе ценности, которая выше ценности личной жизни. Это высшее определяется различно — Бог, род, царь или Отечество. Жертвующий жизнью во имя высшей ценности человек становится героем. Неважно, что в мирной жизни он мог быть насильником, пролил немало крови невинных людей, но его собственная жертва меняет его социальный статус, превращая в предмет народной любви и почитания. Подчеркну, любви тех, кто образует народ. Тех, для кого высшая ценность существует. Тысячи памятников героям, разбросанные по всему миру — это узлы памяти, традиций. Символы того, что можно назвать духовностью.

В любом случае, жертвоприношение выступает процедурой обнаружения и конституирования сообщества, его преобразования. Войны, как и голосования публики, являются состояниями, при которых возможно преобразование форм общности как народа. Причем в такие переходные (нестабиль-

ные) периоды народ так же становится массой, правда, отличной от массы публики. Не массой «голосов», а массой безгласных тел. Народ становится армией, группой обезличенных униформой индивидов, объединенных основным качеством — готовностью принести жизнь на алтарь высшей ценности. «Народ и армия едины!» — знаменитый лозунг последней великой войны выражает эту истину. Военноначальник посылает в бой не Иванова, Сидорова или Рабиновича, а отделение, роту, батальон, армию и т.д. Результат так же для него анонимен — потери убитыми и ранеными. Числа, а не уникальные индивидуальности. Проходя войну, общество как народ обновляется, можно сказать — омолаживается. В мирное время народ приходит в «себя», празднуя памятные даты своих великих побед или поражений.

Толпа — это неодомащенное, дикое становление как антипод логическому, усвоенному общностью в форме масс, встроенному в различного рода процедуры и ритуалы. Это отход жизнедеятельности сообщества в двух основных формах. Каждая исторически особенная общность имеет столь же особенный (а, следовательно, ограниченный) взгляд на себя в форме религиозных, научных, подручных и иных представлений. Имеет свои особые, но весьма ограниченные практики «заботы о себе». Позволю этот термин Фуко приписать так же и общности. Поэтому реальное становление просачивается сквозь поры и разрывы представлений о себе, свойственные конкретной общности. Ускользают от используемых практик освоения. Сообщества (так же как и индивиды) время от времени сталкиваются с самими собой как чужими, не схватываемыми на путях припоминания, неодомащенными. Тем самым они обнаруживают в себе *толпу*.

Власть толпы или охлократия не имеет почтового адреса, ей нельзя приписать ответственность за происшедшее. Она чистая случайность. Задним числом можно придумывать научные объяснения происшедшего, которых будет по числу придумывающих. Наперед, благоразумному человеку следует быть сдержанным. Чувствовать онтологическую ограниченность своего разумного целесообразного действия, признавать власть природы над нами. Когда народ, основываясь на высоких (у нас православных) принципах строит армию, в которой ничего не предусмотрено для удовлетворения нормальной сексуальности молодых мужиков — он порождает социальный отход, который известен как дедовщина. Дедовщина — это власть жизни над лживым самосознанием общества. *Это охлократия, которая властвует, несмотря на првовую отрыжку государственных органов.* Ей подчиняются все, кто в эту форму жизни входят.

Публика обнаруживает в себе толпу, квалифицируя ее в терминах девиантного поведения, которое, следует различительным линиям силы (патологическое) и власти (криминальное). Границу *между* патологическим и

криминальным формирует проблема вменяемости. Экспертиза вменяемости — профессиональная (психиатрическая) и обыденная (постоянно в каждом из нас осуществляющаяся) технология проведения демаркации в событиях жизни на то, что некто сделал, и то, что с некто произошло помимо его воли и желаний. Психиатрия и юристпруденция «окормляют» присутствие любого человека как «человека». В отходе всегда неуместившееся в присутствие для других.

Народ обнаруживает перед собой толпу как дикую стихию, неповиновенную, бунтующую, невписывающуюся в вертикальные иерархии взаимозависимостей жизни. Толпа по ту сторону общности. Пушкинское «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный...» как раз и указывает на две характеристики толпы: нерациональность (бессмысленность) и а-социальность (беспощадность). Беспощадность — это не просто жестокость. Это отказ от образующей основу социальности как народа — любви к ближнему. Отказ от милости и милосердия. Когда поэт в другом произведении говорит о том, что он «прославил свободу» и «милость к падшим призывал», то здесь речь идет не о призыве к доброте душевной государя, а о признании бунтовщика одним из своих, одним из тех, на кого распространяются милости суверена. Беспощадность указывает на асоциальный характер другого.

Враг в войне (толпа) приобретает в самосознании каждой из воюющих сторон образ зверя, бесчеловечно жестокой орды варваров, которых естественно нужно беспощадно уничтожать. Духовность сталинской диктатуры, о которой с ностальгией вспоминают и «патриоты», и коммунисты, и даже некоторые православные, непосредственно связана с репрессиями против «врагов народа», которые (как социальные технологии) удостоверяли и поддерживали состояние войны внутри советского общества. Переход к идеологии мирного сосуществования был первым шагом деконструкции исторической общности советского народа.

Болезненность встречи с собой как чужим, как с толпой, зависит от того, насколько регидно и неспособно к изменению господствующее представление о самом себе. Насколько государство и общество понимают, что перед ними не инспирации политических противников, не проявления мирных «заговоров», а результаты их собственной деятельности. Поэтому у охлократии есть своя экологическая миссия. Она, существуя на границе между космосом человеческих сообществ и окружающим хаосом, выступает зоной роста человеческих сообществ. Это зона первичного одомашнивания дикости в себе и вне себя. Все остальное в культуре вырастает лишь на этой «дикой» почве. Суть экологической проблемы человека заключается в том, что реализация человеческой сущности в различных вариантах одомашнивания начинает об-

наруживать в себе растущие угрозы его существованию. *Он лицом к лицу сталкивается со своими «отходами» — с толпой в самом себе.* С той жизнью, которая разворачивается через нас без нашего спроса. Властно диктует не-обходимое (то, что нельзя обойти) — придется сделать.

Охлократия — это власть природы в нас и вне нас над нами самими.

Концепция совершенствования человека как элемент развития биотехнологий

Человек меняющийся — так можно было бы обозначить последние 20-ть лет существования человека. Вернее, это время можно было бы назвать как — человек быстро меняющийся, поскольку стремление к изменению было присуще людям всегда. С древнейших времен человеку свойственно желание стать лучше. Совершенствование — телесное, умственное, психическое, военное, социальное, техническое... общество всегда воспринимало как благо, как позитивную ценность, которую следует поддерживать. Люди стараются улучшить свои способности, выносливость, преодолеть ограничения, связанные с биологическими характеристиками организма, основательно увеличить продолжительность жизни, повысить свой социальный статус и уровень безопасности.

Примеры совершенствования нетрудно найти в мифологии. В античности — это образ Икара, в христианской традиции Средних веков — духовное совершенствование, место которого видится христианину Данте Алигьери в Раю и высшую точку которого он определяет словом *transumanar*, означающим выход за пределы человеческого мира (Данте, как считается, впервые ввел в обиход термин «трансгуманизм»).

В истории — это Олимпийские игры Древней Греции, продолжением которых являются современные спортивные соревнования, на которых не только определяются сильнейшие спортсмены, но и перед каждым участником состязаний открывается перспектива выявить свои собственные предельные физические и психологические возможности, а максимальная цель соревнований — эти пороги преодолеть, поставив рекорд.

Однако совершенствование далеко не всегда понимается одинаково, одни интерпретируют его традиционно, как развитие навыков при помощи упражнений, другие же готовы использовать самые радикальные технологии, в том числе изначально приспособленные для лечения, чтобы улучшить свои телесные, интеллектуальные и психологические способности.

Важно отметить, что различают терапевтическое и нетерапевтическое медицинское вмешательство, совершенствование же человека — пример нетерапевтического, нелечебного использования медицины. Так, следование назначению врача считается терапией, в то время как необязательная операция по наращиванию волос или косметическая операция либо же, предположим, увеличение роста, уже не могут быть отнесены к необходимым медицинским действиям, и пациент идет на них на свой страх и риск.

Пример возможного совершенствования человека — электронные имплантанты²⁷. Имплантанты — это устройства, получающие питание от независимого источника энергии и использующие программные алгоритмы, которые выполняются при помощи небιологических средств — чипов, созданных на основе кремния. В медицинских целях имплантанты применяются для восстановления нарушенных функций тела (стимуляции) либо для частичной или полной замены функций отдельных частей тела (протезирования).

К имплантантам относится целый ряд электронных устройств, среди которых более всего распространены активные медицинские имплантанты. Например, кардиостимуляторы обеспечивают стабильную работу сердца. В стадии разработки находятся технологии, направленные на улучшение способностей человека. Среди них чипы, которые позволят имплантировать кибер-память и устанавливать беспроводную и невербальную коммуникацию между людьми; искусственное видение — разработка имплантантов, делающих возможным видеть инфракрасные лучи; звуковой зуб — технология передачи звуковой информации во внутреннее ухо с использованием вибрации принимающих сигналы костей.

Конечно, далеко не всегда различие между терапевтическим и нетерапевтическим использованием технологий бывает очевидным, не всегда оно кажется справедливым пациентам, особенно в свете новых возможностей медицины. Несмотря на то, что врачебное сообщество по преимуществу настроено консервативно и ограничивает нелечебное использование биомедицины, тенденция такова, что нетерапевтические услуги востребованы, так что их рынок расширяется.

Понять соблазн можно — с каждым десятилетием появляется много новых способов сделать тело и психику лучше: можно повысить когнитивные возможности, узнать заранее будущие способности ребенка на основании генетических тестов, увеличить мышечную массу или рост. Более того, достижения последних десятилетий в области генетики позволяют с достаточно высокой точностью предсказывать не только пол, но и многие болезни, и даже некоторые внешние данные еще нерожденного человека; экспериментальные методы в генетике позволяют модифицировать гены живых организмов, в том числе и человека. Конечно, подобные возможности привлекают внимание тех (к примеру, спортсменов), кто хотел бы развить свой организм, сделать его более выносливым. И хотя на практике медицинские технологии далеки от совершенства, однако уже сама надежда на подобные улучшения порождает непростые этические проблемы.

²⁷ The European Group on Ethics in Science and New Technologies, Opinion 20, Ethical aspects of ICT implants in the human body. EU 2005 (доступно онлайн — http://ec.europa.eu/bepa/european-group-ethics/docs/avis20_en.pdf).

Например, если представить себе ситуацию, в которой спортсменам разрешили использовать генетическую модификацию клеток для повышения физических способностей, сразу возникает множество вопросов: имеем ли мы право вмешиваться в природу; каковы социальные последствия подобных вмешательств; не деградирует ли человек как биологический вид в результате подобных самосовершенствований? Подобные вопросы задаются в последние годы все чаще, причем высказываются доводы как в пользу модификации человека, так и против, и всякий раз, когда становится известно о новом открытии, многие положения приходится пересматривать.

Причина этого проста — вопросы о совершенствовании человека не имеют однозначного решения. По сути, современный уровень знаний таков, что граница между случаем, предоставляемым природой, и волей стирается, и возникает новая реальность, когда свободная воля и ответственность становятся основным условием справедливости. Философ и теоретик права Рональд Дворкин подчеркивает этот страх перед ситуацией, в которой оказывается современный человек: «Мы боимся перспектив создания одних людей другими, потому что такая возможность смещает лежащую в основе наших ценностных масштабов границу между случайностью и принятым решением»²⁸. Ответственность перед лицом неопределенности существенно подрывает представления о справедливости и заставляет искать определенность в базовых принципах этики.

В свою очередь попытки выявить этические границы совершенствования человека заставляют обратиться к обсуждению того, что является неотъемлемой частью человеческого существа — достоинства человека.

Эссе Homo. Биомедицинское совершенствование, конечно, не может быть исключительно частным делом отдельного человека. Сегодня технически можно предпринять попытку клонирования человека, однако практически подобная операция будет бесчеловечной по отношению к будущему клону. Зададимся вопросом: почему? Ведь подобные прогрессивные технологии могли бы серьезно продвинуть нас в знаниях и принести значительное благо будущим поколениям. Но вождение этих возможных благ вступает в противоречие с нашими представлениями о человеке.

В самом деле, наиболее сильным препятствием для неограниченного применения достижений современной биомедицины оказываются сомнения относительно допустимости таких действий с точки зрения одного из фундаментальных принципов этики — принципа уважения человеческого достоинства.

Концепция человека, сложившаяся в европейской философской и культурной традициях, основывается на безоговорочном принятии ценности че-

²⁸ Рональд Дворкин. Цит. по Хабермас Ю. Будущее человеческой природы / С. 144.

ловека, и поэтому непредсказуемое изменение человека, скажем, на уровне генетики или при помощи клонирования, по сути может означать уход от всей этической традиции, сложившейся в прошлом и сегодня определяющей направление и границы легитимной медицины. Американский философ и социальный мыслитель Френсис Фукуяма, известный своей критикой совершенствования человека, в книге «Наше постчеловеческое будущее» предлагает обозначить эту константу как «фактор X» — нечто присущее человеку, что будет потеряно в случае, если общество пойдет на либерализацию в отношении совершенствования человека.

Однако если фактор X — скорее некое обширное направление гуманитарных исследований, то принцип достоинства, определяющий границы дозволенного и недозволенного в отношении человека, имеет широкое применение не только в биоэтике, но и в праве.

Возникновение этого принципа уходит корнями как в античную философию, так и в библейскую традицию. В наиболее ясной и широко известной форме он был выражен немецким философом Кантом, который связал идею достоинства с идеей нравственности и рациональной автономии. Для Канта: «... только нравственность и человечество, поскольку оно к ней способно, обладают достоинством»²⁹. Кант утверждает, что человек должен рассматриваться не в качестве только лишь средства, а в качестве цели в себе; реализуется же нравственность через способность воли человека к автономии.

Автономия воли и нравственный закон, присущие каждому, побуждают человека искать способы реализации своих собственных планов, идей и замыслов при том ограничении, что эти планы не допускают: а) нанесение вреда другому человеку; б) использование людей в качестве средства для достижения собственных целей и в) принуждение человека к какому-либо образу мысли, поскольку это ограничивает его автономию.

На практике эти моральные ограничения регулируют многие направления совершенствования человека, например, развитие генетических исследований свойств, которые могли бы передаваться по наследству, поскольку ученые не могут предсказать последствия подобных исследований для будущих поколений. Сюда же относится и запрет на клонирование, так как очень велика вероятность того, что созданные клоны будут страдать от физических недостатков.

Впрочем, принцип уважения достоинства является предметом широких дискуссий, и несмотря на то, что он служит краеугольным камнем существующей этики, его одного, конечно, недостаточно для этической оценки всего многообразия путей и форм совершенствования человека. Ключевым же

²⁹ Кант. И. Основоположения метафизики нравов. Собрание сочинений, т. 4, Изд. «Чоро» 1994, С. 212

вопросом современных дискуссий является не столько тот факт, что технологии играют все большую роль в жизни людей, сколько то, что в самом человеке заложено стремление к самосовершенствованию, ограничить которое не так-то просто.

Новые биотехнологии — новые угрозы. Образ Франкенштейна, который, в соответствии с замыслом английской писательницы Мери Шелли, в своей лаборатории создал человека-чудовище, стал выражением опасений, которые усиливаются пропорционально нарастанию волны биотехнологических открытий. Как известно, дорога в ад вымощена добрыми намерениями, и именно этого опасаются противники смелых биотехнологических инноваций. Процветание человека, по мнению противников активного внедрения таких биотехнологических достижений, как преимплантационная генетическая диагностика, ставится на карту, так как, по словам известного немецкого философа Ю. Хабермаса, «размах биотехнологического вмешательства не просто поднимает сложные моральные проблемы, как это было до сих пор, но ставит вопросы *совершенно иного рода* (курсив наш — авторы материала). Ответы на них затрагивают этическое самопонимание человечества в целом»³⁰.

Противники совершенствования человека говорят о необходимости жесткого контроля, или даже наложение моратория на наиболее радикальные биотехнологические технологии. И тому есть причины. Ведь относительно недавно попытки улучшить общество закончились реализацией бесчеловечных программ по стерилизации психически нездоровых людей, что привело к негуманному обращению более чем с 60000 американцев в 20-50е годы прошлого века.

Еще более бесчеловечные нацистские программы по улучшению человека подразумевали уже не только стерилизацию, но и уничтожение по признаку национальности, болезни и даже по политическим взглядам.

Безусловно, современные знания о человеке много обширнее тех, которыми обладали ученые в начале 20-го века; кроме того, вряд ли современные государства пойдут на реализацию тотальных евгенических программ, основанных на научной методологии. Между тем сложнее ограничить стремление отдельных людей сделать себя лучше, поскольку разные люди, впитавшие различный культурный опыт, по-разному оценивают риски использования биомедицины для улучшения человека, например, для диагностики плода. В то же время многие люди по своей воле желали бы приобрести более совершенные способности, а возможно, и увидеть более одаренными своих детей, используя для этого достижения биомедицины.

³⁰ Хабермас Ю. Будущее человеческой природы На пути к либеральной евгенике? С. 24.

Однако неравномерный подход к границам, в которых могут развиваться биотехнологии, приводит к появлению тех «новых рисков», в то время как распространение технологий совершенствования человека может усилиться через социальные механизмы конкуренции.

Автор книги «Генетически модифицированные атлеты»³¹ Энди Миа говорит о целом комплексе связанных друг с другом рисков, с которыми может столкнуться общество в случае широкого распространения технологий совершенствования человека.

Например, учитывая опыт истории, несложно предположить, что доступ к биотехнологии лишь узкого социального круга, в первую очередь обеспеченных слоев общества, неизбежно станет еще одним основанием для дискриминации, когда те, кому удастся воспользоваться возможностями биотехнологии, будут считаться более ценными представителями человеческого рода, чем те, кто будут лишены этой возможности.

Более того, применение генетики может приобрести статус главного фактора успеха в любой сфере деятельности человека, когда наличие тех или иных генов будет рассматриваться как основной критерий выбора профессии или определения места работы.

Совсем уж футуристический сценарий предполагает, чтобы дети рождались с уже предсказуемыми чертами характера. Следствием этого станет искусственное конструирование характерных черт и способностей людей будущего. Так использование генетических технологий может привести к тому, что среднестатистический спортсмен будущего станет обладателем таких качеств, как большая, чем у современных спортсменов, мышечная масса, выносливость и гибкость.

Вместе с тем можно предполагать, что жизнь человека, да и любая другая форма жизни, будет пониматься как артефакт и потеряют свою самоценность. Ведь желаемые способности еще не рожденного ребенка будут рассматриваться как то, что можно менять при помощи технологических воздействий — вопрос о том, заложить ли в него музыкальные либо военные задатки или склонность к науке, родители смогут решать совершенно произвольно.

Конечно, когда мы акцентируем возможные риски, это может показаться алармизмом, а то, что против совершенствования человека высказался ряд философов, вовсе не означает, что запрет биотехнологий — верный путь развития науки. Даже та опасность, на которую указывает Хабермас, опасность того, что биомедицинские технологии, делая человека более сильным и совершенным, приведут к потере гуманности — того качества, которое дела-

³¹ Andy Miah, *Genetically Modified Athletes. Biomedical ethics, gene doping and sport*, London 2004.

ет нас людьми³², не может служить препятствием для реализации стремления человека к совершенствованию. Противоположная точка зрения не отвергает идею процветания человека, между тем предлагаемые при этом средства достижения процветания — иные.

Трансгуманизм, или мечта о совершенном человеке. Освобождение человека от биологических ограничений, в первую очередь от смерти — императив, из которого возникла одна из самых двойственных концепций современности — трансгуманизм, который можно охарактеризовать как путь к превращению обычного человека в супермена, не боящегося старости, обладающего сверхсилой и сверхвыносливостью. Причудливое сочетание одиозности и научной методологии в трансгуманизме проявилось уже у самых истоков возникновения этой концепции.

Впервые слово «трансгуманизм» использовал биолог Джулиан Хаксли для описания будущего человек в статье «Трансгуманизм». Однако уже в начале 20-го века высказывалась идея научного преобразования природы человека.

Илья Ильич Мечников — основатель геронтологии, получивший Нобелевскую премию за открытие фагоцитоза, — один из первых ученых, предпринявших попытку совершенствовать природу, полагая, что миссия науки заключается в радикальном улучшении жизни и преодолении недостатков природы при помощи научных знаний.

Опираясь на научные знания, человек должен получить возможность менять самого себя, причем сам ученый допускал и довольно смелые методы. Например, он полагал, что бактерии — одна из главных причин смерти человека, следовательно — удаление толстого кишечника должно уничтожить очаг инфекции, причем были предприняты и практические шаги для подтверждения этой гипотезы.

Идеология бескомпромиссного преобразования человека при помощи науки стала одной из отличительных черт трансгуманизма и в следующие десятилетия. Один из наиболее ярких и харизматических представителей трансгуманизма 60-90-х годов Ферейдун М. Эсфандиари понимал под трансгуманизмом не некое состояние человечества в будущем, а, напротив, уже нынешнее состояние человека, и как следствие, он видел цель своей творческой работы как трансгуманиста в создании концептуальной теоретической модели человека будущего здесь и сейчас, погружая таким образом человека нынешнего в мир, в котором ему предстоит жить³³.

³² Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. Цит. по Franklin S. Better by design? / Better Humans? The politics of human enhancement and life extension. Demos (www.demos.co.uk), 2006. P. 87.

³³ См. Greg Klerkx. The transhumanists as tribe // Better Humans? The politics of human enhancement and life extension. Ed. by Paul Miller, James Wilsdon. London, 2006. P. 63.

Оптимизм в отношении новых сверхвозможностей, дарованных наукой, и надежда на преодоление тех недостатков, которые мы получаем в силу своей природы, переход к более совершенной жизни — позитивные черты, которые развивали трансгуманисты прошлого века.

Несмотря на то, что многие надежды трансгуманистов 60-90-х годов оказались тщетными (сам Эсфандиари потерпел неудачу в своей попытке дожить до 100 лет), им удалось решить такую мировоззренческую задачу, как укоренение в общественном сознании идеи преобразования человека при помощи науки. В представлении многих эта идея приобрела позитивную культурную ценность.

Трансгуманистический оптимизм или экстропия³⁴ на интуитивном уровне естественным образом противопоставился концепции естественной энтропии, т.е. упадка и деградации.

Современные трансгуманисты делают ставку на конвергенцию,³⁵ или взаимопроникновения биологических, информационных, нанотехнологических и когнитивных исследований (NBIC технологий). NBIC-конвергенция рассматривается как «мировоззренческая проблема», как первый шаг к «новой цивилизации»³⁶, контуры которой, однако, видятся довольно расплывчато. Таким образом, противостояние концепций «Франкентштейна» и «Супермена» сегодня актуально как никогда, хотя образ супермена, конечно, несравненно более привлекателен. Очевидно, именно идея улучшения, а не ухудшения человека вдохновляет исследователей.

На пути к либерализации. Ни те, кто предостерегает об опасностях, которые таит в себе идея совершенствования человека вплоть до потери не только гуманности, но и самоидентичности на биологическом уровне, ни те, кто, напротив, не видит в человеке как в биологическом и духовном существе ничего, что следовало бы сохранить, не могут привести какие-либо неопровержимые аргументы, позволяющие выбрать определенный курс действий. Конечно, отношение к совершенствованию человека имеет и свои культурные особенности. Например, американской NBIC-инициативе свойственна сциентистски-технологическая редукция проблемы совершенствования человека к очищению от предрассудков — страхов появления «Франкенштейна», в то время как европейский подход уделяет большое внимание антропологическому полюсу проблемы, особенно ее социокультурному измерению.

³⁴ Экстропия (англ. extropy) — термин, используемый в трансгуманизме для определения степени живучести, энергии, жизни, опыта, способности совершенствования и роста.

³⁵ См. Greg Klerkx. The transhumanists as tribe // Better Humans? The politics of human enhancement and life extension. Ed. by Paul Miller, James Wilsdon. London, 2006. P. 65.

³⁶ Аршинов В.И. Социокультурные проблемы конвергирующих технологий (NBIC- процесс).

Важно отметить следующее: несмотря на то, что этические доводы, которые используются обеими сторонами, а именно, доводы «против Франкенштейна» и в пользу «Супермена», возникли и являются продуктом философской и этической мысли прошлого, в то время как уровень современной науки поставил человека перед новой реальностью, *новыми рисками*, которые, во-первых, оказываются многомерными, комплексными и, во-вторых, обладают высокой степенью непредсказуемости.

Само обсуждение идеи совершенствования человека сегодня стало из самых острых тем. Одним из ключевых аргументов здесь, конечно, является голос ученых, которые в лице таких известных исследователей, как Джеймс Уотсон («отец» современной генетики, руководитель проекта «Геном человека»), полагают, что нет ничего плохого в «таком применении результатов исследований, которое обеспечило бы наилучшее будущее для наших детей»³⁷.

Безусловно, совершенствование человека сегодня имеет жесткие регулируемые рамки, однако эти рамки активно проблематизируются, и существующая тенденция может быть определена как поиск аргументов для осторожной либерализации этого направления биотехнологий. Между тем прогнозируемые риски и принципы, нарушение которых возможно в результате широкого распространения совершенствования человека, конечно, остаются предметом пристального внимания.

Развитие биотехнологий, конечно, требует серьезного отношения к рискам, возникающим в результате их практического использования. Это особенно важно, когда речь идет о технологиях совершенствования человека — именно в силу новизны и неопределенности этих рисков.

Еще большее значение имеет адекватное информирование общества относительно того, какова суть процесса развития биотехнологий, верхушкой которого являются технологии совершенствования человека. Ведь без широкой общественной дискуссии никто не сможет быть уверенным в том, что разрабатываемые сегодня технологии действительно принесут пользу, а не вред.

³⁷ Цит. по Franklin S. Better by design? / Better Humans? The politics of human enhancement and life extension. Demos (www.demos.co.uk), 2006. P 90.

**Трансдисциплинарно-синергетическая методология
в обеспечении инновационного развития
биомедицинских исследований³⁸**

Трансдисциплинарно-синергетическая методология, несмотря на открытый проект в своем собственном самоопределении, поиске статуса и основополагающих принципов, задает сегодня ориентиры современной философии и науке о человеке, включающей в свое проблемное поле биологические, медицинские и генетические исследования, идеалы толерантности и соучастия, автономности и согласия, гуманистические и ценностные регулятивы в исследовании человеческой природы и жизни. Зафиксируем ценностно-антропологические повороты современного биоэтического знания на пути к формированию целостной междисциплинарной стратегии инновационного развития и использования биомедицинских технологий, гуманитарной оценки их антропологических последствий и радикального преобразования конкретных практик в сфере биологии, медицины и фундаментальной науки.

Постнеклассическая рациональность и биомедицинские исследования: этические измерения, концептуальное ядро и принципы. В XX-XXI столетии значительно усилился обмен парадигмальными установками между различными естественнонаучными дисциплинами и социально-гуманитарными науками. Причем междисциплинарный синтез все чаще рассматривается как один из важнейших аспектов возникновения нового знания, когда полученные в одной отрасли знания включаются в качестве оснований для формирования знаний в другой дисциплине. Такое взаимообогащение наук идет по линии трансляции отдельных методов, фундаментальных принципов, концептуальных средств из одной науки в другую, что приводит к коренной перестройке оснований науки, т.е. к научной революции. Обмен фундаментальными принципами между различными науками приводит к изменению видения предмета конкретной науки, развитию ее понятий, к формированию общенаучных принципов и концептуальных средств, что связано с усиливающимися тенденциями к интеграции научного знания [1]. Такие процессы особенно характерны для биоэтики, которая пытается осмыслить этические проблемы, возникающие в результате динамичного развития биологии и медицины, в сфере биомедицинских технологий. Существенно изменяя наши знания о живой природе, о жизни в целом, ее границах и возможностях, *биоэтика, медицина и биология сегодня выполняют функции лидера научного познания*, обосновывая новую систему ценностей и идеалов, и демонстрируя

³⁸ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 10-03-0086а/Б.

аксиологическую недостаточность таких институциональных принципов «этоса науки», как принцип универсализма, коллективизма, бескорыстности и организованного скептицизма (Р. Мертон).

Постнеклассический этап развития науки в исследовании человека отличается не просто интеграцией научных подходов, а требует методологически акцентированных трансдисциплинарных связей, обобщающей роли философско-методологического знания, необходимости развития практикоориентированной прикладной философии как организационной и систематизированной формы научной рефлексии, с одной стороны, и глубинной этической регуляции, с другой стороны. *Трансдисциплинарность* как фундаментально-интегративный и системно-комплексный принцип, несомненно, сохраняет необходимость использования дисциплинарного знания (биологического, медицинско-генетического, генетики и т.д.), и вместе с тем расширяет рамки дисциплинарной науки, ориентирует исследователя на выход в пограничную с жизненным миром сферу, повседневную практику при изучении экзистенциальных проблем человеческого бытия в контексте высоких биотехнологий, актуализации биомедицинских экспериментов, трансплантации, эвтаназии, необходимости морально-этического и правового регулирования биобезопасности и биомедицинских исследований на человеке и животных, а также регулирования этических проблем применения новых генно-инженерных технологий, манипуляций со стволовыми клетками и клонирования человека.

Обогащенный новыми измерениями, удивительными, манящими и чарующими воображение экспериментами и манипуляциями современный биомедицинский опыт доставляет методологическому дискурсу богатый материал для саморефлексии. В процессе диалога дисциплинарного знания, жизненного мира, повседневной практики и морально-этической оценки открытых человекообразных проблем рождается феномен трансдисциплинарной постнеклассической рациональности.

Наряду с междисциплинарными стратегиями одно из центральных мест в постнеклассической науке в целом и в биомедицинских и генетических исследованиях, в частности, занимает *синергетическая методология*, определяя практику моделирования саморазвивающихся систем. Трансдисциплинарный характер синергетики, популярность и универсальность обеспечивают ее востребованность как в развитых теоретических науках, так и в науках о человеке. При этом синергетика может рассматриваться в трех измерениях: как картина мира; методология; наука. В рамках картины мира синергетика и ее понятия предстают, как правило, в наглядном, популярном, метафорическом виде, с использованием аналогий, апелляцией к здравому смыслу и обыденному языку, обеспечивая тем самым «радость встречи с новым взглядом на мир окружающих нас вещей и событий». Такая «метафорическая синергети-

ка», по выражению В.Г. Буданова, имеет как позитивную, так и негативную тенденцию. Использование псевдосинергетических ассоциаций и метафор, вольное толкование синергетики представляет некоторую опасность для развития синергетики как науки, «зашумление» синергетического пространства и междисциплинарной коммуникации. В тоже время «мода на синергетику», как культурный феномен узнавания и понимания ее постулатов, создает надежную основу для формирования своего рода «архетипа целостности в разных областях культуры», потребности в междисциплинарных стратегиях. Актуальность синергетики сегодня бесспорна и инициируется она, с одной стороны, «необходимостью нахождения адекватных ответов на глобальные цивилизационные вызовы кризисного мира», а с другой стороны, универсальностью ее методов, генетической связью с «наукой вечной» — математикой («за нас думает математика»), а «книга природы пишется языком математики», по крайней мере, со времени Галилея. В контексте современного антропологического поворота и изучения человекомерных систем синергетика сегодня формирует *синергетическую методологию*, как особый метауровень культуры, методологию междисциплинарной коммуникации и моделирования реальности [2].

Методология междисциплинарных исследований, по Ласло [3], это горизонтальная, трансдисциплинарная связь реальности, ассоциативная, с метафизическими переносами, символьными мотивами, несущими колоссальный эвристический заряд, в отличие от вертикальной причинно-следственной связи дисциплинарной методологии. Если *дисциплинарный подход* преимущественно решает конкретную задачу, возникшую в историческом контексте развития предмета, ориентируясь на устоявшиеся методы, инструментарий и причинно-следственные связи, то междисциплинарный подход основывается на холистическом способе структурирования реальности, полиморфизме языков и аналогии. В.Г. Буданов выделяет пять типов междисциплинарных стратегий коммуникации: междисциплинарность как *согласование языков смежных дисциплин* (например, физики и химии, психологии и социологии, этики и медицины); междисциплинарность как *эвристическая гипотеза — аналогия*, переносящая конструкции одной дисциплины в другую поначалу без должного обоснования (волна — пилот в квантовой теории как гипотеза — аналогия и волны вероятностей, как общепринятый образ); междисциплинарность как *конструктивный междисциплинарный проект, организованная форма взаимодействия многих дисциплин* для понимания, обоснования, создания и, возможно, управления феноменами сверхсложных систем; междисциплинарность как *сетевая коммуникация*, или *самоорганизующаяся коммуникация*, результатом которой является внедрение междисциплинарной методологии, трансдисциплинарных норм и ценностей, инвариантов и универ-

салий научной картины мира. Сегодня необходим фундаментальный парадигмальный проект, глубокая философская работа по исследованию процессов укоренения синергетики как ядра общенаучной картины мира (В.С. Степин).

Синергетика как наука о развивающихся системах рождается и развивается на пересечении и конструктивном взаимодействии предметного знания, математики и философии. Синергетика пытается синтезировать предыдущие подходы на базе современной культуры междисциплинарного и математического моделирования, фундаментальных открытий в области универсалистских динамических теорий (теорий катастроф, динамического хаоса, самоорганизации), компьютерного эксперимента, эволюционной эпистемологии, теорий искусственного интеллекта, интегральной психологии и медицины, тем самым выполняя свое предназначение синергетического синтеза и синергетической парадигмы [2]. Синергетическая методология чрезвычайно важна для разработки оснований методологии биоэтического обеспечения инновационного развития биологии и медицины, включающей механизмы системной гуманитарной оценки антропологических последствий инновационных проектов.

Обогащенный синергетическим стилем мышления постнеклассический тип рациональности учитывает соотнесенность об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами, в результате чего поиск научной истины соотносится как с внутринаучными, так и с социальными ценностями и целеполаганием. [4, 17]. Через методологический дискурс наблюдается мощный поворот современной науки в сторону жизненного, повседневного мира, сохраняя преемственность с классическими традициями и классической рациональностью. Парадоксальный диалог и встреча дисциплинарного знания и жизненно реальной практики в сфере биологии, медицины и биоэтики обеспечивают динамику и творческий поиск трансдисциплинарного исследования. Специфичность, уникальность, необратимость биомедицинского опыта и поистине экзистенциального для конкретного человека события, предъявляют новые требования к современному научному знанию и требуют особой меры ответственности перед исследователем (биологом, медиком, генетиком и т.п.). В соответствии с этим в методологическом анализе современной науки наряду с такими классическими принципами и критериями научного знания как объективность, истинность, обоснованность, доказательность, системность все в большей степени заявляют о себе принципы, сформированные в рамках биоэтического дискурса, но используемые сегодня в более широком научном контексте. К ним относятся: принцип *автономии личности*, основанный на единстве прав врача и пациента; принцип *информированного согласия*, требующий соблюдения права пациен-

та знать всю правду о состоянии своего здоровья (или механизмы участия в испытании лекарственных средств и т.п.); принцип *конфиденциальности*, предполагающий строгое соблюдение врачебной тайны; принцип *справедливости*, в основе которого лежит представление о равноправии каждого на единые стартовые возможности и дающем каждому одинаковые шансы на достойную жизнь; принцип *доверия*, основанный на симметричности, взаимности отношений врача и пациента, при которых пациент отдает себя в руки врача с верой в его профессионализм и добрые намерения; принцип *«не навреди»*, предполагающий высокую степень ответственности тех, кто принимает решения в условиях риска в медицине и биологии, выстраивает прогнозы и осуществляет свою профессиональную деятельность. Такие гуманистические принципы вместе с высшими моральными ценностями биоэтики — «добро», «сострадание», «моральная ответственность», «долг», «совесть», «достоинство», «милосердие» мощно внедряются в современную трандисциплинарно-синергетическую методологию, определяя тем самым ее концептуально-теоретическое ядро и обеспечивая радикальный поворот к нравственно-аксиологическим измерениям.

Гуманистическая парадигма биоэтики, формирующаяся в результате перехода способов эмпирического описания врачебной морали к обостренной этико-философской рефлексии над нравственными основаниями биомедицинских исследований, своих собственных положений о моральных ценностях, приводит к расширению проблемного поля биоэтики с включением в нее не только нравственных, философских, но и правовых компонентов. Происходит объединение различных видов системы ценностей: *биологические* (физическое существование, здоровье, свобода от боли и т.д.), *социальные* (равные возможности, получение всех видов медицинских услуг и т.п.), *экологические ценности* (осознание самоценности природы, ее уникальности, коэволюции), *личностные* (безопасность, самоуважение и т.п.). В рамках биоэтики формируются социальные механизмы, предусматривающие разработку этических кодексов, законов, повышение сферы ответственности профессионалов-медиков и биологов, расширение их обязанностей, закрепленных не только на личном, но и правовом уровнях. В то же время *гуманистическая парадигма биоэтики осуществляет сегодня прорыв в другие области теоретического и практического разума, поднимая тем самым высокую нравственную «планку»* в диалоге и взаимообогащении естественнонаучного и социально-гуманитарного знания, политики, экономики, права, общественной морали.

Возникает потребность в институционализации общественной морали, появляются новые институты морали — этические комитеты по этике и биоэтике, комиссии по экологии, комиссии по этической оценке и экспертизе

научных проектов, советы по корпоративной и профессиональной этике и т.д. «Проблема институтов как фактора действенности морали с особенной остротой, — замечает Р.Г. Апресян, — проявилась в связи с обсуждением более специального вопроса о функционировании корпоративных и профессиональных моральных комплексов, в том числе, кодифицированных» [5]. В рамках новой общественной морали формируются *дискурсивные этики*, позволяющие в отличие от универсалистской этики, членам сообщества включаться в обсуждение с целью защиты своих интересов, поддержания своей идентичности и партнерского взаимодействия. В социальной этике весьма важны отношение общества к личности, к членам сообщества, к институтам власти.

Такого рода гуманистические процессы дают импульс развитию гражданского общества как самоорганизующейся и саморазвивающейся системы, задающей определенные идеалы общественного развития. Оно функционирует и развивается гораздо успешнее, когда для этого создаются благоприятные внутренние и внешние условия. В значительной мере их создает само общество через государство, а нередко — вопреки ему. Институционализация гражданского общества и общественной морали, характерные для современных демократических обществ, сопровождаются активной работой нравственных регулятивов в самых разных областях, формированием корпоративных и профессиональных моральных принципов регулирования поведения отдельных субъектов, задающих нравственную матрицу и шкалу ценностей правового, социально ориентированного государства. *Стандарты общественной морали, формирующиеся и реализующиеся посредством деятельности различных социальных институтов, выступают в результате этого стабилизирующим началом глобализирующегося мира.*

Общественная мораль в своей исторической динамике и взаимодействии с различными феноменами культуры обогащается ценностными и нравственными регулятивами, кристаллизуя образцы и стратегии моральных стандартов социального действия и принятия решений в различных сообществах. В современных условиях классическое понимание науки, ориентированной лишь на познание и направленной на объяснение, дополняется *новой оценкой функционирования науки и научного потенциала*, вследствие чего даже фундаментальные исследования должны быть релевантными и подчиненными общественным интересам, а производство научных знаний должно непосредственно интегрироваться в процессы принятия экономических и политических решений. Значимость науки для экономики (инновации) и для политики (в качестве поставщика тем, проблем и знаний, необходимых для принятия решений), таким образом, возрастает. Инновационная политика становится одной из важнейших составных частей научно-технической и со-

циально-экономической политики. Современное общество, которое не может существовать без нововведений, должно их стимулировать, а государственная инновационная политика ориентироваться на принятие решений о поддержке или не поддержке конкретных инновационных проектов, учитывая при этом гуманистическую их экспертизу и междисциплинарные стратегии. Так, *нанотехнология*, как приоритетное трансдисциплинарное направление современности, объединяет ведущих ученых самых различных областей — физиков, химиков, биологов, мармакологов. Инженеров, философов, социологов, экономистов и др., преодолевая тем самым заложенное в названии нанотехнологии противоречие (это *технология*, но вбирающая в себя лучшие инновационные подходы науки). Трансдисциплинарность нанотехнологии проявляет себя уже на уровне понимания и объекта исследования, определенного лишь приблизительно как область явлений, расположенных между микромиром и макромиром, и интегральных методов исследования, и специфических метаэкспериментальных средств (оборудования), привлекаемых из различных областей науки. Широкое признание нанотехнологии обосновывается во многом на пропагандируемых учеными и средствами массовой информации будущих проектов, способных дать феноменальные практические результаты (например, в сфере медицинской техники, автомобилестроении и т.п.) [1]. Однако, в методологическом ракурсе сегодня это инновационное направление требует глубокой гуманистической экспертизы и синергетического «проигрывания» различных сценариев и последствий их использования, интегрирования порою трудно согласующихся между собой экономических, политических, экологических, социокультурных, технических, социально-психологических и этических аспектов, проектирования и диалога науки, техники, политики, этики, гражданского общества. Без использования политических средств быстро нарастающие изменения окружающей среды, вызванные неконтролируемым научно-техническим и промышленным развитием, регулировать невозможно. Современное общество глобального риска предъявляет новое понимание научной рациональности, выходящей за рамки дисциплинарной рациональности и включающей в себя политическое, социальное, гуманитарное, философское измерение и систему ценностей, этическое отношение к человеку, науке и технике.

Системная трансформация современного общества детерминирует переосмысление самосознания и нравственности отдельных личностей, структуры и статуса коллективных субъектов, соотношение индивидуального и коллективного субъектов нравственных отношений в сфере науки, политики, права, экономики и культуры.

Несомненно, нравственный или безнравственный, а точнее, гуманный или антигуманный характер может, скорее всего, иметь не сама науч-

ная деятельность, а *последствия применения научных открытий*. «При изучении человекообразных систем исследователю приходится решать ряд проблем этического характера, определяя границы возможного вмешательства. Внутренняя этика науки, стимулирующая поиск истины и ориентацию на приращение нового знания, постоянно соотносится в этих условиях с общегуманистическими принципами и ценностями» [6, 285-286]. И хотя ученый иногда не в силах предугадать эти последствия, это отнюдь не снимает с него моральной ответственности и перед обществом за свое открытие. *Проблема ответственности ученого перед обществом за результаты научных исследований, за их использование на благо или во вред человеку является одним из наиболее показательных моментов взаимосвязи современной генетики, биомедицины и морали*. Долг ученого заключается в том, чтобы информировать общественное мнение как о благах, которые принесет внедрение его открытия, так и об опасностях, которые могут возникнуть при злоупотреблении им.

Биомедицинские и генетические исследования: междисциплинарный диалог. В современных исследованиях человека при всех взаимопереплетениях социальных, биомедицинских и философско-методологических детерминант ведущую роль начинают играть биологические, генетические подходы, биотехнологии, в результате чего происходят радикальные модификации его телесного и психического существования. Мощно заявивший о себе технологический подход при этом проявляется не только в плане возможной реализации генетического проекта, конструирования человека посредством вмешательства на молекулярно-генетическом уровне, но и в актуализации социального проекта, благодаря психологическому воздействию, эффективным технологиям индоктринации, формированию стереотипов восприятия и социального поведения. [7, 20]. Необходимо обращать внимание и на своего рода *меру антропоцентристского подхода*, ибо гипертрофированные принципы научно-исследовательского либерализма с ярко выраженными установками рационализма и эгоизма, индивидуальными потребностями, попытками конструирования человека по определенному замыслу, *оборачиваются атомизацией общества, отрывом современного человека от целей общества, забвением идеалов уникальности, самобытности каждого индивида, его ценностей и предназначения*.

Обостренный интерес к проблеме человека, несомненно, связан с тем переломным моментом истории, который переживает современное человечество, поскольку человек является точкой пересечения самых разнообразных проекций бытия — и природного, и социального, и культурного и информационно-виртуального, вбирая в себя и высвечивая в новом ракурсе различные измерения нашей природной, социальной и духовной жизни. Особое

внимание привлекает сегодня генетика человека, в частности, то, что связано с изучением его генома, нейронаука (neuroscience), изучающая мозг, как основу человеческого поведения, различные биомедицинские науки, способные вызвать глубокие и радикальные изменения в человеке посредством воздействия на него [8, 11].

Биотехнологическая революция, происходящая в современных биомедицинских науках, их достижения и строящиеся прогнозы, как отмечает Ф. Фукуяма, означают не просто нарушение или ускорение размеренного хода событий, а приводят к тому, что будущее человечества вовсе не является predetermined, оно оказывается открытым, в решающей мере зависящим от наших нынешних решений и действий. В результате открытий и достижений в молекулярной биологии, когнитивных науках о нейронных структурах мозга, популяционной генетике, генетике поведения, эволюционной биологии и нейрофармакологии, открываются беспрецедентные возможности изменения природы человека.

Биомедицинские исследования, актуализируя проблему природы человека в контексте высоких биотехнологий, создают предпосылки открытости, инновационной модальности человеческого существования, непредсказуемости онтологической модели личности человека, придают гуманистический ракурс моделям проектирования альтернативного будущего человека и человечества, «этике предвидения», ибо речь идет о нравственном исчислении нового горизонта футурологического существования человеческого рода. Фантастический модульный принцип в прогнозе Э. Тоффлера частично реализуется уже сегодня, не нарушая целостности тела при систематической замене некоторых частей — модулей. Тело освобождается от predeterminedности, идентичность может меняться в зависимости от контекста и ситуации, молодость сохраняется, благодаря возможностям современной медицины, т.е. происходит реальная трансформация биологических оснований человека, «метафизики тела». Неизменность человеческой природы уступает место принципу выхода из естественности, когда можно продлить жизнь, изменить пол, родить ребенка при отсутствии природных предпосылок и т. п.

Биоэтический дискурс со свойственной ему инновационностью и парадоксальностью, новыми «этическими стандартами» типа «беременность напрокат», «либеральность убийства», «репродуктивный туризм» аккумулирует в себе подлинную междисциплинарность, стремительно внедряясь не только в различные науки, но и современную философию человека, в философскую антропологию. Обозначив медицинские возможности изменения телесной природы, современная биоэтика задает новые ракурсы исследования человека, расширяет границы философской рефлексии, инициирует дальнейший критический взгляд на инвариантность телесно-природной сущности челове-

ка. В таком ракурсе философия человека, обогащенная биоэтическими открытыми проблемами, приобретает практический характер, обеспечивая актуализацию фундаментальных философских представлений о сущности человека, познавательных способностях современной науки в исследовании человека, обосновании прогнозных альтернатив футурологического существования человека и человечества в их обращенности к реальной жизни [9, 52-54].

В результате происходит переосмысление и принципов классической европейской этики с ее утверждением самодостовренности существования человека, бинарными оппозициями «добро — зло», «должное — сущее», «хорошо — плохо» и т.п. Универсальные принципы и аксиологические критерии, линейные координаты и измерения, императивные правила и требования перестают определять характер принимаемых в современной биоэтике и медицине решений, требуя радикальной плюральности, нелинейной и гибкой аргументации, альтернативных подходов, учета конкретных практик жизненного мира и синергетической необратимости исходного морального выбора в биомедицинских исследованиях. Современная модель биомедицинской этики не абсолютизирует приоритеты врача, биолога или генетика, а ориентируется на *согласованность* и *сотрудничество* в обосновании прав и обязанностей обеих сторон, исходит из таких фундаментальных демократических ценностей, как *солидарность*, *соучастие*, *сострадание*, *коммуникалистские интересы* (Б. Дженнингс). Она, несомненно, является более адекватной характеру и уровню тех проблем, которые стоят перед биоэтикой и требуют своего разрешения (проблемы эвтаназии, трансплантации, новые репродуктивные технологии, генетические манипуляции и т.д.). Новая — *автономная модель* исходит из принципа автономии пациента. Здесь врач должен опираться на представления самого пациента о том, что является благом для него, а точнее — решать этот вопрос в *диалоге* с ним, не рассматривая собственные представления как единственно правильные. По-другому при этом решается и вопрос об *информировании* пациента. Если в патерналистской модели оно ставится в зависимость от доброй воли и желания врача, то в данном случае выступает как его *обязанность*. Получение информации становится *правом* пациента знать обо всех существующих способах лечения его заболевания и о риске, связанном с каждым из них. При этом право выбора и ответственность уже не сосредоточиваются всецело в руках врача, а распределяются между ним и пациентом [10, 32-37].

Молекулярная биология и генетика открыли большие возможности для манипуляций с генетическим фондом человека: стало возможным исправлять генетические дефекты или вводить новую генетическую инфор-

мацию в хромосомы человека. Многие из этих достижений направлены во благо человека. Но существует опасность и другого их использования.

Последние десятилетия XX в. ознаменовались бурным развитием молекулярной генетики, приведшим к появлению *генной инженерии*, на основе которой разрабатываются различного рода биотехнологии, создаются генетически модифицированные продукты. Появились возможности генной терапии некоторых заболеваний человека, его зародышевых и соматических клеток, получения идентичных генетических копий организма. Эти формы генетического вмешательства требуют оценки и обсуждения своих социально-экономических последствий, как в силу того, что вырабатываемые в ходе дискуссий решения воздействуют на направления проводимых исследований, так и с точки зрения формирования адекватной реакции общества на возможность и необходимость их использования. Сегодня уже очевидно, что генная и биотехнологии обладают огромным потенциалом и возможностями воздействия на человека и общество.

При разработке модели государственного регулирования безопасности генно-инженерной деятельности к ней предъявляются *следующие требования*:

Во-первых, она должна обеспечить безопасность человека и окружающей среды при осуществлении генно-инженерной деятельности и использовании ее результатов, одновременно создавая благоприятные условия для развития генетической инженерии как одного из приоритетных научных направлений.

Во-вторых, при формировании системы биобезопасности государство должно избегать существенного изменения действующего законодательства, создания новых государственных структур, которые лягут дополнительным бременем на республиканский бюджет и рядового налогоплательщика. Надо использовать уже существующие структуры, наделив их, если в этом есть необходимость, соответствующими полномочиями.

В-третьих, в новом законодательстве в области биобезопасности важно использовать нормы и процедуры, которые можно выполнить с минимальными затратами ресурсов и средств. Сами процедуры должны быть простыми и понятными для граждан.

В-четвертых, общество имеет право получать полную и достоверную информацию о результатах генно-инженерной деятельности и осуществлять общественный контроль. Поэтому в создаваемой системе биобезопасности должен быть предусмотрен механизм информирования и участия общественности в принятии решений в этой области [11, 136].

В контексте биоэтического дискурса актуализируются нравственные и правовые проблемы биобезопасности, обоснования механизмов безопасности как системы мер «по обеспечению безопасного создания, использования и транс-

граничного перемещения живых измененных организмов, являющихся результатом биотехнологии» [12].

Среди потенциальных рисков для здоровья человека, связанных с использованием генно-инженерных биотехнологий, рассматриваются, например, изменение активности отдельных генов живых организмов под влиянием вставки чужеродной ДНК, в результате которого может произойти ухудшение потребительских свойств продуктов питания, получаемых из этих организмов. В продуктах питания, полученных из генно-инженерных организмов, может быть повышенный по сравнению с реципиентными организмами уровень каких-либо токсичных, аллергенных веществ, который превышает установленные пределы безопасности. Опасения экологов вызывает высвобождение в окружающую среду трансгенных организмов, прежде всего сельскохозяйственных растений и животных, в геном которых привнесены чужеродные, не характерные для них гены микроорганизмов, вирусов, что может приводить к изменению естественных биоценозов в результате переноса трансгенов диким видам, появлению новых, более агрессивных патогенов, сорняков, поражению организмов, не являющихся мишенями трансгенных признаков, и др. К настоящему времени разработана эффективная система оценки безопасности ГИО для здоровья человека и окружающей среды. Она содержит целый ряд подходов и методов, применяемых, начиная с этапа планирования предполагаемой генетической модификации и заканчивая получением свидетельства о государственной регистрации трансгенного сорта, дающего право использовать ГИО в хозяйственной деятельности. В большинстве развитых стран мира принято и эффективно функционирует специальное законодательство, касающееся биобезопасности, а также созданы соответствующие компетентные органы, которые претворяют его в жизнь [11, 156].

Большинство из предложений по совершенствованию системы биобезопасности было разработано и закреплено в Законе Республики Беларусь «О безопасности генно-инженерной деятельности» [13], в котором впервые раскрыто содержание важнейших понятий в области генно-инженерной деятельности, которые имеют значение для правильного формирования и развития нормативно-правовой базы в этой области отношений. В законе однозначно закреплено, что его положения не распространяются на отношения, связанные с применением методов генетической инженерии к человеку, его органам и тканям, а также обращением с фармацевтическими препаратами, продовольственным сырьем и пищевыми продуктами, кормами для животных, полученными из генно-инженерных организмов или их компонентов. Они регулируются специальным законодательством о здравоохранении.

Закон устанавливает основы правового регулирования четырех групп общественных отношений, которые соответствуют главным направлениям генно-

инженерной деятельности, сложившимся в мировой практике: а) осуществление генно-инженерной деятельности в замкнутой системе, т.е. в научно-исследовательских лабораториях; б) высвобождение генно-инженерных организмов в окружающую среду для проведения испытаний, т.е. для оценки и отбора полезных и безопасных для человека улучшенных сортов растений и пород животных на специально обустроенных территориях; в) использование полученных результатов в хозяйственной деятельности; г) перемещение различных генно-инженерных организмов через границу Республики Беларусь, т.е. ввоз, вывоз и транзит, например, семян сельскохозяйственных культур, клубней картофеля и др. Закон не претендует на всеобъемлющее урегулирование этой сложной области общественных отношений.

Отмечая научные и экономические перспективы генной инженерии, необходимо иметь в виду и ее потенциальную угрозу для человека и человечества. Если все, что удастся сегодня генной инженерии с микроорганизмами и отдельными клетками, принципиально возможно сделать с человеческой яйцеклеткой, то становятся реальными: направленное изменение наследственного материала; идентичное воспроизведение генетически запрограммированной особи (клонирование); создание химер (человек-животное) из наследственного материала разных видов. Человек становится объектом генной технологии. При этом некоторые ученые считают, что их деятельность ни в чем не должна быть ограничена: все, что они хотят, они также и могут делать. Но если перестройка генома взрослого индивида по медицинским показаниям или по его желанию приемлема в этическом отношении, то совершенно иная ситуация возникает при изменении генома зародышевых клеток. Именно в области генетических исследований, генетического тестирования человека и манипуляций с его клетками возникает сегодня наибольшее количество «открытых» биоэтических проблем.

Этические проблемы генетических исследований регулируются *Всеобщей декларацией о геноме человека и правах человека*, принятой Генеральной конференцией ЮНЕСКО (1997). Достоинство этого документа — в сбалансированности между гарантиями соблюдения прав человека и необходимостью обеспечения свободы исследований. Кроме того, Декларация сопровождается резолюцией о ее осуществлении, в которой государства-члены обязуются принять соответствующие меры содействия реализации провозглашенных в ней принципов.

Генно-инженерные исследования к началу XXI в. все больше затрагивают интересы общества, а этические проблемы становятся важным компонентом научной деятельности ученых — биологов и медиков. Все больше ученых склоняются сегодня к мысли, что исследования в этом направлении следует продолжать, однако главной целью их должно быть не улучшение

природы человека, а лечение болезней. В *Декларации о геноме человека* записано: «Цель прикладного использования результатов научных исследований по геному человека, в том числе в области биологии, генетики и медицины, должна заключаться в уменьшении страданий людей и в улучшении состояния здоровья отдельного человека и всех людей».

Одним из наиболее проблематичных в этическом отношении является такое направление, как *клонирование*. Достигнут огромный прогресс в клонировании животных из соматических клеток. Правда, разработанные методы пока еще далеко несовершенны, в процессе экспериментов наблюдается высокая смертность плодов и новорожденных. Неясны многие теоретические вопросы клонирования. Тем не менее, достигнутые успехи показали теоретическую возможность создания генетических копий человека из его отдельной клетки. Многие ученые с энтузиазмом восприняли идею клонирования человека. В то же время в ст. 11 *Декларации о геноме человека* говорится, что не следует допускать практику, противоречащую достоинству человека, в частности практику клонирования в целях воспроизводства человеческой особи. Совет Европы в дополнении к *Европейской конвенции о правах человека и биомедицине* также подчеркнул: «Запретить всякое вмешательство, преследующее цель создать человеческую особь, идентичную другой — живой или мертвой».

Подобные нравственные и правовые проблемы возникают сегодня и в связи с глобальными *достижениями психиатрии, нейрохирургии и нейробиологии, благодаря проникновению науки в глубь психики и структуры сознания личности, в связи с возможностью вмешиваться в эту структуру и влиять на нее с помощью современных био-, фармо- и психотехнологий.*

Радикальные повороты постнеклассической науки, связанные с включением в ее арсенал идей глобального эволюционизма, синергетических принципов нелинейности, открытости, многовариантности, этических и аксиологических аргументов оказали сильнейшее влияние на теоретико-методологические исследования в области психики человека. Постнеклассический этап в развитии философии и методологии науки в целом, в том числе, в естествознании, психологии, медицине и других науках, наступивший в последней трети XX века, ознаменовался завершением методологического кризиса и осмыслением последствий революционных открытий в науке, повлекших за собой введение в философско-методологический дискурс инновационных подходов и концептов.

Философско-методологический анализ научных представлений о психике человека, постнеклассические методологические установки «высветили» роль самоорганизующихся структур психической системы (среды), позволив к 90-м годам XX века *исследовать психику как синергетический объ-*

ект, гиперсистему синергетического порядка с совокупностью фазовых состояний различных видов самоорганизующихся процессов. В основу исследования психики в синергетическом ракурсе были положены принципы сложности, системности и самоорганизации, а целостность психики выступила в системном описании ее множество измерений — информационных и энергетических, индивидуального прижизненного и трансличного коллективного бытия и становления, субстратных и процессуальных, соотносимых с уровнями живого, неживого и виртуального.

Сохранение целостности человеческой личности, психического и духовного равновесия в жестких социокультурных условиях и отлаженных манипуляционных механизмах социальной динамики XXI столетия становится одной из глобальных проблем философской и трансдисциплинарной рефлексии. Экология психики или экологопсихологического состояния человека, формирует сегодня социальный заказ на необходимость разработки концептуальной модели организации и поведения гиперсистемы психики человека и психомерных сред как основного фактора, влияющего на процесс становления и характер поведения личности, общества и цивилизации в третьем тысячелетии. Здесь не обойтись без междисциплинарного взаимодействия не только внутри гуманитарных или внутри естественных наук, но и диалога на «перекрестках» естественных и гуманитарных наук, медицины и техники, математики и кибернетики с учетом их инновационных знаний.

Синергетическая модель психики, экология психики радикально расширяют горизонты исследования тайн человеческой психики, взрывают традиционные интерпретации психики через призму «функционирования» сознания, «деятельностного подхода» (в рамках которого порою нивелируется специфика психической деятельности), выводят философско-методологическую рефлексию на решение не только чисто теоретических проблем исследования феномена психики, но и в область практической философии и методологии науки. Речь идет о решении проблемы социальной и интеллектуальной адаптации человека в быстроменяющемся мире, сохранении духовного баланса в мире социальных конфликтов, необходимости разработки принципов самоорганизации системы психической реальности. В контексте ноосферного мышления, принципа универсального эволюционизма, системно-синергетического и человекоразмерного подходов современной науки, психика рассматривается с позиций и организменно прижизненного уровня (уровня живого), соотносимого с периодом жизни человека-индивида, его социальной реализацией, функционированием его мозга и/или нервной системы, системы психической реальности, и с позиции надорганизменного уровня, когда мораль, нравственность, культура оказывающие влияние на психику человека выступают как результаты надорганизменной

эволюции, как процессы развития сложных систем (И. В. Ершова-Бабенко). В этом контексте понятен и предмет новой научной дисциплины — психосинергетики, в качестве которого выступает круг психомерных сред как открытых нелинейных самоорганизующихся систем, в формировании и существовании которых существенным фактором становится психика человека, ее состояние и структура, определяемые возрастом и скоростью составляющих ее субъединиц разного уровня, их отношениями, связями и др. Психомерная система, далекая от равновесия, теряет свою устойчивость, может переходить к одному из многих возможных состояний, причем никак не связываемых с логикой наличной ситуации, «здесь и теперь», а порою такой переход психомерной системы к соответствующему состоянию, хранящемуся в памяти, может осуществиться и в очень отдаленном во времени, пространстве и фазе истории существования данной психомерной системы, в отличие от других сложных систем. Когда психомерная система находится в крайне неравновесном состоянии, ее «судьбу» и «разрешимость» могут определять очень малые события (флуктуации), на которые обычно, т.е. в устойчивом состоянии, состоянии равновесия, эта система не реагирует. Следует иметь в виду, что крайне неравновесное состояние играет важнейшую роль в поведении психомерных сред [14, 460-490]. Экология психики в глобальном ее измерении, в отличие от общеэкологической, достаточно хорошо разработанной проблематики, требует для своего развития и изучения человеческой психики коммуникативного прорыва со стороны самых различных специалистов и ученых.

Синергетическая методология сегодня во многом определяет биомедицинский дискурс в методологическом осмыслении статуса и перспектив развития современной психиатрии. Отказ от жестких средств обоснования научного знания, учет различных, действующих на систему параметров и обращение к концепциям случайных, вероятностных процессов демонстрируют на современном этапе многие медицинские дисциплины. Кризис советской клинической психиатрии, как отмечают некоторые исследователи, во многом объясняется "пристрастием" к линейному принципу, согласно которому каждая (психическая) болезнь должна включать единые причины, проявления, течение, исход и анатомические изменения (т.е. одна причина дает одинаковый эффект). Такая "жесткость" в формулировке тезиса (постановке клинического диагноза), как свидетельствует современная медицина, ничем не оправдана, ибо нельзя не учитывать тот фактор, что как неповторимы физические и духовные свойства отдельных индивидов, так индивидуальны проявления и течение болезни у отдельных больных.

Аргументация на основе "непогрешимого", "объективного", "непредвзятого" клинического метода, изложения "без личного толкования" и нрав-

ственного измерения является несостоятельной не только с логической точки зрения, демонстрируя неадекватность претензий клинического метода на индуктивное выведение законов, ибо в данном случае, как справедливо указывает Н.А. Зорин, система постановки клинического диагноза представляет собой не что иное, как суждение по аналогии, или индуктивное доказательство, когда на основе повторяемости симптомов и синдромов конструируется представление о законе, (нозологической форме), но и в морально-психологическом плане, поскольку лечение адресуется не к личности, как декларируется клинической психиатрией, а к болезни, т.е. лечится "болезнь, а не больной".

Отход от однолинейности и жесткости, обращение к теориям случайных процессов, диссипативных структур, ориентация на личностно-моральные ориентиры, приведет, как считают некоторые специалисты, к обновлению психиатрии, ибо понятие болезни будет вероятностным, а ее возникновение в ряде случаев — принципиально непредсказуемым. В психиатрии появится свобода воли в ее термодинамическом выражении, что повлечет за собой и изменение суждения о "норме" и болезни, к размыванию "границы" между нормой и болезнью широким спектром адаптационных реакций, а суждение о "нормальном" будет изменяться вместе с обществом и в зависимости от модели медицины.

Осознание чрезвычайной сложности и целостности объекта исследования ставит современную психиатрию перед необходимостью включения в ее аргументационную систему описаний различного уровня (биохимического, поведенческого, социального), подобно принципу дополнительности Н. Бора, гибкости и многовариантности в постановке диагноза болезни, ориентации на конкретного человека, во имя фундаментального принципа медицины — "лечить не болезнь, а больного" и избежания этических "перекосов" (гипердиагностики и наоборот, презумпции болезни и т.п.).

Современный уровень исследований в медицине не может ограничиваться лишь аналитическим изучением отдельного явления без учета взаимосвязи с более сложной динамической системой. Целостный подход предполагает понимание болезни как внутренне динамичной системы, функционирование которой определяется широким диапазоном факторов — от генетических до социальных. Важным является учет всех свойств живого организма как при медико-биологических исследованиях, так и в условиях лечения.

Синергетический и экзистенциальный характер биомедицинских проблем требует учета в их решении этических ценностей и моральных норм, вносящих дополнительное измерение к истинности и достоверности предмета исследования, ибо жизнь, жизненное, соотнесенное с конкретным носителем этого качества — это не только выживание, но и проживание и пережи-

вание, указывающие на различные и наиболее очевидные модусы состояния жизни. Отсюда введенные исследователями концепты «биологос», «биорациональность», которые выступают как средства представления того, что вкладывается в понимание жизненного, жизнь, когда *жизнь, «сама по себе», присутствующая в биологии (био-) как некая непредставимая предпосылка, как выживание, дополняется новым качеством при ее соотнесенности с конкретным носителем жизни в ее различных модусах и состояниях, проживаниях и переживаниях.* Многомерность и неоднозначность трактовки жизни (биологоса) обусловлена не только ее особым неповторимым индивидуальным опытом, но и спецификой применяемых теоретико-методологических средств, включающих в себя теоретические реконструкции в конкретно-дисциплинарном ракурсе, дополненные историческим описанием необратимо случившегося и морально-нравственными регулятивами и оценками биомедицинского эксперимента и опыта [15, 30-32].

Увеличение возможностей вмешательства в заданные природой условия и границы человеческой жизни, укоренение в реальной медицинской практике реанимации и поддержки человеческой жизни, искусственной беременности, трансплантации органов и тканей человека, медиализация образа современной жизни высвечивает перед медиками, пациентами, их родственниками ранее не существующие проблемы, касающиеся как подлинного блага больного, т.е. этики, так и вопросы справедливого, должного отношения к другому. Формирующаяся при этом патнерская модель отношения врача и пациента предполагает наличие механизмов социального консесуса, публичных институтов выработки адекватных решений посредством этических комиссий, комитетов, формирования рациональных принципов биомедицинской этики, ее институционализации.

С методологической точки зрения в биоэтике наблюдается интересный феномен, связанный, с одной стороны, с наличием преемственности в плане обращения к рациональным процедурам обоснования моделей социального консесуса, благодаря публичным институтам выработки решений, онтологическим основаниям и постулатам определенной картины мира (подобно публичной рациональности и этике в античности), с другой стороны, открытость, проблематичность парадоксальность решаемых в биоэтике и медицине вопросов требует сегодня «прояснения» ее онтологических оснований, учитывая существование плюральных образов и картин мира, систем ценностей, культурно-исторической специфики. *Одной из важнейших задач современной методологической рефлексии в области биоэтического дискурса и является обоснование принципов достижения рационального согласия по морально-этическим открытым вопросам в условиях проблематичности, неопределенности и многообразия онтологических оснований.* В качестве обос-

новывающейся мысли здесь не обойтись без принципа открытости к радикально иному, вне диалога отдельных культур и ценностей, согласования этического и прагматического, разумного сочетания экономики выживания, ориентированной на природные потребности человека и экономики желания, расширяющей возможности человека в плане изменения природы, технологического преодоления любых ее ограничений, этического обоснования и преодоления абсолютизации любого иного, интерпретации его как идеального и всеобщего, согласования истолкований выбираемой позиции с обращенностью этической рациональности к иному и иного к разумному пониманию культурно-исторической обусловленности онтологических оснований принимаемых биомедицинских решений [16, 87-88].

Биэтический дискурс взаимодействует и с либеральной идеологией, включая в себя такие ее ценности, как автономия личности, свободу выбора, информированное согласие. На уровне же правового сознания в результате таких трансформаций осуществляется либерализация юридических норм, о чем свидетельствует, например, принятие новой редакции Закона РБ «О трансплантации органов и тканей человека» (принят 9 января 2007 г.), где по сравнению с ранее действующим законом (от 4 марта 1997 г.) сформулированы следующие уточнения: даны определения отсутствующих ранее терминов (забор органов и (или) тканей человека, живой донор, трупный донор, смерть); внесено положение о приоритете Конституции Республики Беларусь; уточнены аспекты международного сотрудничества; более четко определены условия и порядок выполнения трансплантации органов и тканей; в соответствии с действующим законодательством определены организации, занимающиеся трансплантацией органов и тканей; установлены ранее отсутствовавшие четкие ограничения, связанные с забором органов для трансплантации у живого донора; уточнены условия забора органов для трансплантации; определены права и обязанности живого донора; внесены значительные изменения в статью 11 об условиях забора органов у трупного донора, исключающие неопределенное толкование отдельных положений статьи и основополагающего принципа презумпции согласия; уточнены положения о согласии реципиента на трансплантацию; определена ответственность за нарушение законодательства Республики Беларусь о трансплантологии.

Легализация эвтаназии в ряде стран также свидетельствует о либерализации юридических норм под воздействием происходящих в современной медицине и культуре процессов [17, 95-96]. Взаимопроникновение философских, медицинских, правовых и этических подходов осуществляется в процессе диалога и полемики, при учете социокультурных, религиозных и других факторов, влияющих на принятие решений в конкретных ситуациях, не

претендуя на статус универсальных общеобязательных норм, что и специфицирует становление биоэтики как междисциплинарной науки.

Фундаментальные тенденции развития методологии, теории и методики биомедицинских исследований с участием человека, их институционализация, поиск механизмов внедрения качественной этической практики, а также путей сотрудничества Комитетов по этике с регуляторными органами, исследователями, спонсорами и пациентами при проведении биомедицинских исследований являются чрезвычайно актуальными для Республики Беларусь. Среди них выделяются *этико-правовые параметры, теоретико-методологические основания и деонтологические аспекты*.

Государственную политику в области охраны здоровья населения, правовые, экономические и этические основы проведения клинических, медико-биологических и генетических исследований на человеке, а также права и обязанности пациента определяет, прежде всего, *Закон Республики Беларусь о здравоохранении*. Согласно ст.31., клинические и методико-биологические исследования на человеке могут проводиться с лечебной целью в государственных организациях здравоохранения при подтверждении их научной обоснованности только с письменного добровольного согласия лица, подвергаемого исследованию, ознакомленного с их целями, продолжительностью, ожидаемыми результатами и возможными последствиями для его здоровья. Таким образом, в данном Законе юридически закреплена современная *модель автономии пациента*, базирующаяся на *принципе информированного согласия*.

Созданные в Республике Беларусь при лечебно-профилактических учреждениях и медицинских университетах Комитеты по этике, а также Национальный комитет по биоэтике (апрель, 2006) руководствуются при проведении биомедицинских и генетических исследований вышеуказанными нормами, а также нормами международного права, в частности, *Хельсинской Декларации* (1964), *Женевской* (1993), *Лиссабонской* (1981) и др.

Права, безопасность и здоровье испытуемых являются предметом первостепенной важности и должны превалировать над интересами науки и общества. Для защиты интересов испытуемых предусмотрено рассмотрение Комитетом по этике вопросов, касающихся информации, предоставляемой испытуемым, квалификации исследователей, выбора испытуемых, расписания мониторинга исследования, конфиденциальности информации.

Таким образом, в современных биомедицинских, генетических и философских исследованиях человека осуществляются нравственно-аксиологические повороты, происходит реальный диалог современного социально-гуманитарного, философского и биомедицинского знания, направленный на включение в арсенал науки о человеке идеалов гуманизма, нравственно-

сти, справедливости, принципов и постулатов междисциплинарной синергетической методологии.

Литература:

1. См. подробнее: Степин, В.С. Философия науки. Общие проблемы. / В.С. Степин. — М., 2006.; Горохов, В.Г. Междисциплинарные исследования научно-технического развития и инновационная политика / В.Г. Горохов // Вопросы философии. 2006. №4. с. 80-96.

2. См. подробнее: Буданов, В.Г. Синергетическая методология / В.Г. Буданов // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 79-94; Аршинов, В.Н. Синергетика как инструмент формирования новой картины мира / В.Н. Аршинов, В.Г. Буданов // Человек, наука, цивилизация: к 70-летию акад. В.С. Степина / Отв. ред. И.Т. Касавин. — М., 2004. С. 428-463; Буданов, В.Г. Синергетика коммуникативных сценариев / В.Г. Буданов // Синергетическая парадигма: Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания / Отв. ред. Л.П. Киященко, П.Д. Тищенко.—М., 2004.— С. 444-461; Буданов, В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке: принципы и перспективы / В.Г. Буданов // Постнеклассика: философия, наука, культура. Отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. — СПб. 2009. — С. 361-396.)

3. Ласло, Э. Основания трансдисциплинарной единой теории / Э. Ласло. Пер. Ю.А. Данилова // Синергетическая парадигма: Многообразие поисков и подходов. — М., 2000. С. 326-333.

4. Степин В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В.С. Степин // Вопросы философии. 1989. №10.

5. Апресян Р.Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации)//Вопросы философии. №5. 2006. с. 14.

6. Степин В.С. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия. Постнеклассика: философия, наука, культура. Отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. — СПб. 2009.

7. Юдин, Б.Г. Чтоб сказку сделать былью? (Конструирование человека) / Б.Г. Юдин. // Биоэтика и гуманитарная экспертиза: проблемы геномики, психологии и виртуалистики. М., 2008.

8. Биоэтика. Вопросы и ответы. Под ред. Б.Г. Юдина, П.Д. Тищенко. Прогресс-Традиция. М., 2005.

9. Йонас, Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. / Г. Йонас. — М., 2004.

10. Основы биоэтики: учеб. пособие / Я.С. Яскевич [и др.]; под ред. Я.С. Яскевич, С.Д. Денисова — Минск: Вышш.шк., 2009.

11. Биотехнология. Биобезопасность. Биоэтика / Под ред. А.П. Ермишина. Минск, 2005.

12. Международная конференция о сохранении биологического разнообразия (Рио-де-Жанейро, 05.06.1992 г.)//Экоинформ. 1995. №8. с. 32.
13. Закон Республики Беларусь от 9 января 2006 «О безопасности генно-инженерной деятельности// Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2006, № 9, 2/1193.
14. Ершова-Бабенко И.В. Место психосинергетики в постнеклассике// Постнеклассика: философия, наука, культура. Отв. Ред. Л.П. Киященко, В.С. Степин. СПб., 2009.
15. Киященко, Л.П. Биологос: динамика хронотопа / Л.П. Киященко // Филос. науки. 2009. №1.
16. Шеманов, А.Ю. Медикализация жизни и генезис этического сознания / А.Ю. Шеманов // Философские науки, 2009. №1.
17. Гребенщикова, Е.Г. Биоэтика — вариант «постэтики» / Е.Г. Гребенщикова // Философские науки, 2009. №1.

Новая дефиниция смерти (смерть мозга) в научном и философском дискурсе³⁹

В 1959 г. французские неврологи Р. Mollaret и М. Goulon из госпиталя Claude Bernard впервые описали состояние 23 коматозных больных, подключенных к аппарату ИВЛ (искусственной вентиляции легких), находящихся в глубокой коме, у которых со всей очевидностью не функционировал головной мозг: сознание, собственное дыхание, рефлексы с уровня ствола мозга отсутствовали (зрачки расширены, сердечно-сосудистый коллапс), на энцефалограмме — изолиния. Для обозначения этого состояния они предложили термин *coma dépassé* (*запредельная кома*.)

Первые годы запредельная кома была в основном клинической (диагностической, прогностической) проблемой в рамках неврологии, интенсивной терапии. В 1959 г. Н. Fischgold и F. Mathis предположили, что гибель мозга у коматозных больных с отсутствующим дыханием можно установить на основании регистрации отсутствия электрической активности коры. В исследовании этих авторов было показано, что электроэнцефалограмма (ЭЭГ) таких больных по мере приближения к смерти превращалась в изолинию. В 1959 г. Р. Wertheimer и соавт. при описании запредельной комы отмечали отсутствие мозгового кровообращения у таких больных. В 1963 г. R.S. Schwab, F. Potts и А. Bonnasi придавали в диагностике смерти мозга решающее значение ЭЭГ. W. Toennis и R.A. Frowein установили в 1963 г., что полная остановка кровообращения в головном мозгу может привести к смерти мозга. В 1967 г. Ingvar и Widen опубликовали статью «Смерть мозга — смерть человека», подчеркивая в развитии тотальной ишемии мозга решающую роль прекращения мозгового кровотока (15, с. 230, 231, 234, 236).

В конце 60-х годов, по мере того как в научном медицинском сообществе все больше утверждалась идея отождествления нозологического диагноза смерти мозга и смерти человеческого индивида, в повестке дня исследовательской медицины решающее значение приобрела проблема *комплекса критериев смерти мозга*. Для регистрации смерти мозга была принята триада наиболее важных признаков: отсутствие собственного дыхания, широкие не реагирующие на свет зрачки и плоская ЭЭГ (11, с. 159).

В 1968 г. Гарвардский медицинский факультет создает Специальную комиссию, целью которой стало комплексное исследование медицинских, правовых и философских аспектов проблемы смерти мозга (Ad Hoc Committee of the Harvard Medical School to Examine the Definition of Brain

³⁹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 10-03-0086а/Б.

Death). Диагноз смерти мозга стал внедряться в клиническую практику именно с 1968 г., после публикации Доклада Гарвардского медицинского факультета (18). В Докладе Комиссии были сформулированы перепроверенные и уточненные принципы диагностики смерти мозга (ареактивная кома, апноэ, отсутствие цефалических рефлексов, изоэлектрическая ЭЭГ и т.д.). Все эти условия должны сохраняться неизменными 24 часа. Особое внимание обращалось на клинические состояния, которые могли имитировать смерть мозга: отравление лекарственными средствами (например, барбитуратами) или гипотермия (18).

В том же 1968 г. **Совет международных медицинских научных обществ ВОЗ** (The Council for International Organizations of Medical Sciences WHO) в основном подтвердил те же клинические критерии смерти мозга, но при этом подчеркнул, что *данные критерии не применимы: а) в случаях отравлений или переохлаждения; б) к маленьким детям* (15, с. 230).

Уже на этом, раннем, этапе определения надежных критериев смерти мозга обнаружились напряженные научные противоречия, например, при оценке роли метода электроэнцефалографии. Большие надежды, возлагавшиеся некоторыми авторами на этот метод исследования, определялись, во-первых, тем, что он позволяет получить объективную информацию об активности нейронов, а во-вторых, его неинвазивностью. Характерная ЭЭГ при смерти мозга, имеющая вид прямой линии, получила различные названия: *ЭЭГ-плато; изоэлектрическая, нулевая ЭЭГ; отсутствие биологической активности; отсутствие биоэлектрической активности мозга; электрическое молчание мозга (ЭММ)* и др. Применение данного метода требовало строго определенных условий и специалистов, хорошо подготовленных к работе с коматозными больными (отметим хотя бы требование экранирования больничной палаты — исключения побочного воздействия многочисленных работающих электроприборов). В процессе формирования объективной оценки роли метода ЭЭГ в диагностике смерти мозга характерна динамика: к концу 70-х гг. этот метод из абсолютно достоверных перешел в разряд полезных (15, с. 115-120).

В 1968 г. Всемирная медицинская ассоциация (ВМА) приняла **«Сиднейскую декларацию относительно констатации факта смерти»**, в которой проблема новой дефиниции смерти (как смерти мозга) решается преимущественно в социальном, философском и этическом плане. Первая редакция данной Декларации была принята на 22-й Всемирной Медицинской Ассамблее ВМА в г. Сиднее в 1968 г. Декларация была дополнена на 35-й Всемирной Медицинской Ассамблее ВМА в г. Венеции в 1983 г.. Здесь отмечается, что констатация смерти человека, как правило, есть юридическая обязанность врача. В свете современной реаниматологии смерть — это посте-

пенный процесс на клеточном уровне, причем устойчивость разных тканей к кислородному голоданию различна. Этическим долгом врача является не забота о сохранении жизнедеятельности клеток и тканей, но забота о сохранении жизни человека. Если *организм человека (как целое) необратимо поврежден*, такое клиническое состояние можно считать смертью человека (составители Декларации не употребляют термина «смерть мозга»). При сегодняшнем уровне развития медицины ни один технический тест сам по себе не может быть свидетельствовать об означенном факте необратимости умирания. Характерно, что в редакции 1968 г. в качестве подтверждающего технического теста подчеркивалась особая роль ЭЭГ, а в редакции 1983 г. этот момент исключен. На основании заключения о смерти мозга этически оправданно прекращение реанимации и, если это допускает законодательство, использование органов умершего для трансплантации. Врачи, констатирующие смерть, ни в коем случае не должны иметь отношения к выполнению трансплантации (2, с. 22-23).

В 1970 г. Национальный институт неврологии США (National Institute Disease and Stroke) начинает **The Collaborative Study** — многолетнее кооперативное исследование в 9 больницах судьбы больных старше 1 года в коматозном состоянии с апноэ длительностью минимум 15 мин. Если в больницу поступал такой пациент (или такое состояние развивалось в больнице), то его обследовал врач-специалист, ответственный за проведение программы исследования — в целом была обобщена судьба 503 больных, 459 из которых умерли. В первой группе больных, у которых в течение 24 часов регистрировалось электрическое молчание мозга (ЭММ), лечащему врачу предоставлялось право прекращать реанимацию (но он мог продолжать наблюдение с ежедневным неврологическим обследованием до остановки сердца). Во второй группе больных, у которых в течение 24 часов не регистрировалось ЭММ, больному проводились ежедневно клиническое и электроэнцефалографическое исследования в течение 3 дней, а затем дважды в неделю, пока не наступало улучшение или, наоборот, не возникали признаки ЭММ (и они переводились в первую группу) или не останавливалось сердце. Важно подчеркнуть, что методология исследования исключала какие-либо препятствия всем необходимым мероприятиям по лечению и уходу, а также реализации права человека на достойную смерть.

На основании этих исследований были разработаны *общие принципы* определения смерти мозга. Действие научной программы в отношении вновь поступивших больных начиналось только через 6 часов, т.е. после проведения всего комплекса лечебных мероприятий. Далее на фоне стабилизации гемодинамических показателей и нормальной температуры состояние больного в течение получаса оценивалось на основании стандартных критериев:

основное требование — выполнение всех показанных назначений и терапевтических процедур; кома с ареактивностью мозга; апноэ; изоэлектрическая ЭЭГ; сохранность вышеуказанных признаков от 30 мин. до 1 ч. и в течение 6 ч. после возникновения коматозного состояния и остановки дыхания. Если какой-то из этих признаков вызывал сомнение, диагноз должен был подтвержден каким-либо методом, свидетельствующим об отсутствии мозгового кровотока в течение 30 мин. (9, с.462; 15, с. 245-246).

Стандартные критерии смерти мозга, признанные научно-медицинским сообществом на рубеже 60-70-х годов, все-таки варьировались в рекомендациях отдельных исследовательских групп или клиник, причем разночтения среди ученых прежде всего касались периода обязательного сохранения всего комплекса признаков смерти мозга у таких больных (от 1 до 24 или даже 72 часов), а также применения у них аппаратных методов тестирования.

Рекомендации Международной Федерации электроэнцефалографии и клинической нейрофизиологии (International Federation of Societies for Electroencephalography and Clinical Neurophysiology). В 1975 г. Комитет по установлению прекращения функций мозга (смерти мозга) Федерации отметил: под смертью мозга подразумевается утрата функций всех внутречерепных структур, расположенных над большим затылочным отверстием. Комитет рекомендовал такой алгоритм установления диагноза смерти мозга: спустя 12 часов после установления всего комплекса клинических признаков смерти мозга необходима регистрация ЭММ (в строгом соответствии с рекомендациями Committee on Standards of Clinical Practice of EEG and EMG); в случаях невозможности проведения ЭЭГ смерть больного констатируется, если все клинические проявления наблюдаются в течение 3 суток или в течение 30 минут констатируется прекращение мозгового кровотока. Эксперты Международной Федерации электроэнцефалографии и клинической нейрофизиологии подчеркивали в 1975 г., что *критерии смерти мозга для детей в возрасте до 1 года не установлены* (15 с. 253, 281).

Рекомендации Президентской комиссии по биоэтике (США). В 70-е годы врачебное и юридическое сообщества, а также широкая общественность США в основном приняли новую концепцию смерти. Созданная в 1981 г. Президентская комиссия по биоэтике (в состав которой входили не только врачи и ученые, но и гуманитарии — философы, юристы и т.д.), всесторонне обсудив проблему смерти мозга, отметила, что в подавляющем большинстве случаев констатация смерти человека по-прежнему осуществляется традиционным способом, однако в случаях искусственного поддержания витальных функций организма факт смерти устанавливается на основании прямой оценки функций головного мозга. После необратимой утраты всех функций всего мозга (включая ствол) человек считается умершим. Факт утраты функций

считается установленным, если при обследовании обнаруживается: отсутствие функций полушарий головного мозга; отсутствие функций ствола мозга. Необратимость утраты функций мозга признается, если при обследовании обнаруживается: а) причина комы известна и достаточна для прекращения функций мозга; б) исключена возможность восстановления каких-либо функций мозга; в) утрата всех функций мозга регистрируется в течение соответствующего периода наблюдения или в процессе лечения. Если утрата всех функций мозга подтверждена электрическим молчанием мозга или прекращением мозгового кровообращения, то достаточный срок наблюдения для постановки обоснованного диагноза смерти мозга — 6 часов. При отсутствии возможности проведения ЭЭГ или ангиографии клиническое наблюдение должно быть минимум 12 часов. Лица, подвергшиеся гипотермии, а также с клиническими признаками лекарственных отравлений, метаболических расстройств или шока, а также *дети требуют особого наблюдения* (19).

В 1981 г. Р. М. Black и N.T. Cervas разослали 200 случайно выбранным американским нейрохирургам и 100 неврологам анкету относительно установления диагноза смерти мозга и получили ответ 112 специалистов. 94% из них считали оправданной констатацию смерти на основании диагноза смерти мозга, однако менее 50% считали целесообразным принятие рекомендаций для всей страны по установлению такого диагноза и 47 % согласились бы продолжать реанимацию больного с погибшим мозгом, если бы этого пожелали его родственники. Для подтверждения диагноза смерти мозга в 65% применялась ЭЭГ, и только в 6% — ангиография. В США юридическое регулирование практики установления диагноза смерти мозга является прерогативой штатов. В середине 80-х годов концепция смерти мозга была юридически принята только в 27 штатах, многие американские врачи во избежание судебных разбирательств продолжали проведение искусственной вентиляции трупам в ожидании остановки сердца (15, с. 250-251, 256).

В других странах принятие новой концепции смерти как смерти мозга тоже происходит примерно в эти же годы. В **Великобритании** (1976 и 1983 гг.) смерть мозга отождествляется с *утратой функций ствола мозга*, причем понятие «смерть мозга» означает не поддающиеся лечению *структурные поражения мозга*. В **Японии** в 1984 г. на материале в 718 случаев больных с погибшим мозгом были разработаны критерии смерти мозга, *включая детей старше 6 лет*. В **ФРГ** свод правил установления диагноза смерти мозга разработан в 1982 г., этот диагноз означает необратимую утрату функций и полушарий и ствола мозга. Диагноз может быть поставлен на основании только клинических данных. У детей до 2 лет длительность наблюдения при первичном поражении мозга должна составлять 24 часа, при этом для подтверждения диагноза дважды регистрируется электроэнцефалография.

В **Швеции** был создан правительством в 1982 г. Комитет по определению смерти, который в 1984 г. опубликовал Итоговый доклад, в котором, в частности, говорится: «Наступление смерти можно установить ... путем использования критериев, прямо указывающих на полную и необратимую утрату всех функций головного мозга» (15, с. 256-258). В **Польше** обращает на себя внимание то, что новая концепция смерти как смерть мозга была признана в 1990 г. только с достижением междисциплинарного консенсуса — как Позиция Всепольских групп специалистов в областях анестезиологии, интенсивной терапии, неврологии, нейрохирургии и судебной медицины (1, с. 23). В **России** (о чем мы подробно писали ранее — [5]) новая дефиниция смерти была узаконена в 1985 г., однако по сей день «Инструкция о констатации смерти на основании диагноза смерти мозга» не распространяется на несовершеннолетних (до 18 лет).

Изложив кратко историю научного исследования проблемы смерти мозга, сосредоточимся далее на методологической стороне дела, а именно на вопросе строгой дефиниции смерти мозга.

Как уже говорилось выше, французские неврологи P. Mollaret и M. Goulon, впервые описавшие клинический статус смерти мозга, предложили термин *cota dépassé* (*запредельная кома*). Прежде чем для обозначения данного клинического состояния закрепилось обозначение «смерть мозга», другие авторы предлагали другие термины: «острая анэнцефалия» (J. Warter и соавт., 1962), «деанимация» (W. Kramer, 1963), «искусственно продолженная агония» (F. Morl, 1967), «редуцированная жизнь» (J. Gerlach, 1968), «тотальный инфаркт мозга» (H. Schneider и соавт., 1969), «респираторный мозг» (W.F. McCormic, N.S. Halmi, 1970), «неоморт» (W. Gaylin, 1974), «прижизненная смерть мозга» и т.д. Термин «смерть мозга» стали использовать авторы: J. Gerlach (1969), H. Schneider (1970), В.А. Неговский, А.М. Гурвич (1977) (приводится по: 8, с. 149; 15, с. 226). Характерно, что в первой отечественной клинической работе, посвященной смерти мозга, профессор Л.М. Попова в 1976 г. использует термин P. Mollaret и M. Goulon «запредельная кома» (10), а в своей монографии «Нейрореаниматология» отдельную главу называет «Смерть мозга (*запредельная кома*)» (11, с. 155). В другой фундаментальной отечественной работе Н.К. Пермякова, А.В. Хучуа и В.А. Туманского «Постреанимационная энцефалопатия» глава, посвященная смерти мозга, называется «*Изолированный тотальный некроз головного мозга*» (8, с. 149).

С нашей точки зрения, все приведенные термины по-своему «научно легитимны», поскольку сформулированы в соответствии с клинической парадигмой: то фиксируется патогномичный симптом «апноэ» (отсутствие самостоятельного дыхания), то подчеркивается уникальность клинической

ситуации — абсолютная безуспешность реанимации (де-анимация), то подчеркивается расщепление классического клинического критерия смерти, когда в организме одновременно присутствует спонтанная деятельность сердца, но необратимо отсутствует самостоятельное дыхание (диссоциированная смерть) и т.д.

Вообще, развитие реаниматологии с самого начала сопровождается какой-то особой неопределенностью, неясностью используемых здесь базовых категорий. Эта неопределенность и неясность обнаружилась, например, при переводе с русского на немецкий язык такого термина как «клиническая смерть» (который, как известно, наряду с термином «биологическая смерть», ввел в научный оборот В.А. Неговский). Термин «клиническая смерть» был переведен по-немецки как «видимая (а точнее — кажущаяся, мнимая) смерть» (Scheintod).

А.П. Зильбер вообще предлагает отказаться от терминов «клиническая смерть» и «биологическая смерть»: «...слова *клинический*, *клиника* относятся к жизни, а к смерти относятся слова *морг*, *прозекторская* ... поэтому *клиническая смерть* — мало совместимые слова ... Вероятно, сегодня следует от него (термина *клиническая смерть* — А.И..) отказаться и заменить принятым во всем мире термином *остановка сердца и дыхания*. Этот термин не противоречит понятию *жизнь* ... При использовании же термина *клиническая смерть* мы не можем обойтись без дополнительного понятия *биологическая смерть*, применение которого столь же противоречиво, как и термина *клиническая смерть* ... в различных тканях, органах жизнедеятельность прекращается не одновременно — и в функциональном, и в морфологическом отношении; следовательно, термин *биологическая смерть* также требует дополнительных разъяснений» (4, с. 112-113, курсив А.П. Зильбера).

В формально-логическом плане приведенная позиция А.П. Зильбера не вызывает никаких возражений, однако, с нашей точки зрения, подлинный смысл понятий «клиническая смерть», «биологическая смерть», «смерть мозга» не исчерпывается их формально-логическим анализом, но требует междисциплинарной экспертизы.

Суть дела здесь, конечно, в ключевом понятии «смерть». В сознании современного человека смысл понятия «смерть» как бы многосоставной: наряду с научно-медицинским содержанием (включающем достоверные эмпирические данные и непротиворечивые теоретические интерпретации, объяснения сущности предмета) в нем всегда будут представлены философские или теологические концепты и в конечном счете оказывается «зашифрован» определенный социокультурный контекст. Выражаясь лапидарно, можно сказать: смерть — это то, что считается таковой в данной культуре.

Конечно же, прав Г.К. Бичер — заведующий кафедрой анестезиологии Гарвардского университета, руководитель научного проекта по созданию «Гарвардских критериев» смерти мозга (1968): можно дать научное и теологическое определение смерти, но невозможно дать юридическое (см.: 4, с.113). Приведем далее свидетельство американского философа Д. Уиклера — авторитетного члена Президентской комиссии по биоэтике, рассматривавшей проблему смерти мозга в 1981 г. (прежде всего ввиду весьма разных подходов к ее решению не только в отдельных штатах, но и в разных клиниках, госпиталях): «Мир клинической медицины и закона нуждается в какой-то дефиниции смерти, и, своим путем, будет развивать ее. Что такое смерть *на самом деле* ... (по стандартам профессиональных философов) будет оставаться эзотерическим пониманием» (14, с. 187).

Кому-то это суждение специалиста в области философии и биоэтики покажется излишне скептическим, однако его резонность оправдывается хотя бы следующим кардинальным отличием философского знания от знания в современном естествознании. Философские истины принципиально плюралистичны, что такое жизнь и смерть совершенно по-разному объясняют Демокрит и Гегель (V в. до н.э. и начало XIX в.), Энгельс и Шелер (вторая половина XIX в. и первая половина XX в.).

С нашей точки зрения, обсуждение и решение проблемы дефиниции смерти мозга требует прояснения, анализа следующих принципиальных вопросов.

Наиболее употребляемый сегодня термин «смерть мозга» на русском языке более точно означает *гибель головного мозга* — таким образом мы хотя бы сколько-то уменьшаем «груз лингвистических коннотаций» в слове «смерть». Этот момент прежде всего подчеркивают многие авторитетные отечественные авторы, например, А.П. Зильбер (1998): суть состояния смерти мозга «состоит в сохранении спонтанных сердцебиений и кровообращения на фоне искусственной вентиляции легких, инфузионной и медикаментозной терапии при *полной и необратимой гибели головного мозга*» (4, с. 137, курсив наш — А.И.). По поводу первоначального термина Р. Mollare и М. Goulon Л.М. Попова пишет: «Запредельная кома — понятие условное. Оно не является новым видом комы или следующей стадией ее, поскольку уже произошла *тотальная гибель мозга* и фактически человек умер» (11, с. 155, курсив наш — А.И.).

подавляющее большинство сторонников отождествления диагноза смерти мозга и смерти человеческого индивида убеждены, что у больного с таким диагнозом головной мозг как структура разрушен. Совершенно четко такая направленность мысли прослеживается у Л.М. Поповой, что для нас особенно важно, поскольку речь идет о позиции клинициста, принимавшего

окончательное решение: этот человек *еще* жив или *уже* мертв. В своей статье «Смерть мозга» в Большой медицинской энциклопедии (1985 г.) проф. Л.М. Попова писала: «Смерть мозга — патологическое состояние, связанное с *тотальным некрозом головного мозга*, а также первых сегментов спинного мозга, при сохранной сердечной деятельности и газообмене, обеспеченном с помощью непрерывной искусственной вентиляции легких ... Достоверным морфологическим признаком смерти мозга является некроз полушарий головного мозга, мозжечка, мозгового ствола, первого и второго шейных сегментов спинного мозга, не сопровождающийся глиальной реакцией и завершающийся *лизисом ткани мозга*» (12, с.453, курсив наш: *А.И.*).

В своей монографии «Постреанимационная энцефалопатия» (1985 г.) патологоанатомы Н.К. Пермяков, А.В. Хучуа и В.А. Туманский главу, посвященную смерти мозга, подчеркивая морфологический критерий разрушения мозга, называют «Изолированный тотальный некроз головного мозга» (8, с.149-174). Вероятно, наиболее категорично такую позицию выразил клиницист и философ А.П. Зильбер: «На фоне искусственной вентиляции легких, медикаментозной, инфузионной терапии и коррекции метаболизма жизнедеятельность остальных органов продолжается, но головной мозг некротизируется, и следовательно последующая *жизнь* не является существованием живого человека, а представляет собою лишь форму существования белковых тел» (4, с. 138-139, курсив А.П. Зильбера).

В то же время большинство дефиниций клинического состояния (синдрома) смерти мозга определяют у таких больных *необратимое отсутствие всех функций головного мозга*. Например, в авторитетном американском руководстве «Клиническая анестезиология» (2004 г.) говорится: «Смерть мозга — это необратимое прекращение всех функций мозга; в некоторых случаях необходимо подтвердить смерть ствола мозга ...» (7, с. 248). Особенно важны такие дефиниции в нормативных (этических и юридических) документах. Ныне действующая отечественная Инструкция по констатации смерти на основании диагноза смерти мозга (2001 г.) дает такое определение: «Смерть мозга наступает при полном и необратимом прекращении всех функций головного мозга, регистрируемом при работающем сердце и искусственной вентиляции легких». По сути, такая же дефиниция в нормативном акте «Критерии смерти мозга и возможности взятия органов трупа для трансплантации в Нью-Йоркском госпитале»: «Смерть мозга означает необратимую утрату жизненно важных функций мозга» (Цит. по: 9, с. 463).

В своей монографии «Смерть мозга» А.Э. Уолкер выделяет специальный раздел : «Смерть — утрата функций мозга или разрушение его структуры?». Здесь он, в частности, приводит следующее категорическое мнение Р.Н. Вурне и соавторов, опубликованное в 1979 г. в JAMA (излагая это мне-

ние своими словами): «... утрата функций и разрушение обеспечивающих ее структур — понятия неравнозначные ... Более того, они считают, что и необратимая утрата функций мозга не тождественна его разрушению, т.е. истинной смерти мозга ... До тех пор, пока речь идет лишь о необратимой утрате функций, а не о полном анатомическом разрушении структуры, человека следует считать живым» (15, с. 223-224). Важно добавить, что Р.Н. Вурне и соавторы как раз относятся к той немногочисленной группе из научно-медицинского сообщества, представители которой не признают тождественность таких понятий, как смерть мозга и смерть человека.

Наша позиция не столь категорична, как у Р.Н. Вурне и соавторов, однако мы убеждены: при использовании понятий «смерть», «гибель», отражающих сущность клинической реальности смерти мозга, нельзя упускать из вида различие этих двух аспектов — функционально-физиологического и структурно-морфологического. Необходимо подчеркнуть: в некоторых странах в самих нормативных актах, придающих силу закона новой концепции смерти, среди критериев смерти мозга подчеркивается факт разрушения его структуры (в Великобритании — «не поддающиеся лечению структурные поражения мозга»; в Японии — «у больного обязательно должно быть необратимое органическое поражение мозга»).

В числе многочисленных лабораторных методов исследования, подтверждающих диагноз смерти мозга, предлагалось и биопсическое исследование мозга, которое производится путем прямого хирургического вмешательства, однако этот метод был признан клинически, научно необоснованным: «Если не делать множества трепанационных отверстий и биопсии мозгового вещества в различных отделах полушарий и ствола мозга, ни хирург, ни патолог до наступления смерти не смогут утверждать, что оставшееся мозговое вещество также погибло. Кроме того, микроскопическое исследование извлеченного и фиксированного биопсического материала является заведомо неадекватным методом оценки жизнеспособности мозговой ткани» (9, с. 473-474).

Налицо своеобразная гносеологическая неопределенность: с одной стороны, новая концепция смерти как смерти мозга предполагает гибель, разрушение структуры головного мозга у такого больного, а с другой — верифицированного подтверждения этого медицинского факта не может быть в принципе. Предположение о гибели структуры головного мозга пациента с диагнозом «смерть мозга» выражено формулой «*необратимое отсутствие всех функций*», которое, в свою очередь, основывается на двух аргументах. Первый из них — патоморфологический, т.е. данные вскрытий; второй — клинический, опирающийся на сроки, так сказать, выживаемости таких пациентов — длительности состояния смерти мозга в условиях продолжающейся

реанимации до окончательной остановки сердца. Далее мы рассмотрим первый из этих аргументов.

Приведем обоснование в 1983 г. патоморфологического аргумента Л.М. Поповой (имеющей, что исключительно важно, соответствующие собственные исследования — [6]): «Достоверным морфологическим признаком смерти мозга является некроз полушарий головного мозга, мозжечка, ствола, I и II шейных сегментов спинного мозга ... Процесс заканчивается лизисом мозгового вещества с вытеканием мозгового детрита ... морфологический диагноз смерти мозга может быть поставлен спустя 12-24 ч. после установления ее клинического диагноза при условии исследования всего головного и спинного мозга. Если прошло 5-6 ч. после установления клинического диагноза смерти мозга и в условиях ИВЛ наступила смерть в результате остановки сердца, то морфологически в мозге еще не обнаруживаются характерных признаков некроза вещества мозга ...» (11, с. 156).

А теперь приведем некоторые «Данные патоморфологических исследований» из монографии А. Э. Уолкера «Смерть мозга», вышедшей в США в 1985 г. *Макроскопическая картина*: «Если не считать набухшие и отечные извилины, некоторые препараты мозга кажутся вполне нормальными ... а некоторые выглядят как бесформенные рыхлые массы, разрушающиеся при попытке извлечь их из полости черепа. Ствол мозга разорван, часто во многих местах ... Приблизительно в 10% случаев мозг на срезах внешне выглядит нормально, но более, чем в 50% случаев белое вещество отечно и размягчено». *Гистологические изменения*: «В случаях смерти мозга данные микроскопического исследования головного и спинного мозга варьируют в широких пределах: от практически полной сохранности ткани мозга до резкой дезинтеграции структур нервной ткани ... Ствол мозга выглядит неизменным в 15% случаев ... Нижние отделы продолговатого мозга ... более всего страдают от смещения и вклинения миндалин мозжечка ... В коре большого мозга обычно обнаруживают выраженные патологические изменения, отсутствующие лишь в редких случаях ... Если жизнь больного поддерживают в течение нескольких дней, островки ишемического поражения нейронов в зонах нейролизиса рассеиваются по всей коре. Местами такие хронические изменения приобретают вид ламинарного некроза. В целом кора мозга вовлекается в патологический процесс в большей степени, чем белое вещество, но в случаях, когда больные живут в течение нескольких недель, множественные или диффузные патологические изменения возникают и в белом веществе, а в коре встречаются отдельные островки сохранной ткани» (15, с. 157, 159, 163, 167).

Мы отдаем себе отчет, что даже приводя столь обширные извлечения из монографий Л.М. Поповой и А.Э. Уолкера, мы вынуждены вырывать их

из контекста. Однако и с учетом этой оговорки очевидно существенное различие в очерченных позициях. У американского ученого оценка патоморфологических данных, которые бы позволили безоговорочно судить о тождестве понятий «утрата функций» и «разрушение структуры», не столь категорична и как бы оставляет простор для философского скептицизма. При этом оба автора демонстрируют в своих работах самый высокий научный уровень.⁴⁰ Следует подчеркнуть: оба они — убежденные сторонники новой концепции смерти. Что же касается показанного выше некоторого различия в трактовке у них «патоморфологического аргумента», то дело здесь, с нашей точки зрения, в философском, социокультурном аспекте проблемы смерти мозга.

Современная философия и социология науки существенно скорректировала смысл понятия объективности научного знания, сосредоточив внимание на строгих критериях научных фактов, научных теорий, а далее — на динамике научного знания, поскольку наука — это не только знание, но и социальный институт и доминирующий фактор культуры в современном обществе. Как писал Б.Г. Юдин: «Само добывание фактов, сбор эмпирического материала предполагает принятие тех или других концептуальных схем ... Научный факт — это не явление само по себе, а некоторая познавательная конструкция ... научный факт, содержащий элемент гипотетичности, в определенном смысле конструируется в процессах взаимодействия между учеными» (16, с. 14-15).

Если в СССР признанием новой дефиниции смерти на рубеже 70-80-х гг. были озабочены только ученые и врачи (В.А. Неговский, А.М. Гурвич, Л.М. Попова и др.), то в США эта проблема накануне издания монографии А.Э. Уолкера в 1981 г. была подвергнута самому настоящему междисциплинарному «мозговому штурму», в котором юристы и философы играли такую же важную роль, как и сами ученые-медики. Именно это обстоятельство определило, как мы полагаем, различные акценты в трактовке «патоморфоло-

⁴⁰ Мы считаем своим долгом напомнить читателю, что профессор Любовь Михайловна Попова, долгие годы заведовавшая отделением нейрореанимации в Институте неврологии АМН СССР (впоследствии — РАМН), является выдающимся отечественным ученым. В 50-е годы во время эпидемий острого полиомиелита она с успехом начала использовать для лечения дыхательной недостаточности ИВЛ (на то время новейшую медицинскую технологию), благодаря чему летальность снизилась с 93 до 22%. Начиная с 1956 г. она стала использовать ИВЛ у обреченных на смерть от дыхательной недостаточности больных с амиотрофическим боковым склерозом. 10 больным было обеспечено продление жизни методом дыхательной реанимации на сроки от 1,5 месяцев до 14,3 лет. Обобщение этой работы представлено в монографии: Л.М. Попова. Амиотрофический боковой склероз в условиях продленной жизни. М.: Медицина, 1998. За эту работу автор была удостоена Государственной премии России.

гического аргумента» советским ученым, с одной стороны, и американским — с другой.

В том-то и дело, что новая дефиниция смерти (как и споры вокруг аборта, эвтаназии и т.д.) относится к такого рода реальности, которую П.Д. Тищенко назвал «жизненные апории» (13, с. 52-74). Как известно, апория — это непреодолимое противоречие, возникающее при самом основательном, самом строгом научном анализе проблемы. Поэтому характерно следующее суждение А.М. Гурвича (одного из авторов первых редакций текста отечественной «Инструкции о констатации смерти на основании диагноза смерти мозга»): «... врач *должен верить* в тождество смерти мозга и смерти человека» (3, с. 195, курсив наш — А.И.).

Этически ответственное обсуждение дефиниции смерти мозга непременно предполагает сравнительный анализ, по крайней мере, трех научных концепций: «Согласившееся ... принять критерием ... смерти смерть мозга общество столкнулось с тремя определениями смерти мозга: 1) гибель всего мозга, включая его ствол, с необратимым бессознательным состоянием, прекращением самостоятельного дыхания и исчезновением всех стволовых рефлексов ...; 2) гибель ствола мозга (могут сохраняться признаки жизнеспособности полушарий мозга, в частности их электрическая активность ...); 3) гибель отделов мозга, ответственных за сознание, мышление, т.е за сохранность человека как личности ... Споры по этому вопросу не только не утихают, но становятся все более острыми ...» (3, с. 192).

Подчеркнем, что все ведущие отечественные ученые (В.А. Неговский, Л.М. Попова, А.М. Гурвич, А.П. Зильбер, И.Д. Стулин, М.А. Пирадов, В.Г. Амчеславский и др.) являлись и являются сторонниками первой из названных выше концепций. Однако как совместить эту позицию с вышеприведенными словами А.М. Гурвича о нарастании остроты споров по этому вопросу?

Мы полагаем, что здесь следует применять методологический принцип *prima facie*, сформулированный в первой половине XX в. американским философом У.Д. Россом. Суть его в том, что в ситуации противоречия (конфликта) моральных принципов автономная личность принимает трудное решение следовать какому-то определенному принципу, как бы вынося другой принцип за скобки (но не игнорируя и тем более — не зачеркивая этот последний). По этому поводу Б.Г. Юдин поясняет: «Тот факт, что обязательства, которые мы *вынуждены* нарушить, тем не менее не отбрасываются, а так или иначе принимаются во внимание, иногда выражают с помощью понятия «морального следа», то есть некоторого осадка, груза, который остается на совести из-за нарушения обязательства» (17, с. 52, курсив Б.Г. Юдина).

Конечно, у У.Д. Росса речь идет о конфликте моральных принципов, мы же обсуждаем конкурирующие друг с другом научные концепции. В нашем анализе принцип *prima facie* важен, по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, универсальная природа научного знания исключает монополизм отдельных научных школ и, напротив, требует «пристрастного» осмысления научной позиций ученых-оппонентов. Во-вторых, смерть мозга как научная проблема является типичной проблемой постнеклассической науки, поскольку в само содержание такой проблемы как бы «встроены» вопросы аксиологического, этического порядка (5, с. 46). Достаточно сказать, что только принятие первой концепции смерти мозга сделало возможной развитие в современных масштабах клинической трансплантологии.

Термин «смерть мозга» в конце концов вытеснил все другие смежные с ним в силу следующих причин. Дискуссия вокруг клинического и социального статуса больных в состоянии «запредельной комы» неизбежно вышла за границы только клинической реальности. Масштабы и интенсивность этой дискуссии определялись не только причинами внутринаучного, но и вненаучного порядка, прежде всего — потребностями развития клинической трансплантологии. Важной особенностью этой дискуссии стал ее междисциплинарный характер: окончательное решение проблемы новой дефиниции смерти (как смерти мозга) оказалось делом не только врачей, ученых-медиков, но и философов, юристов и социологов. Термин «смерть мозга» стал общепринятым для обозначения запредельной комы именно потому, что в нем оказалась как бы зашифрованной новая концепция смерти человека как такового.

Есть еще один важный итог междисциплинарной дискуссии вокруг клинического синдрома смерти мозга, а в конце концов — нового определения смерти человека. Наряду с констатацией в современной медицине двух критериев смерти (классического как «биологической смерти» и нового как «смерти мозга») возникла необходимость создать не дуалистическое, а универсальное определение такого критерия.

Пример дуалистического критерия мы, например, находим в уже упоминавшемся польском документе («Позиция Всепольских групп специалистов в области анестезиологии, интенсивной терапии, неврологии, нейрохирургии и судебной медицины по вопросу критериев смерти головного мозга»), где в вводных «Общих положениях», в частности, говорится: «В классической дефиниции смерти квалифицирующим фактором является окончательное прекращение кровообращения. Эта дефиниция имела и ныне имеет обоснованное широкое применение, за исключением тех случаев смерти, в которых особенно ярко проявился диссоциированный характер смерти. Это

случаи, когда смерть уже охватила головной мозг, а осталось кровообращение, действующее еще некоторое время» (1, с. 23).

Пример универсального определения еще в 1968 г. дал Гарвардский комитет (после чего новая концепция смерти стала распространяться во все мире): «Смерть — это прекращение спонтанного кровообращения и дыхания, сопровождающееся необратимым поражением всех функций головного мозга» (Цит. по: 4, с. 115). Если с помощью современных методов интенсивной терапии у пациента замещаются функции кровообращения и дыхания, но сохранены функции головного мозга, такой человек жив; если же погибли все функции головного мозга, и при этом дыхание и кровообращение поддерживаются искусственно, такой человек считается умершим.

Литература:

1. Вихровски М. Право на жизнь / Пер. с польск.: Игор Закшевски. Варшава, 2005.
2. Врачебные ассоциации, медицинская этика и общемедицинские проблемы: Сборник официальных материалов / Ассоциация врачей России / Под ред. В.Н. Уранова. — М.: ПАИМС, 1995.
3. Гурвич А.М. Стойкие вегетативные состояния и смерть мозга // Биомедицинская этика / Под ред. акад. РАМН В.И. Покровского. — М.: Медицина, 1997. — С. 189-197.
4. Зильбер А. П. Этика и закон в медицине критических состояний. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского университета, 1998.
5. Иванюшкин А.Я. Современные реанимационные технологии и новая дефиниция смерти (смерть мозга) // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 11: Гуманитарное обеспечение инновационного развития биомедицинских технологий: Сб. науч. ст. / Под ред. П.Д. Тищенко. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. С. 38-51.
6. Людковская И.Г., Попова Л.М. Морфология и патогенез смерти головного мозга при инсульте // Арх. пат. 1978. № 9. С. 48-54.
7. Морган-мл. Дж. Э. и соавт. Клиническая анестезиология: кн. 3-я / Пер. с англ. М.: БИНОМ-пресс, 2004.
8. Пермяков Н.К., Хучуа А.В., Туманский В.А. Постреанимационная энцефалопатия. М.: Медицина, 1986.
9. Плам Ф., Познер Дж. Диагностика ступора и комы / Пер. с англ. — М.: Медицина, 1986.
10. Попова Л.М. Запредельная кома при инсульте // Журн. невропатол. и психиатр. 1976. № 8. С. 1121-1126.
11. Попова Л.М. Нейрореаниматология. М.: Медицина, 1983.
12. Попова Л.М. Смерть мозга / БМЭ. Т. 23. М.: Медицина, 1985. С. 453-454.

13. Тищенко П.Д. Жизненные апории как начала биоэтики // Рабочие тетради по биоэтике. Вып. 9: Проблемы биоэтики и гуманитарной экспертизы: биотехнология, психология и виртуалистика: Сб. науч. статей / Под ред. П.Д. Тищенко. — М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2009. С. 52-75.
14. Уиклер Д. Определение смерти: задача для философов? / Пер. с англ. Л.В. Коноваловой // Коновалова Л.В. Прикладная этика (по материалам западной литературы). Вып. 1: Биоэтика и экология. Приложение 2. М.: ИФ РАН, 1998. С. 172-187.
15. Уолкер А.Э. Смерть мозга / Пер. с англ. / Под ред. проф. А.М. Гурвича. М.: Медицина, 1988.
16. Юдин Б.Г. Предисловие (От издательства) // Голдстейн М., Голдстейн И.Ф. Как мы познаем. Исследование процесса научного познания / Сокр. пер. с англ. А.Е. Петрова. М.: Знание, 1984. С.5-30.
17. Юдин Б.Г. Природа этического знания // Введение в биоэтику: Учебное пособие / Под общей редакцией Б.Г. Юдина и П.Д. Тищенко. М.: «Прогресс-Традиция», 1998. С. 21-52.
18. Ad Hoc Committee of the Harvard Medical School to Examine the Definition of Brain Death? A Definition of Irreversible Coma // Journal of American Medical Association, vol. 205, no. 6, 5 August 1968, p. 85-88.
19. President's Commission for the Study of Ethical Problems in Medicine and Biomedical and Behavioral Research. Defining Death: A report on the Medical, Legal and Ethical Issues in the Determination of Death, 66 p. Government Printing Office, Washington, D. C., 1981.

**Танцы вокруг ума.
От психотехнологий до медитативных практик.**

Манипуляции окружают человека всю его жизнь, начиная с раннего детства. Так как стремление влиять на другого присуще человеческой природе, к манипуляциям можно отнести практически любое общение — взаимодействие подразумевает и взаимовлияние. Не только деловое (на работе или в учебных заведениях), но и межличностное, неформальное общение — между детьми и родителями, между друзьями и возлюбленными, между малознакомыми людьми на улице или в транспорте, не обходится без манипуляций — осознанных или спонтанных. Отличие манипуляций стихийных от осознанных состоит в том, что во втором случае применяются психотехнологии. Продуманные, структурированные, строго просчитанные манипуляции приводят к запланированным результатам воздействия, и это воздействие может быть как позитивным, так и негативным. Однако сама идея, что кто-то пытается влиять на нас помимо нашей воли, приводит нас в негодование.

Психотехнологии в нашей повседневной жизни. В чем сила и притягательность психотехнологий? С одной стороны, они внушают сладкий ужас перед невероятной манипулятивной силой, которую они в себе (как принято считать) скрывают. И потому поговорить об их влиянии на сознание, о том, как «они» зомбируют народ, промывая его мозги через телевидение, интернет и прочие СМИ — всегда увлекательно, тем более что существует достаточно много разработок, иллюстрирующих это влияние. Парадоксально, но именно по телевидению, который в народе называют «зомбо-ящик», в последнее время появляется все больше научно-популярных передач, посвященных теме манипулятивного влияния психотехнологий. Есть своя ирония и в том, как телепередача про зомбирование рекламой то и дело прерывается на рекламу же.

Насколько истинно суждение о том, что все психотехнологии, используемые в СМИ, применяются направленно и адресно — судить сложно, однако нельзя не заметить, что постоянное внушение (пусть и самое что ни на есть простое, прямое и непрофессионально выполненное) в виде повседневной рекламы мы ощущаем постоянно. Нас призывают как можно больше потреблять, покупать различ-

ные удивительные товары, которые приведут нас — ни много ни мало — к радости и счастью, в том числе в личной жизни. Красивые дорогие машины, одежда, предметы роскоши непременно сочетаются с красивыми людьми, рядом с которыми можно оказаться, лишь приобретя все эти рекламируемые предметы — и вот она, красивая жизнь и бесконечное счастье! В наше сознание постоянно вкладывается логическая связка «если покупать дорогие вещи, появляется шанс общаться с красивыми и успешными людьми, а может, и самому стать таким, как они — излучающими радость, уверенность в себе и счастье». Таким образом, эмоциональные и экзистенциальные потребности человека — в общении, любви, признании, эстетическом наслаждении и счастье сводятся к необходимости покупать как можно больше различных товаров и услуг.

Что касается обычной телерекламы, а также т.н. «агрессивного маркетинга» на улицах и в офисах крупных торговых центров, где нас «ловят» с неотразимыми улыбками и непреклонной решимостью на лице на предмет каких-то новых услуг и товаров, то тут действуют гораздо более быстро и решительно. Всех этих людей обучают наиболее важным приемам психологического воздействия, т.е. манипулирования сознанием, чтобы их: а) выслушали, б) приняли их аргументы, в) что-нибудь купили или хотя бы оставили телефон, который впоследствии будет внесен в базу данных, и тогда уже другие специально обученные люди продолжат эстафету т.н. «окучивания» потенциального покупателя. Все это уже стало частью нашей повседневной реальности, и наша усталость и раздражение в ответ на такие приемы вполне понятны. Потому чрезвычайно полезно уметь распознавать все эти уловки и приемы, чтобы в каждый момент жизни осознавать происходящее и не принимать решений, за которые после пришлось бы пожалеть.

Как не стать жертвой манипуляций? Прежде всего важно понимать, что чрезмерная настойчивость и подчеркнутая эмоциональность — это не показатель сильной радости по поводу общения с нами, а всего лишь инструмент, призванный подключить наши эмоции и отключить рассудок. Наше российское общество до сих пор испытывает дефицит позитивных эмоций и, улыбок — у нас принято ходить с серьезными и хмурыми лицами, поэтому простая улыбка и проявление внимания могут временно усыпить нашу бдительность — просто потому, что всем приятно, когда с ними разго-

варивают вежливо и заинтересованно. К сожалению, порой такое вот «доброе» обращение может оказаться ловушкой, так как сказать твердое «нет» в таких случаях бывает просто неловко, даже если мы умом понимаем, что ничего из предлагаемых благ нам не нужно. Разумеется, другая крайность — грубое, раздраженное отрицание всех и вся — тоже не лучший выход, хотя бы потому, что раздражение и гнев — это тоже эмоции, а там где превалируют эмоции, проигрывает рассудок. Самое достойное поведение в ситуации, когда мы почувствовали, что от нас пытаются добиться того, чего мы не хотим и не намерены делать — не позволяя раскачивать эмоции, оставаться спокойным, уравновешенным и рассудительным и по возможности прекратить диалог. Если же нельзя избежать общения с манипулятором, надо говорить с ним, постоянно памятуя о том, что вы вовсе не обязаны делать то, что от вас хотят, если только вы сами не примете решение согласиться с ним.

Другая важная составляющая всех манипуляций — апелляция к важным ценностям. Опытный манипулятор хорошо знает, что человек способен совершить поступки, порой неожиданные для него самого, когда затронуты важные для него жизненные ценности или чувства. При этом манипулируемому будет казаться, что то, что он делает, он делает не потому, что его попросили, убедили или заставили, а ради, например, жизни и здоровья себя и своих близких, ради дружбы, любви, своего будущего благополучия и счастья. Умение находить такие «тайные кнопки», нажав на которые можно переключить внимание человека таким образом, что он становится podatливым для манипуляций, отличает талантливого манипулятора. Обычно не так сложно распознать начало такой «сложносочиненной» манипуляции — ее отличительная особенность состоит в том, что с вами внезапно начинают говорить об общечеловеческих ценностях, явно пытаясь нащупать, какая из них окажется для вас наиболее близкой, стараясь избегать прямого разговора по существу. В таких случаях полезно задавать прямые вопросы и добиваться конкретных ответов, и если вам неоднократно дают уклончивые ответы и пытаются поменять тему, это сигнал, что с вами ведут нечестную игру.

Ирония состоит в том, что для того, чтобы уметь противостоять манипуляциям, необходимо самому быть сведущим в них, хотя бы для того, чтобы вовремя их распознавать. А уж способность со-

хранять равновесие и спокойствие духа в ситуациях эмоционального давления можно тренировать, используя опять же специальные психотехнологии из арсенала НЛП, аутотренинга, самогипноза и медитативных практик. Таким образом, любые технологии это всего лишь инструмент, сами по себе не являющиеся ни добрыми, ни злыми. То, что способно разрушить, можно использовать и во благо.

Психотехнологии как средство улучшения жизни. Итак, что же дают нам психотехнологии, в чем их польза? При чем польза не только обществу, политическим партиям или определенным корпорациям, которые заказывают и оплачивают разработки рекламных роликов, а отдельному человеку? Что мы можем из них извлечь для себя, как говорится, для личного пользования? Прежде всего именно новейшим психотехнологиям обязан своим бурным развитием современная психотерапия — по сравнению с прошлым веком, когда психоанализ занимал многие месяцы, а порой даже и годы, появилось множество эффективных способов помочь страдающему человеку за гораздо более короткие сроки. Так называемая краткосрочная психотерапия основана на тонком применении различных психотехник. Психология становится все более самостоятельной, и из дополнения к медицине преобразуется в самостоятельное направление, позволяющее улучшать качество жизни. Человек становится более общительным, учится правильно учиться и работать, грамотно распределять свое время, приобретает множество ментальных навыков, которые позволяют начать жить более осознанно, получая больше удовольствия. Психотехнологии, будучи использованы грамотно и с умом (разумеется, польза и эффективность работы с ними зависит прежде всего от профессионализма терапевта), могут дать то, без чего жизнь теряет краски, а именно радость и счастье.

Независимо от уровня образования, социального положения, пола и возраста, всем хочется знать, как испытывать больше радости и удовлетворения в повседневной жизни. Понимание того, что для этого недостаточно обладать материальным благополучием, более того — ключ к счастью и поиск его должен лежать где-то в иной — духовной, или психической плоскости, у человечества уже есть. Однако варианты этого поиска весьма разнообразны. Один из путей — обращение к достижениям современной науки, медицины, биотехнологий. Возлагаются большие надежды на исследования роли гормонов, различных химических соединений, отвечающих за эмоцио-

нальное состояние. Сканирование мозга, широко применяемое и становящееся все более популярным, дало много дополнительных знаний в этой области — мы уже знаем, какие области мозга отвечают за депрессию, какие — за удовольствие и т.п. Психотерапия, призванная помочь человеку жить более полной, радостной и насыщенной жизнью, стремится использовать знания, полученные в ходе новейших исследований мозга, в частности, новое поколение антидепрессантов предлагает гораздо более щадящее воздействие на организм в целом, а некоторые психотехники, в частности модели НЛП, часто позволяют добиться хороших результатов и вовсе без медикаментов.

Современный буддизм о работе человеческого ума. Есть и другой путь, также выбираемый людьми в поисках радости и гармонии — это религия и духовные практики. В течение множества лет эти два пути — путь разума и путь духовных практик — считались взаимоисключающими. Между тем духовные практики, которым уже не одно тысячелетие, дошли до сегодняшних дней и продолжают менять жизнь людей, которые ими занимаются. И есть среди них такие, которые отнюдь не исключают напряженную работу ума и научный подход. Как говорил Альберт Эйнштейн, «если и есть какая-то религия, которая могла бы соответствовать представлениям современной науки, то это буддизм».

Однако что именно происходит во время медитации в мозге человека, до последнего времени оставалось неизвестным. Очевидно, что изменения происходят, и порой очень сильные. Описаны даже случаи самоизлечения от различных психических недугов, которые современная медицина признает неизлечимыми, либо берется лечить лишь с помощью сильнодействующих медикаментов. В частности, всемирно известный буддийский лама и монах Йонге Мингьюр Ринпоче в раннем детстве был подвержен психическому недугу, который по описанию симптомов скорее всего можно отнести к паническому расстройству. Вот что пишет он сам: «С раннего детства меня преследовали чувства тревоги и страха. Моё сердце бешено билось, и я часто покрывался испариной, когда оказывался рядом с незнакомыми людьми. И у этого неудобства, которое я вынужден был постоянно испытывать, не было никаких видимых причин»⁴¹.

⁴¹ Йонге Мингьюр Ринпоче. Будда, мозг и нейрофизиология счастья. Как изменить жизнь к лучшему. Практическое руководство. Открытый мир, 2010 — С. 7.

Однако этот мальчик с самого раннего детства пытался заниматься медитацией, обнаружив, что это приносит ему, пусть и очень кратковременное, но успокоение. Затем, уже под руководством опытных учителей, обучаясь тонкостям и приемам медитации, он прошел свой долгий нелегкий путь. Получив классическое монастырское образование и проведя 6 лет в одиночном медитативном затворничестве, он сумел справиться со своим недугом и преодолеть его, не прибегая к обычным фармацевтическим и психотерапевтическим методам лечения. И это свидетельствует не только о необычайной силе его характера, но и об эффективности практик тибетского буддизма, о которых он рассказывает в своей книге. Однако параллельно с изучением буддизма он увлекался также биологией, неврологией, психологией, химией и физикой. Своим интересом к науке он обязан знакомству с Франсиско Варелой — знаменитым чилийским нейробиологом и философом, который часто говорил с 9-летним мальчиком-монахом о современной науке, особенно о своей специальности — структуре и функционировании мозга. Вследствие такого необычного синтетического образования, изучая одновременно современную науку и буддийскую практику, Мингьюр Ринпоче убеждается в том, что и буддизм, и современные науки о человеке обладают выдающимися знаниями о работе человеческого ума. При этом, если буддизм способен научить людей субъективному подходу к реализации их полного потенциала счастья, то западная наука предлагает более объективное объяснение того, что и как происходит в организме человека и на основе полученных знаний дает рекомендации по улучшению его жизни. Выходит, что взятые вместе, они образуют более полное, ясное и завершённое целое, позволяющее не только улучшить, но и радикально изменить саму природу человека без применения насильственных методов и манипулятивных психотехник.

Опытный буддист не считает буддизм религией. Он воспринимает его как своего рода науку, метод исследования собственного опыта с помощью техник, которые позволяют беспристрастно изучать свои действия и реакции. В своей основе буддизм очень практичен. Он направлен на осознание врождённого потенциала нашего ума, все возможности которого до сих пор остаются непознанными. Он учит тому, как обрести спокойствие, счастье и уверенность, избегая тревог, безысходности и страха.

Жизнь современного человека полна забот, тревог и чрезмерного напряжения. Однако это напряжение, которое зачастую является причиной неврозов и множества других болезней, отнюдь не является необходимостью. В первом учении, данным Буддой по достижении просветления, говорится, что если суть обычной жизни состоит в страдании, то самым действенным противоядием от него является смех, в особенности смех над собой. Чрезмерная серьезность оказывается препятствием, то есть для буддийской практики необходима определённая степень легкомыслия. Каждый ищет свой собственный путь к освобождению в лабиринте личного страдания, дискомфорта и отчаяния, которые характеризуют повседневную жизнь, и способность смеяться позволяет попадать в пространство счастья и гармонии. При этом в отличие от других религий, в частности, христианства, в которых человек предстает существом крайне несовершенным и уже хотя бы поэтому заслуживающим жизнь в страдании, сущность буддийской практики направлена на осознание того, что вы — хороший, цельный и совершенный человек, какими бы вам ни казались обстоятельства, определяющие вашу жизнь. Это совершенно новая парадигма отношения к человеку к другим и к самому себе, связанная не столько со стремлением изменить себя, свои мысли или поведение, чтобы стать лучше, сколько на понимание, сострадание и милосердие — по отношению и к себе, и к другим. В этом буддизм полностью созвучен гуманистической психологии и этике — с его убежденностью в изначально доброй природе человека и верой в безграничные возможности человеческого ума. Разница состоит в том, что если западная психология помогает человеку на его пути по достижению счастья и благополучия, буддизм стремится помочь осознать, что вы в этот самый момент уже являетесь таким цельным, совершенным и, в сущности, благополучным человеком, в которого вы только могли мечтать однажды превратиться.

Научное исследование медитативных практик. Однако буддистские практики, способные дать улучшение качества человеческой жизни, могли бы стать значительно более эффективными, если бы удалось соединить их с достижениями современной науки. Если люди научатся применять знания буддизма и современной науки к проблемам, с которыми им приходится сталкиваться в своей повседневной жизни. Однако чтобы преодолеть психологические и биологические привычки, создающие так много боли и горечи в по-

вседневной жизни, необходимо научиться применять теорию на практике.

Стремление понять, как и почему эффективно работают буддийские медитативные техники, объединил деятелей науки и опытных практиков медитаций. Каким образом информация, доступная людям, которые обучены давать подробные субъективные описания своего опыта, могла бы быть исследована и даже измерена с помощью аппаратуры, способной измерять малейшие изменения в активности головного мозга? Знание структуры и функций мозга, с одной стороны, и невероятная способность йогов управлять неврологическими процессами, с другой, в сочетании с современными возможностями техники дало поразительные результаты.

В 2002 году американский нейрофизиолог Ричард Дэвидсон и невролог Антуан Луц, обучавшийся у Франциско Варелы, пригласили восемь мастеров медитации принять участие в исследовании воздействия медитации на человеческий мозг, проведенный Вейсмановской лабораторией нейрофизиологии и функционирования мозга (США). В результате этих исследований выяснилось, что опытные практики медитации действительно могут управлять мозговой деятельностью и влиять на процессы, которые раньше считались автоматическими. И, как следствие, менять свое психическое и ментальное состояние по собственному желанию. Например, у основного участника, о котором уже говорилось выше — Йонге Мингьюра Ринпоче, нейронная активность в зоне мозга, связанной с ощущением счастья, во время медитации увеличивалась на 700%! Это кажется невероятным еще и по той причине, что этот человек много лет страдал от приступов панического страха, и нахождение в течение нескольких часов в замкнутом пространстве МРТ, душном и похожем на гроб, способно вызвать клаустрофобию и у совершенно здоровых людей. Тем не менее факт, что Ринпоче мог столь умело сосредоточивать свой ум даже в таких условиях, показывает, что тренировка в медитации позволила ему полностью преодолеть склонность к паническим приступам.

Кроме того, результаты МРТ- и ЭЭГ-исследований этих восьми йогов-адептов медитации показали, что электрическая активность мозга испытуемых, связанная с вниманием и феноменальным осознанием, превосходит всё, что они когда-либо видели. Эти результаты были настолько неожиданными и впечатляющими, что со-

трудники лаборатории вначале решили, что дело в неисправности оборудования и лишь дважды перепроверив результаты, они вынуждены были поверить в то, что увидели.

Такого рода исследования, являющиеся гуманитарной экспертизой, позволяют расширять возможности науки о человеке, вобрав и освоив технологии, ранее остававшиеся вне поля зрения как ненаучные.

Между тем, если сопоставить методы буддийских и западных научных исследований, можно заметить, что они в основе своей схожи. Классические буддийские тексты начинаются с основы, которая включает в себе теоретический или философский базис исследования. Затем идет описание различных практик — это обычно называют путём, далее дается анализ результатов личных экспериментов. Заканчивается все советами по дальнейшему обучению. Глубинная структура классических научных исследований часто аналогична описанной выше: начинается все с теории или гипотезы, затем — объяснение методов проверки изложенной теории, далее — анализ и сопоставление экспериментальных результатов с исходной гипотезой.

Таким образом, уже сделаны серьезные шаги к получению доказанных научных объяснений того, каким образом медитация способна вызвать положительные изменения в наших умах и телах, изменив к лучшему всю нашу жизнь и приведя нас к достижению глубокой внутренней умиротворённости и непреходящего счастья.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Юдин Б. Г.</i> Границы человеческого существа в мире новых технологий	4
<i>Тищенко П. Д.</i> Экологические проблемы политического одомашнивания человека самого себя: государство, народ, общество, масса, толпа	22
<i>Беляетдинов Р. Р.</i> Концепция совершенствования человека как элемент развития биотехнологий.....	50
<i>Я.С. Яскевич</i> Трансдисциплинарно-синергетическая методология в обеспечении инновационного развития биомедицинских исследований.....	59
<i>Иванюшкин А.Я.</i> Новая дефиниция смерти (смерть мозга) в научном и философском дискурсе	81
<i>Майленова Ф.Г.</i> Танцы вокруг ума. От психотехнологий до медитативных практик.....	97

Издательство Московского гуманитарного университета

Печатно-множительное бюро

Подписано в печать 23.04.2011 г. Формат 60×84 1/16

Усл. печ. л. 7,0

Тираж 100 заказ №

Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1